

ООО «Наука и образование»

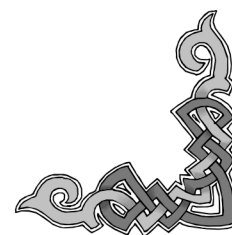
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

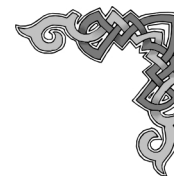

**№ 2
2018**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2018, № 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

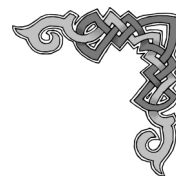
Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по науке;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Karepova S. Gennadyevna, candidate of sociological sciences, the deputy director of Institute socially-political researches of the Russian Academy of Sciences on science;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

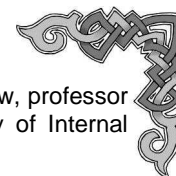
Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Kleshchina E. Nikolaevna, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Konovalev S. Ivanovich, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Ph.D, Professor, Dean of the Faculty of Law in the Kuban State Agricultural University, Head of International Private and Business Law Department at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Markova-Murasheva S. Aleksandrovna, the doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

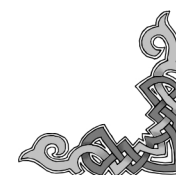
Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, chief researcher of the Ministry of Internal Affairs All-Russian research institute of Russia;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, Doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, Doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

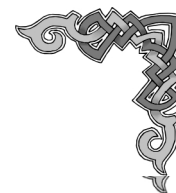
Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Пусько Виталий Станиславович

Рассказов Леонид Павлович

Попов Михаил Юрьевич

Атоян Корюн Лукашевич

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Белов М.Т., Рачипа А.В., Самыгин С.И. Специфика управленческих решений в системе управления организацией	13
Васьков М.А., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Механизм межпоколенческой солидарности в формировании патриотизма и управлении межэтническими отношениями в России	17
Власова В.Н., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Система ценностных ориентаций молодежи как отражение кризиса духовной жизни общества	22
Гафиатулина Н.Х., Пшегусова Г.С., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи в контексте ее личностной зрелости: социологическая рефлексия	26
Казиева М.З. Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи: анализ факторов его формирования	31
Касьянов В.В., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Компаративный анализ потенциала миграционно-демографических процессов городов Краснодар и Ростов-на-Дону в начале XXI века	35
Кикоть А.С. Микросоциальные факторы влияния на социальную адаптацию молодой семьи в российском обществе	40
Ковригин В.В. Антагонизм центра и провинции в сознании россиян: социологический анализ	45
Пшегусова Г.С., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Роль патриотического воспитания в формировании социального здоровья российской студенческой молодежи	49
Сайгушева С.Н. Влияние глобализации на систему открытого образования как фактора «омассовления» системы элитного образования	53
Слесарев А.В. Факторы развития стигматизационных процессов в обществе на примере лиц с наркозависимостью	56
Толстиков В.А., Кашина Т.Л., Извекова Ю.С. Роль и сущность понятия «коммуникация» в условиях формирования открытого информационного общества	59
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Атаев З.А. Преступления в сфере регистрации сделок с недвижимостью и их юридическое оформление: особенности квалификации	65
Григорьева А.Г., Высоцкая Л.П. Объединение судов: проблемы и перспективы развития	70
Зограбян Э.Л. Процессы социального сотрудничества в Республике Армения в 1991–2005 гг.	74
Кашкаров А.А., Штехбарт А.Л. К вопросу об общественной опасности исламского радикализма в современном светском обществе	79
Котелевская Ю.В., Нехайчук Д.В., Нехайчук Ю.С. Законодательные и административные основы взаимодействия органов государственного и муниципального управления	84
Кочеткова Т.Ю. Становление иска о признании права собственности как гражданско-правового способа защиты	91

Кубиков Д.М.	
Особенности законодательного регулирования различных видов соглашений о порядке удовлетворения имущественных требований кредиторов к должнику	95
Сыздыкова Ж.С.	
К вопросу о динамике расселения и роста численности туркмен Ставропольского края	98
Литвяк Л.Г., Абрамян С.К.	
Историко-правовой аспект развития законодательства о борьбе с коррупцией	101
Харашвили Г.Р.	
Преступления в бюджетной сфере. Понятие и особенности квалификации	104
Шуйский А.С.	
Предупреждение преступности и уголовно-правовые нормы с двойной превенцией	106

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сулейманова К.А.	
Состояние и перспективы выставочного маркетинга в России	111
Фомичева Е.В.	
Обзор передовых программ страхования имущества электрогенерирующих компаний Западной Европы	115

CONTENTS:

Congratulations	6
-----------------------	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Mikhail T. Belov, Andrey V. Rachipa, Sergey I. Samygin Specificity of management decisions in the organization management system	13
Maksim A. Vaskov, Anna V. Vereshchagina, Sergei I. Samygin The mechanism of intergenerational solidarity in the formation of patriotism and the management of interethnic relations in Russia	17
Victoria N. Vlasova, Lidiya I. Scherbakova, Sergey I. Samygin System of valuable orientations of youth as reflection of crisis of spiritual life of society	22
Natalya K. Gafiatulina, Galina S. Pshegusova, Sergey I. Samygin Social health of Russian youth in the context of her personal maturity: sociological reflection	26
Madina Z. Kazieva Spiritual health of Dagestan students: analysis of factors of its formation	31
Valery V. Kasyanov, Mikhail Yu. Popov, Sergei I. Samygin Comparative analysis the potential of migration and demographic processes of the city of Krasnodar and Rostov-on-Don in the early 21st century	35
Anastasia S. Kikot Micro-social impact factors on the young family social adaptation in russian society	40
Vadim. V. Kovrigin The antagonism of the center and province in the minds of Russians: a sociological analysis	45
Galina S. Pshegusova, Natalya K. Gafiatulina, Sergey I. Samygin The role of patriotic education in shaping the social health of Russian student youth	49
Svetlana N. Saygusheva The influence of globalization on the system of open education as a factor of «massaging» the system of elite education	53
Alexander V. Slesarev Development factors of stigmatization processes in the society on the example of persons with drug addiction	56
Victor A. Tolstikov, Tatiana L. Kashina, Julia S. Izvekova The role and essence of «communication» concept in the conditions of an inclusive information society formation	59

JURISPRUDENCE

Zurab A. Ataev Crimes in the sphere of registration of transactions with real estate and their legal registration: features of qualification	65
Anna G. Grigorieva, Lyudmila P. Vysotskaya Merging of courts: problems and prospects of development	70
Eduard L. Zohrabyan The Process of Collaboration in Republic of Armenia 1991–2005	74
Alexander A. Kashkarov, Alexander L. Shtekhbart To the question of the public danger of Islamic radicalism in a modern secular society	79
Yulia V. Kotelevskaya, Dmitry V. Nekhaychuk, Yulia S. Nekhaychuk Legislative and administrative bases of interaction of government and municipal government bodies	84
Tatiana Yu. Kochetkova The formation of a claim for acknowledgment of ownership as a civil remedy	91
Denis M. Kubikov Features of legislative regulation of various types of agreements on the order of satisfaction of requirements of creditors to the debtor	95

Zhibek S. Syzdykova	
To a question of dynamics of resettlement and growth of number Turkmen of the Old Polish edge	98
Larisa G. Litvyak, Syuzanna K. Abramyan	
Historical and legal aspects of development of legislation on combating corruption	101
Georgiy R. Kharashvily	
Crimes in the budgetary sphere. Concept and features of qualification	104
Andrey S. Shuisky	
Crime prevention and criminal-law norms with double prevention	106

ECONOMIC SCIENCES

Karina A. Suleymanova	
The state and prospects of exhibition marketing in Russia	111
Elena V. Fomicheva	
Best practices review of Western Europe power generation companies' property insurance programs	115

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Белов Михаил Тимофеевич

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) kafedraypis@mail.ru

Рачипа Андрей Валерьевич

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, истории и политологии, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет, профессор-совместитель кафедры 109 «б», ФГБОУ «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)» rachipa@sfedu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) darya.maksimovich@gmail.com

Mikhail T. Belov

candidate of sociological sciences, the associate professor, head of the department of personnel management and sociology, Rostov state economic university (RINH) kafedraypis@mail.ru

Andrey V. Rachipa

doctor of sociological sciences, professor of department of sociology, history and political science of Institute of management in economic, ecological and social systems, southern federal university, professor-associate of the department 109 «b», FGBOU «Moscow Aviation Institute (National Research University)» rachipa@sfedu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of chair of human resource management and sociology, Rostov state economic university (RINH) darya.maksimovich@gmail.com

**СПЕЦИФИКА
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ
ОРГАНИЗАЦИЕЙ**

Аннотация. Одним из главных элементов управления организацией является разработка и принятие управленческих решений. В рамках данной статьи управленческое решение характеризуется как комплексное, междисциплинарное явление.

Ключевые слова: управленческие решения, управление персоналом, менеджмент, организация, система управления.

В современных условиях рыночных преобразований возникает острая потребность в обеспечении качественного управления различными социальными процессами и явлениями в организации. Каждая организация, производящая материальные блага или услуги и располагающие собственной системой управления, представляют собой определенное социальное пространство, в котором люди в своей профессиональной деятельности вынуждены принимать те или иные управленческие решения. Т.е. одним из главных элементов управленческого про-

**SPECIFICITY OF
MANAGEMENT DECISIONS IN
THE ORGANIZATION
MANAGEMENT SYSTEM**

Annotation. One of the main elements of the organization's management is the development and adoption of management decisions. In this article the management decision is characterized as a interdisciplinary phenomenon.

Keywords: management solutions, personnel management, management, organization, management system.

цесса является разработка и принятие управленческих решений, от того, какие будут выработаны управленческие решения, зависит результативность деятельности, устойчивость и надежность функционирования социальной организации [1].

Как отмечает в своем диссертационном исследовании К.М. Закар, деятельность современных организаций отличается наличием большого спектра проблем, которые требуют безотлагательного решения.

Поэтому необходимость принятия управленческих решений (УР), формулирования инструкций, приказов возникает в любой организации каждый раз, когда привычная реакция на сложившуюся ситуацию оказывается неприемлемой, когда возникают нестандартные проблемы [2].

Проблемному анализу сущности управленческих решений в теории социального менеджмента посвящены работы многих представителей социально-экономического и гуманитарного знания. Так, в работах, Ю.Д. Красовского, Б.Г. Литвака, Б.З. Мильнера, Э.А. Смирнова, Ю.А. Тихомирова, В.М. Шепеля и др. процесс принятия решений рассматривается в качестве атрибута управления организацией и важного вида деятельности.

Следует заметить что категория «управленческое решение», будучи социально-экономической категорией, несмотря на частую артикуляцию в социально-экономической и организационной литературе, является формально неопределенной, носящей разносторонний характер, поскольку многими авторами эта категория интерпретируется по-разному. Как отмечают И.В. Кальницкая и А.Н. Данилов, категория УР – очень многогранная, т.к. принятие решений в организации характеризуется как: целенаправленная деятельность, реализуемая менеджером; организационное поведение, базирующееся на фактах и ценностных ориентациях; процесс взаимодействия членов организации; часть процесса управления; выбор альтернатив в рамках социально-политического состояния организации [3].

По мнению Р.А. Фатхутдинова, УР – это «результат анализа, прогнозирования, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернативы из множества вариантов достижения конкретной цели системы менеджмента» [4, с. 23].

Следует подчеркнуть, что принятие решений – значимый и сложный процесс в силу трудностей двоякого (субъективного и объективного) рода: с одной стороны, дефицит времени, который почти постоянно испытывает менеджер, причем, чем выше уровень руководства, тем более остро чувствуется этот дефицит; с другой, – дефицит информации, ситуация риска и неопределенности, характеризующая объект управления [5].

Одной из характерных черт принятия УР является их междисциплинарный характер, объединение различных областей науки: философии и математики, психологии и социологии, экономики и юриспруденции. Таким образом, управленческое решение характеризуется как комплексное, междисциплинарное явление, и для понимания его специфики необходимо иметь представление об основных составляющих его аспектах, среди которых можно обозначить следующие:

1) Социологический аспект подчеркивает участие персонала организации (трудового организационного сообщества) в процессе выработки УР. Причем участие персонала в выработке управленческих решений способствует активизации человеческого фактора, пониманию каж-

дым сотрудником своей причастности к решению производственных и социальных задач организации.

2) В соответствии с психологическим аспектом, под УР понимается внутренняя мыслительная деятельность субъекта управления, направленная на разрешение определенной проблемы организации. При этом исследуются особенности поведения человека или группы людей в ситуации выбора, анализируется т.н. борьба мотивов при принятии решений.

3) Информационный аспект подчеркивает информационную природу принятия решений. Само принятие решения рассматривается как процесс преобразования исходной информации в информацию УР и здесь, конечно, главная роль отводится современным информационным технологиям.

4) Юридический аспект подразумевает важность правовой стороны принятия решения – его правомочности, полномочности и юридическим последствиям. УР рассматривается как определенный правовой акт в установленном порядке, соответствующим образом оформленный и принятый менеджером, как субъектом управления.

5) Организационный аспект – подчеркивает специфику УР как акта изменений и динамики развития организации. В этом случае УР определяется как один из моментов волевого действия менеджера, состоящий в выборе цели действия и средств ее достижения. Значительная роль отводится проблемам организации и контролю исполнения решений.

6) Математический аспект предполагает расчеты фактора времени принятия УР, фактора качества объекта и масштабы (объема) производства того или иного товара, математический анализ фактора инфляции при обеспечении сопоставимости альтернативных вариантов УР.

Решение (в организационной системе управления) представляет собой выбор целенаправленного воздействия на объект управления, который строится на анализе ситуации и содержит программу достижения цели. Решение принимается на основе рассмотрения нескольких альтернативных вариантов. В практике управления преобладают два типа ситуаций: ситуация спонтанного решения, требующая быстрого принятия решения и незамедлительной реакции и ситуация отсроченного решения, позволяющая обдумать и проанализировать ситуацию.

Разумеется, недостатком спонтанного решения, как правило, является эмоциональность, которая обуславливается индивидуально-психологическими и личностными особенностями менеджера. Кроме того, при принятии спонтанного УР количество вариантов и учитываемых факторов объективно снижено. Что касается отсроченного УР, то оно формируется путем логического обоснования каждого этапа с учетом большего числа альтернативных вариантов и возможных последствий.

Управленческие решения – это результат анализа, прогнозирования, оптимизации, экономического обоснования и выбора альтернативы из множества вариантов достижения конкретной цели системы менеджмента. Эффективность принятых УР – это ресурсная результативность, полученная по конечным итогам ее разработки или реализации в организации, причем в качестве ресурсов могут выступать товары, материалы, финансы, организация труда персонала, а также его здоровье [5].

Говоря об особенностях УР, необходимо указать на компоненты процесса выработки управленческих решений. Во-первых, волевой фактор – направляет процесс выработки и принятия решений. Его назначение – выбрать один вариант решения. Во-вторых, осознание целей и средств – процесс, базирующийся на информации о цели и средствах действия. Если цель задана, то процесс осознания состоит в осмыслении того, что задано вместе с установлением взаимосвязей между целью и средствами [6]. Если цель не задана и ее надо определить, тогда в осознание включается волевой акт. В-третьих, моделирование – мысленное совершение действия. Предполагает мысленное упрощение, при котором сохраняется главная идея решения и возможность его последствия. Далее осуществляется мысленный подбор аргументов «за» и «против». В-четвертых, анализ и оценка требуют критериев, вырабатываемых в ходе обучения и накопления опыта. Волевое вмешательство не предполагается, но при сравнении аргументов «за» и «против» и окончательным выборе ведущим становится волевой фактор [4].

Причем компоненты процесса выработки и принятия УР только в том случае будут эффективными, если они будут соотноситься с ценностными ориентациями персонала организации, когда в них будут заинтересованы не только администрация, но и сотрудники организации [7].

Литература:

1. *Volkov Y.Y.* Definition of the subjectivity of financial in sociological science / Y.Y. Volkov, D.V. Krotov, A.V. Rachipa, D.S. Zagutin, Z.A. Zharuev // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Т. 9. № 5. P. 87629.
2. *Заккар К.М.* Принятие решений в системе организации управления : автореф. ... уч. степ. канд. социол. наук. М., 2012.
3. *Кальницкая И.В.* Управленческие решения в модели управления организацией / И.В. Кальницкая, А.Н. Данилов // *Омский научный вестник*. 2014. № 3.С. 45.
4. *Фатхутдинов Р.А.* Управленческие решения. М., 2008. 344 с.
5. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucksen : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
6. *Самыгин С.И.* Управленческие стратегии в сфере бизнеса в контексте обеспечения соци-

Для формирования новой системы принятия управленческих решений, как подчеркивает К.М. Заккар, необходимо создать условия для организации управления на научной основе и с этой целью им предлагаются следующие принципы построения технологии принятия управленческих решений. Эти принципы, согласно К.М. Заккар, позволяют формализовать описание этапов разработки и принятия УР. Следует обозначить следующие принципы: 1) анализ соответствия организационной структуры решаемым задачам; 2) определение конкретных мероприятий по корректировке организационной структуры и приведению ее в соответствие с процессом по принятию решений; 3) обеспечение комплексного сбора всей необходимой информации для принятия УР; 4) оценка процесса коммуникации и системы обмена информацией; 5) анализ влияния стрессовых, кризисных ситуаций, и ситуаций неопределенности на процесс принятия управленческих решений; 6) выявление структуры потребностей персонала организации и их соответствия основным целям организации; 7) формирование нормативного мотивационно-ценностного базиса для принимаемых решений; 8) предотвращение возможных ошибочных действий со стороны принимающего решения; 9) моделирование процесса принятия УР; 10) обеспечение необходимого уровня сотрудничества в рабочей группе по принятию решений; 11) выработка проектного стратегического решения и расчет социально-экономической эффективности от проектного решения; 12) реализация принятых решений [2].

Следует заметить, что в настоящее время в рамках отечественного и зарубежного менеджмента разрабатываются проблемы моделирования управленческих решений с применением диагностического и прогностического инструментария, что способствует реализации поиска наилучшей стратегии принятия УР в разрешении проблемных ситуаций и прогнозированию вероятных результатов.

Literature:

1. *Volkov Y.Y.* Definition of the subjectivity of financial in sociological science / Y.Y. Volkov, D.V. Krotov, A.V. Rachipa, D.S. Zagutin, Z.A. Zharuev // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Т. 9. № 5. P. 87629.
2. *Zakkar K.M.* Decision-making in the management organization system : author's abstract. ... uch. step. Cand. sociol. sciences. M., 2012.
3. *Kalnitskaya I.V.* Management decisions in the management model of the organization / I.V. Kalnitskaya, A.N. Danilov // *Omsk Scientific Bulletin*. 2014. № 3. P. 45.
4. *Fatkhutdinov R.A.* Management decisions. M., 2008. 344 p.
5. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucksen : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
6. *Samygin S.I.* Management strategies in the field of business in the context of social security /

альной безопасности России / С.И. Самыгин, М.Т. Белов, Д.Н. Еременко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 59–64.

7. *Васьков М.А.* Трансформация управленческой культуры крупных коммерческих организаций Юга России : дисс. ... уч. степ. д-ра социол. наук / ЮФУ. Ростов-н/Д., 2011.

S.I. Samygin, M.T. Belov, D.N. Eremenko // Russian humanitarian, socio-economic, and social sciences. 2016. № 3. Pp. 59–64.

7. *Vas'kov M.A.* Transformation of administrative culture of large commercial organizations of the South of Russia : diss. ... uch. step. Doctor of Sociology. Sciences / SFU. Rostov-n / D., 2011.

Васьков Максим Александрович

доктор социологических наук, профессор кафедры Инклюзивного образования и социально-педагогической реабилитации, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет vaskovmaksim@mail.ru

Верещагина Анна Владимировна

доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет anrietta25@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет samygin78_@yandex.ru

**МЕХАНИЗМ
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ
СОЛИДАРНОСТИ
В ФОРМИРОВАНИИ
ПАТРИОТИЗМА И УПРАВЛЕНИИ
МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ
ОТНОШЕНИЯМИ В РОССИИ**

Аннотация. в статье обосновывается значимость межпоколенческой солидарности в отношении патриотизма в области управления межэтническими отношениями в современной России. В частности, делается вывод о необходимости формирования солидаристских установок в области развития гражданского патриотизма, обладающего наибольшим ресурсным потенциалом в области укрепления государственно-гражданской идентичности как основы консолидации многонационального российского народа. Для этого необходимо активизировать деятельностную сторону патриотизма, составляющую фундамент гражданского патриотизма и способную стать основанием солидаристских практик разных поколений россиян.

Ключевые слова: патриотизм, гражданский патриотизм, межпоколенческая солидарность, солидаристские практики, межэтнические отношения.

В каждом обществе и во все времена проблема «отцов» и «детей» была актуальной, и именно она всегда составляла основу кризиса

Maksim A. Vaskov

doctor of sociological Sciences, professor Department of Inclusive Education and Socio-Pedagogical Rehabilitation, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University vaskovmaksim@mail.ru

Anna V. Vereshchagina

doctor of sociological Sciences, professor Department of theoretical sociology and methodology of regional researches, Institute of Sociology and Regional studies, Southern Federal University anrietta25@mail.ru

Sergei I. Samygin

doctor of sociological Sciences, professor Department of human resource management and sociology, Rostov State Economic University samygin78_@yandex.ru

**THE MECHANISM OF
INTERGENERATIONAL
SOLIDARITY IN THE FORMATION
OF PATRIOTISM AND
THE MANAGEMENT OF
INTERETHNIC RELATIONS IN
RUSSIA**

Annotation. The article substantiates the significance of intergenerational solidarity in relation to patriotism in the field of interethnic relations management in modern Russia. In particular, it is concluded that it is necessary to form solidarist attitudes in the field of the development of civic patriotism, which has the greatest resource potential in the field of strengthening state-civic identity as the basis for consolidating the multinational Russian people. To do this, it is necessary to activate the activity side of patriotism, which is the foundation of civil patriotism and can become the basis of solidarist practices of different generations of Russians.

Keywords: patriotism, civil patriotism, intergenerational solidarity, solidarist practices, interethnic relations.

межпоколенческих отношений, разрыва поколений. Удивляться этому не приходится, так как каждое новое поколение всегда привносит с со-

бой что-то новое, постепенно или кардинально (в зависимости от этапа общественного развития) влияния на общий характер и тенденции общественного развития. И в этом контексте ученые часто обращаются к культурологической концепции М. Мид [1], которая смогла обосновать роль межпоколенческих отношений в общественной и культурной эволюции с позиции изменений конфигурации этих отношений на протяжении исторической динамики, начиная с традиционного общества и заканчивая современным, динамичным обществом, развитие которого в эпоху информационных технологий кардинально отличается от всего, что было прежде, и определяющая роль в этом отводится молодому поколению. Его называют сегодня по-разному – сетевое, цифровое, компьютерное, экранное поколение – но суть его заключается в том, что оно формируется и развивается под влиянием информационных технологий, обуславливающих определенный темп, стиль жизни и тип мышления, отношение к реальности, поведенческие практики и жизненные стратегии.

Согласно концепции М. Мид, современное общество в контексте межпоколенческих отношений определяется преобладающей ролью молодых поколений, задающих темп и вектор общественной динамики и не нуждающихся в опыте старших поколений, который устареваает еще при их жизни и потому не может служить ориентиром для молодежи, устремленной в будущее и редко оглядывающейся на прошлое с его традициями, устоями и нормами.

Трудно сказать, плохо это или хорошо, поскольку для общественной эволюции важность имеет и прошлое и будущее, формирующие настоящее, но современная реальность такова, что молодежь преимущественно ориентируется на свой опыт, на своих сверстников, на освоение нового опыта, а старшие поколения, в свою очередь, все чаще обращаются к молодежи как более успешной в освоении этого опыта, более адаптивной к вызовам стремительно меняющейся действительности. И в этой ситуации важно понять, на каких основаниях в этой специфической реальности, утратившей четкие очертания и принципы межпоколенческих отношений, ранее базировавшихся на неременной и безусловной ценности культурного потенциала и социального опыта старших поколений, должна и может выстраиваться межпоколенческая солидарность как неременное условие благоприятного общественного развития и эффективного решения социально значимых задач.

Очевидно, что в основе межпоколенческой солидарности должна находиться общность интересов, а сам механизм межпоколенческой солидарности как модели взаимоотношений между представителями разных поколений должен основываться на согласовании интересов, которые, безусловно, разные у разных поколений россиян. Очевидно и то, что формирование межпоколенческой солидарности происходит в конкретном пространстве межпоколенческих отношений, которое может носить неприемлемый для развития между поколениями солида-

ристских отношений характер, и надо заметить, что в современной реальности зачастую именно так и происходит ввиду отсутствия целостного, наполненного едиными смыслами, ценностями и интересами пространства межпоколенческих отношений. Если мы обратимся к социологическим данным, то увидим наличие значительных ценностных разрывов между представителями разных поколений – особенно между молодым и пожилым [2]. Эти поколения разделяют не просто десятилетия, а разные эпохи (советская и постсоветская) с принципиально разными культурными устоями, ценностными ориентациями, мировоззренческими установками и поведенческими моделями. То, что определяло жизнь и ее смысл для советских людей, сегодня не представляется ценным и значимым для поколений, сформировавшихся в постсоветских условиях, когда перестали существовать какие-либо общие нормативные и моральные ориентиры, их социальные регуляторы и стали стихийно формироваться стандарты жизни и жизненного успеха того общества, которое еще с трудом представляло себе, куда идет, решительно отказавшись от советского прошлого и всех принципов жизни, составлявших основу социальных взаимодействий, в том числе и между поколениями.

Ценностный разрыв между поколениями имеет конкретное выражение в разрыве коммуникативной среды, а эта среда является одним из важнейших факторов детерминации межпоколенческих отношений и уровня их солидарности. Иными словами, коммуникационное пространство межпоколенческих отношений в современной России не представляет собой монолитного целого, и в нем каждое поколение выстраивает свой коммуникативный мир. На пересечение этих миров стихийно формируются и развиваются по собственной логике межпоколенческие отношения, солидаризационный потенциал которых поступательно снижается. Причина этой ситуации нам видится в том, что для современной российской молодежи информационно-коммуникативная (сетевая, цифровая) среда, представленная, в основном представителями своего поколения, стала доминирующим фактором социализации и коммуникации, что и определяет сложности в процессе формирования пространства межпоколенческих коммуникаций, так как для взрослых, в отличие от молодежи, эта информационно-коммуникативная среда не является естественной. Если в ней и происходит «встреча» поколений, то такого же положительного эффекта, как если бы эти встречи происходили в реальном пространстве коммуникации, не наблюдается, но молодежь уже не представляет себя вне этой информационно-коммуникативной среды и не готова переместить сферу общения и взаимодействия в иную среду на постоянной основе.

Находясь под мощным воздействием этой «родной» информационной среды, молодежь впитывает в себя все ее содержимое, и единственный способ «вывести» молодежь на диалог со старшими поколениями, на траекторию развития, связанную с формированием межпоколенческих солидаристских практик, видится в том, чтобы

наполнить это пространство коммуникации молодежи смыслами, целями и идеями, соотносимыми со смыслами, ценностями и идеями, значимыми для разных поколений россиян.

Эти единые смыслы и идеи, если они еще не сформировались в настоящем, можно найти в прошлом и обрести в будущем, а потому, если исходить из понимания поколения как связанного с переживанием общих исторических событий [3], то важно осознать, что они, эти исторические события, разные у каждого поколения, но есть историческая память поколений. С этой точки зрения стратегия формирования исторической памяти как пространства формирования солидарности по вопросу о прошлом страны, ее настоящем и будущем, на наш взгляд, может стать действенным механизмом в развитии межпоколенческой солидарности в России.

Итак, фактор общей исторической памяти может стать основанием формирования патриотического сознания как основы патриотической идеологии и патриотизма как национальной идеи. Но здесь также предстоит сделать немало, так как опасность такой стратегии заключается в возможности ее трансформации в национализм, если будет нарушен баланс между естественными, основанными на эмоционально-чувственной природе патриотизма, механизмами его формирования и конструктивистскими, связанными с идеологическими конструктами и практиками, акторами которых выступают политические силы, государство.

Можно ли этого избежать? Можно, но для этого необходимо активизировать деятельностную сторону патриотизма, которая позволяет свести сочетание эмоционально-чувственного компонента и государственно-идеологического как конструируемого в патриотические практики, которые, по своей сути, могут стать основанием солидаристских практик разных поколений и сформировать пространство межпоколенческой солидарности. Основой этого пространства станет патриотическая идея, в которой эмоционально окрашенное отношение к Родине будет логично сочетаться с деятельностью на благо государства и российского народа.

В этом случае, речь, конечно же, идет о гражданском патриотизме, который представляет собой, с нашей точки зрения, совокупность когнитивных, ценностных и поведенческих установок, формирующих на индивидуальном и коллективном (общественном) уровне отношение к государству, Родине, народу и выражающих готовность и способность гражданина и общества (гражданского общества) к активным действиям во имя блага отечества на основе чувства органической принадлежности к родине и народу, гордости за свою страну, критического отношения к социальной действительности и ответственности за социальную активность.

Данное определение базируется на нашем понимании патриотизма как совокупности когнитивных, ценностных и поведенческих установок, формирующих на индивидуальном и коллектив-

ном (общественном) уровне определенное отношение к отечеству (государству, Родине, народу), находящее выражение в конкретных социальных практиках. Гражданственность же интерпретируется нами как качество личности, отражающее способность гражданина к активным действиям на благо отечества (родины, государства и народа) на основе компетентного и ответственного отношения к социальной активности.

Таким образом, основными структурными элементами патриотизма и, соответственно, гражданского патриотизма являются когнитивный, ценностный и поведенческий.

Когнитивный элемент отражает уровень и характер знаний о гражданском патриотизме, его функциях и способах формирования.

Ценностный элемент определяет значимость гражданского патриотизма как ценности в обществе, в ценностной иерархии отдельной личности.

Поведенческий элемент отражает характер социальных практик в области гражданского патриотизма, формирующихся в условиях определенной социокультурной, экономической и политической реальности на основе мировоззренческой платформы, определяемой когнитивными представлениями и ценностными ориентациями.

Гражданский патриотизм выполняет ряд специфических функций, определяющих его в разряд важнейших факторов воспроизводства гражданского общества и его развития. Можно выделить следующие функции:

- аксиологическую: формирование патриотизма как значимой гражданской ценности в системе ценностей и мировоззренческих установок личности, общества;
- когнитивную: формирование знаний об истории, культуре и т.д. своего народа, страны и способности к критическому восприятию действительности с целью ее изменения в лучшую сторону;
- деятельностную: формирование способности и готовности действовать во имя блага отечества, народа на основе компетентности и ответственности за социальную активность и поведенческие практики;
- воспитательную: формирование гражданской культуры общества через приобщение к патриотическим ценностям и чувствам;
- социализационную: формирование патриота с гражданской культурой, гражданским сознанием и гражданским поведением;
- идеологическую: формирование национальной идеи на основе идеологии гражданского общества и правового государства;
- интегративную: мобилизация идентификационного, солидаристского, социализационного потенциала общества для реализации конкретных социальных задач и целей, связанных с раз-

витиём гражданских свобод и прав как основы гражданского общества;

– мотивационная: формирование мотивационных установок личности, направленных на формирование поведенческих моделей, адекватных нормам и принципам гражданской культуры и гражданского общества;

– идентификационную: формирование чувства гражданственности как принадлежности к единому народу, единой стране, отчизне на основе единых гражданских ценностей и прав, а также готовности их соблюдать, защищать и поддерживать;

– эмоциональную: формирование любви к отчизне, родине, народу;

– гражданскую: формирование гражданственности, гражданской культуры, гражданской идентичности как основ гражданского общества и условий его воспроизводства.

Как видим, гражданский патриотизм обладает идентификационным потенциалом, а потому социологи связывают с ним перспективы формирования гражданской идентичности в России и обеспечение национальной безопасности страны [4]. Наиболее концептуально данное направление реализуется в работе А.В. Лубского [5], которым проводится глубокий анализ понятий «патриотизм», «гражданственность» и «гражданский патриотизм», сложившихся в российской интеллектуальной традиции, что позволило прийти к важному выводу о том, что патриотизм в России, наполненный различными идеологическими коннотациями, является не столько понятием, сколько концептом, в котором наблюдаются только очертания понятия, как и в случае с гражданским патриотизм как идеологически нагруженным концептом, не имеющим четких концептуальных границ.

Именно гражданский патриотизм, формируемый в контексте солидаристских практик, часто выступает основой реконструкции своей истории и идентичности, поскольку «стремление к солидарной активности как позитивной форме социального участия связано с чувством патриотизма» [6].

Деятельностным основанием гражданского патриотизма в контексте солидаристских практик

Литература:

1. Мид М. Культура и мир детства. М., 1983. С. 322–361.
2. Зарубина Н.Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности? Трансформация нравственной позиции российской молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 92–108.
3. Иванова Е.И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 43.

выступает гражданская активность, которая является необходимым условием защиты гражданских прав и основанием поддержания высокой ответственности перед нацией как гражданским сообществом, в котором этнические, религиозные, культурные, межпоколенческие и иные особенности и различия нивелируются зрелым гражданским самосознанием и осознанием общности исторической судьбы и целей общественного развития, а также собственной роли в этом процессе.

В данном контексте нельзя не вспомнить о Чаадаеве, который в свое время остро поставил вопрос о формировании патриотизма осознанного, основанного не только на любви в своей стране, но и понимании того, каким путем она идет, куда движется и что надо сделать на этом пути, чтобы он привел страну к достойному состоянию. Ситуацию слепой влюбленности, блокирующей самое желание знать, понимать, оценивать, критически осмысливать и исправлять все то, что нельзя любить, – вот то, против чего выступал Чаадаев [7].

Иными словами, не сам по себе патриотизм вызывает негодование у Чаадаева, а тот самый «дурной патриотизм», который не позволяет взглянуть правде в глаза, узнать свое Отечество, «ясно видеть» его, а без последнего подлинный патриотизм невозможен. Основным пафосом чаадаевского патриотизма выступает стремление сделать свою страну такой, чтобы она была достойна осознанной любви со стороны русского народа и уважения со стороны народов других стран.

В завершении следует подчеркнуть крайнюю значимость межпоколенческого консенсуса относительно патриотизма и солидаристских установок в области развития гражданского патриотизма, с которым связаны перспективы укрепления государственно-гражданской идентичности как основы консолидации многонационального народа России. При этом следует опасаться идеологической перегруженности понятия патриотизма в социально-гуманитарной литературе и общественной риторике и тенденций его стремительного оформления в идеологический концепт, так как закрепление на уровне межпоколенческого консенсуса такого типа патриотизма ставит под угрозу формирование необходимого России гражданского патриотизма.

Literature:

1. Mead M. Culture and the world of childhood. M., 1983. P. 322–361.
2. Zarubina N.N. Between the ethic of persuasion and the ethics of responsibility? Transformation of the Moral Position of Russian Youth // Sociological Science and Social Practice. 2013. № 3. P. 92–108.
3. Ivanova E.I. The Problem of Generations and Reproduction of Population: Theoretical Approaches and Reality // Sociological Studies. 2012. № 4. P. 43.

4. Ореховская Н.А. Патриотизм – основа национальной безопасности России // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 79–82.

5. Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Том 23. № 1. С. 42–59.

6. Волков Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 45.

7. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 469.

4. *Orekhovskaya N.A.* Patriotism is the basis of Russia's national security // *Kazan Pedagogical Journal*. 2015. № 6. P. 79–82.

5. *Lubsky A.V.* Civil patriotism: on the compatibility of patriotism and civicism in Russian society // *Humanitarian of the South of Russia*. 2017. Vol. 23. № 1. P. 42–59.

6. *Volkov Yu.G.* Solidarist activity in Russian society: creative practices // *Sociological research*. 2017. № 2. P. 45.

7. *Chaadaev P.Ya.* The apology of a madman. Full. collect. op. and fav. letters. M., 1991. Vol. 1. P. 469.

Власова Виктория Николаевна

доктор философских наук,
профессор кафедры педагогики ФПК и ППС,
Ростовский государственный
медицинский университет
oip08@mail.ru

Щербакова Лидия Ильинична

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии
и психологи,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
Lidia-npi@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор
кафедры управления персоналом
и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

Victoria N. Vlasova

doctor of Philosophy, candidate of
pedagogical sciences, professor of
the chair of pedagogics of the faculty of
pedagogical sciences and the faculty of
education, Rostov State Medical University
oip08@mail.ru

Lidiya I. Scherbakova

Doctor of sociological sciences, professor,
Head of the Department,
Sociology and psychology Platov
South-Russian State Polytechnic
University (NPI)
Lidia-npi@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor
of chair of human resource
management and sociology,
Rostov state economic university (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Состояние кризиса духовной жизни общества приводит к определенному реформатированию и деформации сознания населения, и прежде всего, молодежи. Молодежь, будучи своеобразным индикатором различных трансформаций в обществе, сопровождающихся размыванием духовно-нравственных критериев, определяет в целом потенциал развития общества: от выбора ценностных ориентиров напрямую зависит и будущее молодежи, и будущее функционирование социума.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации, духовность, духовная жизнь общества, кризис духовной жизни.

Длительный период реформирования в российском обществе и крайне противоречивый характер его развития привел к состоянию кризиса духовной жизни, который является следствием пережитой обществом культурной травмы [1]. Как известно, духовный и культурный кризис всегда сопровождает общество в эпоху коренных изменений, поскольку факторы, обусловившие этот кризис, коренятся в переоценке базовых социокультурных ценностей и трансформации основных социальных и культурных институтов, моделирующих

**SYSTEM OF VALUABLE
ORIENTATIONS OF YOUTH AS
REFLECTION OF CRISIS OF
SPIRITUAL LIFE OF SOCIETY**

Annotation. The state of the crisis of the spiritual life of society leads to a certain reformatting and deformation of the consciousness of the population, and first of all, of the youth. Young people, as a kind of indicator of various transformations in society, accompanied by erosion of spiritual and moral criteria, determine the overall development potential of society: the future of youth and the future functioning of society directly depend on the choice of value orientations.

Keywords: youth, value orientations, spirituality, the spiritual life of society, the crisis of spiritual life.

социальное и духовное здоровье россиян [2]. В своем основании кризис духовной жизни имеет отказ социума от традиционных ценностных ориентаций, существовавших веками и служивших духовными ориентирами.

Обращение к проблеме системы ценностных ориентаций молодежи связано с необходимостью осмысления сложного, противоречивого духовно-нравственного состояния, которое переживает российское общество.

Проблематика исследования ценностного мира молодежи привлекает внимание многих современных представителей социально-гуманитарных наук. Так, проблема ценностных ориентаций молодежи рассматривается в работах: М.К. Горшкова, Ю.А. Зубок, Д.Л. Константиновского, В.Т. Лисовского, В.А. Лукова, Э.В. Чекмарева, В.И. Чупрова, Ф.Э. Шереги и др.

О том, что система ценностных ориентаций молодежи являются отражением состояния духовной жизни общества, пишут многие авторы. Так, по мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги ценностные ориентиры и духовно-нравственные установки молодежи являются результатом процесса ее социализации, в ходе которого нормы социальной и духовной жизни общества интериоризируются в ценности личности [3].

Проблеме изучения духовной жизни общества и кризисных явлений в нем посвящены социально-философские, культурологические и социологические исследования и наиболее яркими учеными в этой области считаются: Е.В. Викторова, К.С. Таланова, С.Б. Токарева, Ж.Т. Тощенко, А.К. Уледов, Д.В. Филюшкина, З.М. Хачецуков, С.В. Хомутцов, Т.И. Яковук.

Состояние всеобщего социокультурного кризиса и кризиса духовной жизни проявляется в разрушении традиционной культуры общества, и в первую очередь, в разрушении ценностного мира молодого индивида. В этих условиях, как пишет в своей монографии Д.В. Филюшкина, «духовная люмпенизация как продвижение человека и общества к примитивной и низкой духовности в процессе социокультурных изменений и ее проявление в ценностном мире и коммуникативно-поведенческих практиках приобретает статус актуальной научной проблемы» [4, с. 8].

Прежде чем приступить к анализу ценностных ориентаций молодежи, необходимо остановиться на рассмотрении специфики духовности, поскольку именно она выступает исходной категорией, включающей различные элементы духовной жизни общества, среди которых во главе угла стоят социокультурные и духовные ценности молодежи.

Следует указать, что в современной научной литературе духовность рассматривается в качестве активного начала, созидющего мир культуры человека. В соответствии с анализом современных научных трудов, светское понимание духовности личности связывается со сферами морали, науки.

Духовность, по мнению Е.В. Викторовой, можно определить как некую совокупность морально-нравственных и интеллектуальных интересов, имеющих первоочередную значимость как для личности, так и для социума. Суть духовности молодежи заключается не в аккумулировании знаний, а в формировании их ценности, приобретении и понимании их смысла. Кроме того, проблема духовности – это проблема отношения молодого человека к себе, социальному окружению, обществу, природе [5].

Духовная жизнь общества, будучи сложным, целостным активно-творческим процессом деятельности людей, направлена на освоение и преобразование мира, созидания, сохранения, обогащения и освоение культуры в ходе которого удовлетворяются, продуцируются, развиваются человеческие ценности и потребности. Духовная жизнь молодежи определяется как способ воспроизводства молодежью ценностей культуры, который опирается на материальные практики и определяет их.

Кризис духовной жизни общества детерминируется, в первую очередь, противоречиями внутреннего характера: утратой идеологии и ломкой культурных традиций, изменением привычного ритма жизни и дезориентацией в социокультурном пространстве, усилением социальной апатии и нарастанием духовного отчуждения, переоценкой социальных и духовных ценностей, особенно среди молодых людей.

Так каким же образом происходит и чем характеризуется эта переоценка ценностей в сознании современной молодежи?

Согласно результатам социологических исследований Центра социологии молодежи ИСПИ РАН, тенденции трансформационных изменений ценностных ориентаций современной молодежи в условиях неопределенности и кризиса духовной жизни заключаются в том, что:

– во-первых, для процесса формирования ценностной структуры молодежного сознания характерно противостояние двух пластов – традиционного (духовного, высоконравственного) и современного (потребительского, прагматичного), причем наблюдается тенденция движения по направлению к современным ценностям в противовес традиционным;

– во-вторых, трансформационные изменения, наблюдающиеся в структуре ценностных ориентаций молодежи, отражают процесс рационализации молодежного сознания, поскольку в них явно обнаруживаются противоречия между рациональными и духовно-нравственными ценностями, что, безусловно, является отражением кризисных явлений духовной жизни [6, С. 559].

В структуре ценностного сознания современной молодежи преобладают индивидуалистические, дифференцирующие ценности, связанные с достижением лично значимых целей, в то время как интегрирующие ценности утратили свои доминирующие позиции.

Как отмечают большинство молодых людей (таковых 64 %), для современной молодежи характерен «моральный релятивизм», нигилизм, цинизм, эгоцентризм, равнодушие к идеалам. Причина этого, по мнению самой молодежи, заключается в том, что «многие унаследованные от прошлого социокультурные и духовные ценности приобретают характер анахронизмов, разделять которые означает обречь себя на неуспех» [3]. Так, по данным исследований, 46 % молодых респондентов убеждены, что сформировался

уже другой нравственный мир, в котором они живут, мир, отличный от того, который был ранее, и многие социокультурные ценности и традиционные моральные нормы уже устарели. Большинство молодежи (порядка 55 %) признают, что их жизненный успех в значительной степени зависит от умения поступиться собственными принципами и согласиться с тезисом, что «современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить моральные принципы и нормы» [3, с. 125].

Трансформация базовых ценностей российского общества разрушила социализационные механизмы функционирования социума, что не замедлило сказаться и на характере трудовых ценностей, претерпевших основательные изменения в молодежной среде. Как результат трансформационных процессов и кризиса духовной жизни произошла кардинальная переориентация российской молодежи от предпочтения нематериальных (социальных и духовных) ценностных ориентаций к ценностям материально-экономического характера. Исходя из анализа трудовых молодежных ценностей, условий их формирования и изменения на современном российском рынке труда, можно считать, что главными тенденциями в сфере трансформации трудовых ценностей молодежи выступают: дегуманизация, инструментализация и прагматизация [7].

Такого рода трансформация трудовых ценностей молодежи объясняется тем, что в противовес советскому времени, духовная сфера молодежи была выведена за рамки государственных институтов и вытеснена моделями выживания и приспособления, ей была предоставлена т.н. свобода.

Как отмечает Т.И. Яковук, преобладающими тенденциями изменения духовной сферы жизни молодежи в условиях трансформирующегося общества и кризиса духовной жизни общества являются: плюрализация и либерализация ценностных ориентаций этой группы; рационализация ценностно-нормативного сознания молодежи, выражающаяся в переориентации духовных ценностей с нематериальных на материальные; прагматизация и «деэтизация сознания, понимаемая как процесс коррозии моральных оснований саморегуляции в молодежной среде» [8, с. 15–16].

Литература:

1. Щербак Л.И. Социальное здоровье российской молодежи в свете теории социокультурной травмы / Л.И. Щербак, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин. 2017. № 6–7. С. 90–94.
2. Гафиатулина Н.Х. Состояние институциональных субъектов, моделирующих социальное здоровье российской молодежи // Инженерный вестник Дона. 2014. Т. 28. № 1. С. 75. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296>
3. Горшков М.К. Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и

Незавершенность в молодежном сознании процесса формирования мотивационно-потребностной, социально-ценностной и духовно-нормативной сфер, с одной стороны, и кризис духовной жизни, детерминированный трансформацией духовного пространства общества, с другой, – неизбежно ведут «к изменению мировосприятия и новым формам рационализации духовной жизни молодежи», причем формой этой рационализации выступают прагматизация молодежного сознания, снижение уровня духовно-нравственных императивов, а также «отсутствие строгих норм в механизме саморегуляции духовной жизни молодежи» [8, с. 27].

Какими же видятся основные направления преодоления кризиса духовной жизни и защиты ценностного мира молодежи?

- 1) Состояние всеобщего социокультурного кризиса и кризиса духовной жизни можно преодолеть путем возрождения традиционной культуры общества.
- 2) Преодоление кризиса духовной жизни и духовное совершенствование личности в обществе должно быть связано с нахождением цементирующего общества идеала, национальной идеи, объединенных общечеловеческими ценностями, что, в свою очередь, позволит преодолеть внутренние противоречия в молодежном сознании [9].
- 3) Уменьшению последствий кризиса духовной жизни будет способствовать преодоление индивидуализма в сознании молодежи путем укрепления ее коллективизма, вне коллективных форм взаимодействия индивид не может полноценно развиваться и самореализовываться [10].
- 4) Важным направлением по пути преодоления кризиса духовной жизни и защиты ценностного мира молодежи является формирование общественными и культурными институтами гармоничного образа «нового человека», культивирование нравственных форм поведения, ориентированных на всеобщее, в противовес частному. В этой связи молодежь необходимо вовлекать в созидательную общественно полезную деятельность, что повысит мотивацию к труду и уменьшит инструментализацию и прагматизацию трудовых ценностей.

Literature:

1. Shcherbak L.I. Social health of Russian youth in the light of the theory of socio-cultural trauma / L.I. Shcherbakova, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin. 2017. № 6–7. Pp. 90–94.
2. Gafiatulina N.Kh. The state of institutional subjects modeling the social health of Russian youth // Engineering Herald of the Don. 2014. Vol. 28. № 1. P. 75. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296>
3. Gorshkov M.K. Youth of Russia: a sociological portrait. The second edition, supplemented and

исправленное / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М., 2010. 592 с.

4. *Филюшкина Д.В.* Духовная люмпенизация российского общества: детерминирующие факторы и социальные проявления. Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2014. 230 с.

5. *Викторова Е.В.* Социология духовной жизни. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2010. 80 с.

6. Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008. С. 559.

7. *Власова В.Н.* Студенческая молодежь: проблемы профессиональной ориентации / В.Н. Власова, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 21–25.

8. *Яковук Т.И.* Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи : автореф. ... уч. степ. д-ра социол. наук. М., 2006. 48 с.

9. *Муллахмедова С.С.* Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества / С.С. Муллахмедова, Д.С. Шихалиева, Н.Х. Гафиатулина, Э.М. Загирова. Махачкала : ДГТУ, 2017. 189 с.

10. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society : monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

amended / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. Moscow, 2010. 592 p.

4. *Filyushkina D.V.* Spiritual lumpenization of Russian society: determinants and social manifestations. Rostov n /D. : SKNTS VS SFU, 2014. 230 p.

5. *Viktorova E.V.* Sociology of spiritual life. Penza: PSPU them. V.G. Belinsky, 2010. 80 with.

6. Sociology of Youth: encyclopedic dictionary / otv. Ed. Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. M., 2008. P. 559.

7. *Vlasova V.N.* Student youth: problems of vocational guidance / V.N. Vlasova, D.V. Krotov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 10. Pp. 21–25.

8. *Yakovuk T.I.* Factor of uncertainty in sociocultural regulation of spiritual life of youth : author's abstract. ... uch.step. Doctor of Sociology sciences. M., 2006. 48 p.

9. *Mullakhmedova S.S.* Spiritual development of personality in the conditions of modernization of Russian society / S.S. Mullakhmedova, D.S. Shikhalieva, N.Kh. Gafiatulina, E.M. Zagirova. Makhachkala : DGTU, 2017. 189 p.

10. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society : monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук, доцент кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет gafiatulina@yandex.ru

Пшегусова Галина Султановна

доктор философских наук, заведующая кафедрой английского языка гуманитарных факультетов. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет gpshegusova@gmail.com

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) darya.maksimovich@gmail.com

**СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЛИЧНОСТНОЙ
ЗРЕЛОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
РЕФЛЕКСИЯ**

Аннотация. Авторы данной статьи ставят перед собой цель: рассмотреть соотношение социального здоровья и личностной зрелости современной российской молодежи. Теоретико-методологическое исследование выявляет характер взаимосвязи между этими явлениями. В статье говорится о том, что взаимосвязь между социальным здоровьем молодежи и личностной зрелостью носит сложный и не совсем однозначный характер: с одной стороны, социальное здоровье молодежи может быть критерием зрелости, а с другой, – личностную зрелость можно анализировать как основной индикатор потенциала социального здоровья российской молодежи.

Ключевые слова: социальное здоровье, российская молодежь, социальная зрелость, личностная зрелость, социальная адаптация, социальное развитие молодежи.

В условиях современного (сложного и противоречивого) этапа общественного развития потребность социума в поисках путей создания благоприятных для оптимального формирования здоровья и социального развития молодых поколений россиян, их социальной успешности и

Natalya K. Gafiatulina

Candidate of sociological science, associate professor of chair of region sociology and modeling of social processes, Institute of sociology and regional studies, Southern federal university gafiatulina@yandex.ru

Galina S. Pshegusova

Doctor of Philosophy, Head of the English Department of the Humanities Faculties. Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University gpshegusova@gmail.com

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of chair of human resource management and sociology, Rostov state economic university (RINH) darya.maksimovich@gmail.com

**SOCIAL HEALTH OF
RUSSIAN YOUTH IN
THE CONTEXT OF HER PERSONAL
MATURITY: SOCIOLOGICAL
REFLECTION**

Annotation. The author of this article aims to examine the relationship of social health and social maturity of modern Russian youth. The theoretical and methodological research reveals the relationship between these phenomena. The article says that the relationship between the social health of youth and personal maturity is complex and not entirely unambiguous: on the one hand, the social health of young people can be a criterion of maturity, and on the other hand, personal maturity can be analyzed as the main indicator of the potential of social health of Russian youth.

Keywords: social health, Russian youth, social maturity personal maturity, social adaptation, social development of youth.

эффективности профессиональной реализации значительно возрастают.

Как подмечает в своей монографии, посвященной социальному здоровью российской молодежи, Л.А. Байкова, в сложные для любого общества

периоды, когда нивелируются базовые общечеловеческие ценности, актуализируется проблема сохранения социального здоровья молодежи, развитие у нее «сопротивляемости навязываемым сиюминутным ценностям, развитие способности интериоризировать вечные общечеловеческие ценности и осуществлять свою жизнедеятельность в соответствии с ними» [1, с. 13].

Критерием общественного прогресса в современном изменяющемся российском обществе является уровень объективного соответствия существующих условий социальной реальности интересам и потребностям свободно развивающейся социально зрелой личности. Уровень данного соответствия находит свое отражение в субъективно-оценочном состоянии молодежи по отношению к окружающей общественной действительности и своему месту в ней – в состоянии, определяемом современными учеными как социальное здоровье [2].

Основной исследовательской целью данной статьи является выявление характера взаимосвязи между социальным здоровьем молодежи и ее личностной зрелостью.

В своем исследовании мы опираемся на гносеологический подход к социальному здоровью, в соответствии с которым социальное здоровье молодежи является интегральным показателем совокупности субъективных и объективных социальных характеристик личности молодого человека. Физические характеристики наряду с психическими характеристиками анализируются вне структуры социального здоровья, в системе его индивидуально-личностных факторов. Надо признать, что такая логика исследования основана на признании опосредованного характера влияния психофизических параметров индивида на общий показатель его социального здоровья. Механизм такого влияния заключается «в непрерывном формировании в социальной структуре личности под воздействием изменяющихся состояний психики и организма социальных новообразований, обуславливающих изменение социальных показателей» и, в конечном итоге общий потенциал социального здоровья молодого человека [3, с. 11].

Что же представляет собой социальное здоровье молодежи?

Заметим, что анализ различных теоретико-методологических подходов к осмыслению сущности категории «социальное здоровье молодежи» дает нам все основания резюмировать, что современное, междисциплинарное понимание этой категории научного знания сформировалось сравнительно недавно.

Интересно, что одни исследователи по-прежнему рассматривают проблему социального здоровья в рамках социально-медицинского подхода, в частности, это такие авторы, как: Г.Л. Волков, К.Н. Хабибуллин, Н.И. Уткин и др. Другие специалисты редуцируют анализ социального здоровья молодежи к поиску корреляционных связей между состоянием физического

(соматического) и социальными процессами, а также социальными параметрами и характеристиками. В числе таких авторов: Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев, А.Н. Тесленко, рассматривающие социальное здоровье в контексте теории социализации; А.И. Анисимов, И.В. Кузнецова, Е.В. Цикалюк, Н.А. Чентемирова, опирающиеся на идеи о социальности здоровья классика мировой социологии Э. Дюркгейма, и определяющие социальное здоровье через теорию адаптации и т.д. [4]. Состояние здоровья молодежи (на физическом, психическом, социальном уровнях), согласно А.И. Анисимову, «будет определяться не только успешностью адаптации, но и эффективностью социального функционирования». Причем «дополнением к концепции здоровья может служить концепция развития личности и становления ее психологической и социальной зрелости» [4, с. 411].

Методологическую правомерность поставленной нами цели, направленной на социологическую рефлексию социального здоровья молодежи и ее социальной (личностной) зрелости, мы находим в наследии западной социально-психологической отрасли знания, представленной в трудах Э.Фромма, А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Роджерса, Ф. Перлза и др.

В работах этих ученых активно артикулируется дефиниция «личностная зрелость» и «социально зрелая личность» как синоним дефиниции «социально здоровая личность». Надо сказать, что идеи зарубежных исследователей тесной взаимосвязи между социальным здоровьем и личностной зрелостью имеют свое продолжение в ряде трудов современных российских ученых. Многие из них полагают, что социальное здоровье населения в целом, и молодежи, в частности, необходимо рассматривать через призму характеристики социальной (личностной) зрелости. К ряду таких ученых следует отнести: А.И. Анисимова, Ю.П. Бардина, С.Н. Иконникову, И.С. Кона, В.Т. Лисовского, Г.С. Никифорова и др.

Критерием социального здоровья молодежи является степень достижения ею личностной социальной зрелости, которая, как отмечают российские ученые, занимающейся исследованием российской молодежи В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, «находит отражение в приобретении и изменениях собственного социального статуса в ходе интеграции в структуру общества, а также в характере идентификаций с различными социальными группами» [5, с. 150].

В отечественной социологической литературе под феноменом «личностная зрелость» подразумевается такое положение молодого человека в системе общественных отношений, когда личность выступает фактически полноправным носителем социальных ролей в различных социальных сферах, когда она рефлексивует свою роль, ответственность и реализует вытекающие отсюда обязанности [6]. Социальная зрелость личности предполагает наличие навыков взаимодействия с окружением, раскрытие личностных способностей и возможностей.

Формирование личностной социальной зрелости позволяет молодежи преодолевать разнообразные жизненные трудности, а это и характеризует потенциал социального здоровья. По мнению А.И. Анисимова, потенциал социального здоровья «представляет собой способность индивида справляться с влиянием окружающей среды и поддерживать баланс» [7, с. 49]. Потенциал социального здоровья молодежи может рассматриваться в качестве главной предпосылки формирования личностной зрелости. Раскрытие потенциала социального здоровья дает возможность понять, какой должна быть социально зрелая (социально здоровая) личность молодого человека для успешного функционирования в социуме. С одной стороны, потенциал социального здоровья задает предельную величину запаса (используя терминологию В.И. Чурова и Ю.А. Зубок), «социального развития молодежи» и, следовательно, может применяться в качестве критерия оптимального развития личности и измерения ее социальной зрелости. С другой стороны, как подчеркивают представители Национального института здоровья Г.К. Зайцев и А.Г. Зайцев, социальный компонент здоровья молодого человека зависит, в первую очередь, от его личностной зрелости [8]. И, разделяя позицию Г.К. и А.Г. Зайцевых, А.И. Анисимов предлагает рассматривать зрелость личности в качестве базового индикатора уровня социального здоровья личности [7, с. 51]. Само же социальное здоровье вышеуказанный автор определяет через призму интегральных социально-психологических критериев оценки как состояние «динамического равновесия между требованиями социума и социальной зрелостью личности» [7, с. 57]. Иными словами, социальное здоровье молодежи отражает степень гармоничности отношений молодежи с социальным окружением и степень ее социальной зрелости.

Надо сказать, что в современных условиях глобализации и интенсификации социальных преобразований требуется не просто констатация наличия или отсутствия социальной зрелости каждого молодого человека, а знание пути и возможностей развития личностной зрелости. К примеру, Е.А. Сергиенко предлагает рассматривать категорию зрелости личности как «процессуальную, а не результативную: это не достижение определенного уровня, а способность к достижениям» [9, с. 18]. Чем более зрелой в социальном контексте становится личность молодого человека, тем больше возрастает его способность к дальнейшему развитию, а следовательно, и к формированию, а также поддержанию уровня своего социального здоровья.

В контексте данной статьи такая идея представляет особую значимость. Мы полагаем, что развитие социальной зрелости тесно связано с сохранением и укреплением социального здоровья молодежи, а также способствует повышению его потенциала, т.е. тех личностных ресурсов, которые помогают молодому человеку противостоять различным неблагоприятным жизненным обстоятельствам. По нашему мнению, вполне оправданным и правомерным является рассмотрение социальной зрелости как индикатора по-

тенциала социального здоровья молодых людей. Социальное развитие российской молодежи, предполагающее гармонизирующие отношения с социальным окружением, будет способствовать наращиванию такого потенциала, а, значит, и укреплению ее социального здоровья.

Как справедливо считает А.Г. Портнова, личностная зрелость молодежи достигается в процессе развития и выступает интегральной характеристикой, описывающей особенности функционирования индивида в контексте социальной жизнедеятельности. Зрелость личности может характеризовать соотношение уровня развития молодого человека в соответствии с требованиями к его адаптации, социализации, развитию и функционированию в целом [10, с. 33].

Социальная зрелость молодежи проявляется в том, как она реагирует на жизненные (связанные с учебой, трудоустройством, работой, личной жизнью) трудности. Личностно зрелый молодой человек справляется с различными трудными ситуациями двумя известными путями: или путем изменения самой ситуации (если такое представляется возможным в конкретно взятом случае), или путем изменения своего отношения к ней.

Первый путь будет характеризовать, по нашему мнению, меру социальной активности и деятельного отношения к миру, что, собственно, и отражает содержание понятия «социальное здоровье».

Второй путь явно демонстрирует определенную степень адаптации, что, согласно, определению современного исследователя социального здоровья Т.Б. Сергеевой, отражает организацию гармоничного взаимодействия личности молодого человека с обществом [11]. Однако, как отмечается в результатах эмпирического социологического исследования, российская молодежь больше ориентирована на активную борьбу за свои права, а не на простое приспособление к реальности [11, с. 366].

Немаловажным для нас является и мнение российского ученого Б.Г. Ананьева, который, говоря о понятии «личностная зрелость», анализирует его как качественную оценку общего развития личности в совокупности некоторых характеристик, а именно: как простого индивида (физическая и физиологическая зрелость), как личность (гражданская), как субъекта познания (интеллектуально-умственная, способность к обучению), как субъекта труда (трудоспособность) [12].

В качестве аналогичного примера из зарубежных авторов приведем также утверждение Г. Олпорта о том, что социальная зрелость напрямую, непосредственно отражает социальное здоровье индивида. Так, Г. Олпорт определяет социально зрелого молодого индивида как личность, активно владеющую собственным окружением, наделенную «устойчивым единством личностных черт и ценностных ориентаций» и способную адекватно воспринимать себя и других людей [цит. по 13, с. 177].

Многие исследователи подчеркивают, что потенциал социального здоровья определяется не только по степени социальной зрелости, но и по

уровню социальных девиаций. Девиантное и социально незрелое поведение молодых субъектов общества – это поведение, нарушающее кодифицированные или некодифицированные социальные нормы. Отсюда вывод: чем больше молодежи характеризуется социальной незрелостью, инфантилизмом, тем чаще она прибегает к девиантным формам поведения, и, соответственно, тем менее социально здоровым становится российское общество.

Анализ результатов социологического опроса российской молодежи проведенной группой исследователей под руководством М.К. Горшкова [14], показал в целом картину, на основании которой можем обозначить два следующих момента:

1. Значительную роль в формировании зрелости молодежи играет ближайшее социальное окружение и учебный коллектив, в котором каждый молодой человек имеет ту или иную возможность проявить себя, реализовать свои цели и задачи, состояться обнаружить себя как самостоятельную личность во всех ее проявлениях, и, следовательно, выявить тот или иной уровень социального здоровья.

2. Уровень личностной зрелости каждого молодого человека напрямую способствует формиро-

ванию его социального здоровья, поэтому любому образовательному учреждению необходимо помнить о том, что именно оно создает условия, способствующие развитию социально здоровой и активной личности молодого поколения.

Таким образом, подводя итоги данного исследования, можем сделать следующие выводы:

– взаимосвязь между социальным здоровьем молодежи и личностной зрелостью носит сложный и не совсем однозначный характер: с одной стороны, социальное здоровье молодежи может быть критерием зрелости, а с другой, – личностную зрелость можно анализировать как основной индикатор потенциала социального здоровья. Но при этом такая тесная взаимосвязь не имеет знака равенства;

– потенциал социального здоровья молодежи является предпосылкой формирования ее личностной зрелости;

– критерием социального здоровья молодежи является степень достижения ею социальной личностной зрелости;

– личностная зрелость способствует развитию потенциала социального здоровья молодежи.

Литература:

1. Байкова Л.А. Социальное здоровье детей и молодежи: методология, теория, практика: монография. Рязань, 2011. 224 с.

2. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье и социализация российской студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 175–180.

3. Проблемы насильственной смертности в России / М.В. Морев, А.А. Шабунова, К.А. Кулин, В.И. Попова; отв. ред. проф. В.А. Ильин. Вологда, 2012. 158 с.

4. Анисимов А.И. Социальная зрелость личности как потенциал ее социального здоровья / А.И. Анисимов, Н.Н. Киреева // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. Всероссийский форум «Пироговская хирургическая неделя». 2010. С. 410–412.

5. Чупров В.И. Социология молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. М., 2011. 356 с.

6. Gafiatulina N.Kh. Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

7. Анисимов А.И. Социально-психологические критерии оценки социального здоровья учителей : дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.

8. Зайцев А.Г. Почему неэффективны профилактические программы / А.Г. Зайцев, Г.К. Зайцев // Культура здоровья и безопасность жизне-

Literature:

1. Baykova L.A. Social health of children and youth: methodology, theory, practice: monograph. Ryazan, 2011. 224 p.

2. Gafiatulina N.Kh. Social health and socialization of the Russian student youth // Social and humanitarian knowledge. 2014. № 11. P. 175–180.

3. Problems of violent deaths in Russia / M.V. Morev, A.A. Shabunova, K.A. Kulin, V.I. Popova; отв. Ed. prof. V.A. Ilyin. Vologda, 2012. 158 p.

4. Anisimov A.I. Social maturity of personality as the potential of its social health / A.I. Anisimov, N.N. Kireeva // Health – the basis of human potential: problems and ways to solve them. All-Russian forum «Pirogovskaya surgical week». 2010. Pp. 410–412.

5. Chuprov V.I. Sociology of youth / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok. M., 2011. 356 p.

6. Gafiatulina N.Kh. Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

7. Anisimov A.I. Socio-psychological criteria for assessing the social health of teachers : diss. ... cand. psychol. sciences. St. Petersburg, 2011.

8. Zaitsev A.G. Why preventive programs are ineffective / A.G. Zaitsev, G.K. Zaitsev // Culture of health and life safety. Sat. sci. tr. uch-in Vseros.

деятельности. Сб. науч. тр. уч-в Всерос. конф. / Под ред. А.В. Тимушкина. Балашов, Николаев; 2006. С. 52–53.

9. *Сергиенко Е.А.* Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2007. С. 13–28.

10. *Портнова А.Г.* Онтопсихология зрелости : Монография. Кемерово, 2009. 205 с.

11. *Сергеева Т.Б.* Социальное здоровье человека : философский аспект. Ставрополь, 2003. 29 с.

12. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. М., 2000. 350 с.

13. *Кон И.С.* Социология личности // Социологическая психология: Избр. Психол. Тр. М., Воронеж, 1999. С. 177–193.

14. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М., 2011. 672 с.

Conf. Ed. A.V. Timushkina. Balashov, Nikolayev; 2006. Pp. 52–53.

9. *Sergienko E.A.* Maturity: a molar or modular approach? // Phenomenon and category of maturity in psychology / ed. A.L. Zhuravleva, E.A. Sergienko. M., 2007. Pp. 13–28.

10. *Portnova A.G.* Ontopsychology of maturity : Monograph. Kemerovo, 2009. 205 p.

11. *Sergeeva T.B.* Social health of man : a philosophical aspect. Stavropol, 2003. 29 p.

12. *Ananiev B.G.* Man as an object of knowledge. M., 2000. 350 p.

13. *Kon I.S.* Sociology of personality // Sociological psychology: Izbr. A psycho. Tr. M., Voronezh, 1999. Pp. 177–193.

14. *Gorshkov M.K.* Russian society as it is: (the experience of sociological diagnosis). M., 2011. 672 p.

Казиева Мадина Запировна
аспирантка кафедры
социально-культурного сервиса и туризма,
Дагестанский государственный
технический университет
daisy0209@mail.ru

ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ ДАГЕСТАНСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи формируется под воздействием факторов макросоциальной среды: государства, экономики, СМИ, а также институтов духовной жизни. По результатам исследования установлено, что институциональная система российского общества, выступающая как макросоциальный фактор формирования духовного здоровья молодежи, переживает кризис, поскольку разрушена ее ценностная основа.

Ключевые слова: духовное здоровье, духовная жизнь, дагестанская молодежь, макросоциальные факторы.

Обращение к проблеме духовного здоровья молодежи наиболее остро встает в те периоды функционирования общества, когда происходит ломка ценностей и норм и возникает необходимость переосмысления сложного, противоречивого духовно-нравственного состояния российского общества, различных социальных групп и индивидов [1].

Формирование духовного здоровья молодежи – это трудоемкий и сложный по своей сути процесс, являющийся результатом взаимодействия различных социальных институтов и институтов духовной жизни общества. Институциональная система российского общества и заложенные в ней нормативно-ценностные и мировоззренческие основы несут ответственность за формирование как социального, так и духовного здоровья молодежи [2].

Мы полагаем, что к исследованию духовной составляющей здоровья молодежи стоит подходить с точки зрения происходящих в современной реальности перемен и тенденций, находящих отражение в институциональном пространстве социума, детерминирующем уровень здоровья и качества жизни индивидов. Очевидно, что духовное здоровье дагестанской молодежи отражает особенности происходящих социокультурных процессов в духовной жизни всего российского социума, в его системе норм и ценно-

Madina Z. Kazieva
graduate student of the department
social and cultural service and tourism,
Dagestan state technical University
daisy0209@mail.ru

SPIRITUAL HEALTH OF DAGESTAN STUDENTS: ANALYSIS OF FACTORS OF ITS FORMATION

Annotation. Spiritual health of Dagestan students is formed under the influence of macro-social factors: the state, the economy, the media, as well as the institutions of spiritual life. According to the results of the study, it is established that the institutional system of Russian society, acting as a macrosocial factor in the formation of the spiritual health of youth, is in crisis, as its value basis is destroyed.

Keywords: spiritual health, spiritual life, Dagestan youth, macrosocial factors.

стей, в которых «происходит трансформация такой важной ценности как духовность» [3, с. 41].

Духовное здоровье дагестанской учащейся молодежи, на наш взгляд, формируется множеством факторов макросоциальной среды, среди которых, предполагается остановиться на следующих факторах институционального порядка: государства, экономика, СМИ, а также институтах духовной жизни: образование, культура.

Начнем анализ с таких важных социальных институтов как государство и экономика, поскольку данные институты в определенной мере способствуют формированию духовного здоровья молодых поколений Дагестана. Роль и состояние государства как важнейшего института, формирующего духовное здоровье учащейся молодежи, заключается в том, что: оно, занимаясь подготовкой и созданием различных нормативно-правовых документов, устанавливает нормативные границы поведения. Кроме того, институт государства вкупе с институтом экономики обеспечивают финансирование той или иной социальной отрасли, проекта, программы (например, программы духовного возрождения России).

Однако сегодня мы наблюдаем картину замкнутости государственной власти на самой себе и внешней политике без особого внимания к интересам и судьбам народов России, их нуждам и

проблемам выживания и духовного становления молодых поколений в сложных социально-политических и экономических условиях [4].

Институт российского государства, по мнению современного социолога З.П. Жапуева, функционально неэффективен, так как не в состоянии способствовать обеспечению соблюдения правового, духовного и в целом социального порядка в стране [5, С. 132]. Деградация духовной жизни общества наступает в случае, когда государство перестает инвестировать свои капиталы в личный фактор производства – в человека и его культуру. Характеризуя «заболевание России» как системный кризис, неизбежно ведущий к рискогенности, В.Г. Немировский акцентирует внимание ученых на сформулированный постнеклассической социологией закон, согласно которому, общество способно эффективно развиваться как в социальном, так и духовном аспектах лишь тогда, когда степень духовного развития политической элиты превышает степень духовного развития различных групп населения [6, с. 143].

В нашем исследовании внимание было уделено анализу института политики российского государства в формировании духовного здоровья молодежи, поэтому им был задан вопрос «Что Вас не устраивает в политике российского государства в формировании духовного здоровья молодежи?». Полученные результаты исследования показывают, что отрицательные моменты в деятельности органов власти страны, отражающиеся на процессе формирования духовного здоровья молодежи, респонденты усматривают в «безответственном отношении к общенациональному культурному наследию» (45,5 %) и «в плохом финансировании духовной сферы общества (кино, искусство, театр и т.д.)» (45,2 %). С большим отрывом от вышеназванных позиций, располагаются суждения, которые также свидетельствуют о факторах, которые негативно отражаются на духовном здоровье подрастающего поколения: «существующая в настоящее время степень воздействия власти на создание и распространение в обществе принципов духовного здоровья» (17,1 %); «ориентация на внедрение рыночных начал в духовную сферу» (13,4 %); «существующее в современном обществе отношение к национальным особенностям духовного здоровья» (13,2 %) и «существующие в современном обществе приоритеты в формировании духовного здоровья» (8,9 %).

Если посмотреть результаты исследования по признаку поселения, то каждого второго опрошенного среди сельской и городской молодежи в политике российского государства по проблеме формирования духовного здоровья молодежи не устраивает, в первую очередь, «плохое финансирование духовной сферы общества (кино, искусство, театр и т.д.)». Причем сельчане данный фактор по значимости поставили на первое место, горожане – на второе место. Далее, 42,2 % сельской и соответственно 47,8 % городской молодежи негативным в политике российского государства считают «безответственное отношение к общенациональному культурному

наследию»; каждый шестой опрошенный среди сельчан и каждый восьмой среди горожан отмечает «ориентацию на внедрение рыночных начал в духовную сферу», 17,3 % опрошенных среди первых и 16,9 % среди вторых не устраивает «существующая в настоящее время степень воздействия власти на создание и распространение в обществе принципов духовного здоровья».

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что институциональная система российского государства, рассматриваемая нами как макросоциальный фактор формирования духовного здоровья различных групп населения, переживает кризис.

Вслед за дисфункциональностью института государства абсолютно закономерной является дисфункциональность и рискогенность института экономики. Мы солидаризируемся с мнением З.А. Жапуева, что экономическая составляющая институциональной эффективности социума является важнейшей, поэтому экономические риски как производные дисфункционального характера развития экономики страны, являются источником рисков в образовательной, культурной, духовной и др. сферах жизнедеятельности современного общества [5]. К сожалению, современный период развития российского общества феномен бедности, особенно среди молодых людей, стал одним из критериев оценки многих проблем проявлений духовной жизни [7], в том числе и духовной сферы здоровья.

В этом отношении для нас важным является установление материально-экономической доступности духовно-культурных благ для опрошенной дагестанской учащейся молодежи. Так, в нашем исследовании респондентам был задан «контрольный вопрос»: «Какие культурные блага для повышения своего духовного состояния для Вас доступны?», на который 39,8 % опрошенных ответили, что им «доступны только некоторые культурные блага (покупка, просмотр видеофильмов, чтение книг, посещения кинотеатров, выставок и т.д.)». При этом 32,5 % придерживаются суждения «мне доступны все культурные блага (книги, музеи, театры, выставки, путешествия в другие страны)»; 14,3 % «доступны какие-то блага, а какие-то нет», в то время как 9,8 % учащейся молодежи считают, что им «доступны ограниченные и незатратные культурные блага». Если посмотреть результаты ответов по поселенческому фактору (месту проживания), то суждение «мне доступны только некоторые культурные блага (покупка, просмотр видеофильмов, чтение книг, посещения кинотеатров)» отметили 33,0 % сельской и 44,7 % городской молодежи; далее, с большим отрывом – 12,4 % сельского и 7,8 % городского населения считают, что им «доступны ограниченные и незатратные культурные блага».

Результаты нашего исследования показывают, что у подавляющей части опрошенных лишь частично доступны культурные блага, но при этом с небольшой разницей респонденты отмечают доступность всех культурных благ, что у нас вы-

зывает недоверие по ряду причин: одной из них является чувство стыда признаться в том, что материальное положение их семьи сложное. Кроме того, Дагестан является дотационной республикой, которая по уровню своего социально-экономического развития находится на предпоследних позициях среди других российских субъектов. Также мы можем констатировать, что у дагестанской молодежи наблюдается «одомашнивание» досуга, соответственно, уменьшение жизненных горизонтов и круга духовно-культурных нужд.

Сформированность духовного здоровья определяется наличием материально-экономической возможности у каждого молодого человека развивать свое духовное здоровье посредством институтов духовной жизни. Так, в ответах на вопрос «Как Вы оцениваете свои возможности для развития своего духовного здоровья (получение образования, посещение театра, концертов, выставок, приобретение книг, подписка журналов и т.д.)?» 49,5 % оценивают их как «достаточные»; 35,5 % назвали их «скорее достаточными», 10,0 % характеризуют их как «недостаточные».

Следующим немаловажным фактором макросоциального порядка, способствующим или наоборот, препятствующим формированию духовного здоровья дагестанской учащейся молодежи является институт СМИ. Сегодня СМИ стали основным проводником разрушения духовных устоев общества и большинства социальных групп и, молодежи, как уязвимой группы, – в особенности. Это влечет за собой риски духовной социализации молодежи, а, значит, и риски в формировании ее духовного здоровья. Данный факт связан с тем, что всякая информация, поступающая по каналам СМИ, соответствующим образом стереотипизирована и несет в себе многократно повторяемые политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании молодых людей [8].

По мнению П. Бурдые, социокультурное и духовное содержание многочисленных каналов СМИ ничем существенным не отличается, поскольку наблюдается чрезвычайная униформизация программ, транслирующих один и тот же вид продукта: коммерческая музыка, коммерческие игры, мыльные оперы, полицейские боевики, передачи со сценами насилия, шоу с подробностями преступлений и обсуждениями сцен насилия [9]. Сегодня посредством российских СМИ транслируются западная массовая культура, базирующаяся на примате духа потребительства и утилитарных ценностей, а сцены с проявлениями молодежной алкоголизма, наркомании, преступности, коррупции уже настолько укоренились в повседневных новостях и программах СМИ, что стали казаться непобедимыми. С детского возраста подготавливается почва для духовно нездорового и апатичного поведения, поскольку в результате принятия парадигм, навязываемых

Литература:

1. *Муллахмедова С.С.* Духовное развитие личности в условиях модернизации российского об-

СМИ формируется атомарное мировоззрение с неустойчивыми представлениями о добре, морали, учащаяся молодежь не стремится к реализации своих сил и способностей в обучении, и тем самым подрывается устойчивое развитие духовности и духовного здоровья молодежи. Многие социологи, психологи и философы отмечают, что никогда еще общественный климат не был хуже, чем сейчас для духовного воспитания и социализации подростков [9, с. 87].

Ситуация ухудшается еще тем, что такие важные макросоциальные институты духовной жизни, как духовная культура и образование (в т.ч. школа) в недостаточной степени выполняют свои функции. Как известно, важную роль в структуре духовной культуры играет образование, именно оно как важный макросоциальный фактор формирует духовное здоровье и духовный облик человека, который вырабатывается под воздействием социокультурных и морально-духовных ценностей [10]. Стоит подчеркнуть тот объективный факт, что образование сегодня, наряду с другими институтами общественной и духовной жизни, также переживает сложный период социального реформирования. Переход к Болонской системе образования не принес ожидаемых результатов, а курс российского правительства на модернизацию образования и возрождение культуры через народное образование указал на проблемы, требующие длительного, последовательного и методически обоснованного решения.

В целом, анализ институциональных факторов макросреды показал нам институциональный кризис, который сопровождается определенной деформацией институтов государства, экономики, СМИ, образования и культуры.

Таким образом, степень включенности государственной власти и института экономики в вопросы духовного становления молодежи, устранение негативного влияния института СМИ на духовный климат в стране, а также улучшение деятельности образования и культуры как макросоциальных институтов духовной жизни будет способствовать формированию духовного здоровья учащейся молодежи. Иными словами, от существующей политической, социально-экономической, культурно-образовательной ситуации общество может либо способствовать социально и духовно здоровому развитию своих молодых поколений, либо, напротив, препятствовать ему, т.е. оказывать либо саногенное, либо патогенное воздействие на социальное и духовное здоровье каждой конкретной личности молодого человека [11].

Отсюда следует, что преодоление институциональных деформаций, «восстановление функциональной и адаптивной эффективности институционального пространства российского общества» [5, с. 97] является обязательным условием формирования духовного пространства индивидов, групп и социума в целом.

Literature:

1. *Mullakhmedova S.S.* Spiritual development of personality in the conditions of modernization of

щества / С.С. Муллахмедова, Д.С. Шихалиева, Н.Х. Гафиатулина, Э.М. Загирова. Махачкала : ДГТУ, 2017. 189 с.

2. *Гафиатулина Н.Х.* Состояние институциональных субъектов, моделирующих социальное здоровье российской молодежи // Инженерный Вестник Дона. 2014. № 1. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296>. (Дата обращения: 11.07.2017).

3. *Красноруцкий П.П.* Духовное самоопределение российской молодежи в условиях глобализации. М., 2013. 180 с.

4. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала, 2013. 394 с.

5. *Жапиев З.А.* Динамика ценностей российской молодежи в современной России. Ростов-н/Д. : «Антей», 2009. 214 с.

6. *Немировский В.Г.* Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. М., 2009. 200 с.

7. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андоцезских народов Дагестана. Дисс. ... уч. степ. д-ра социол. наук. Ростов-н/Д., 2012. 358 с.

8. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

9. *Яременко С.Н.* Социокультурный габитус апатии в транзитивном обществе / С.Н. Яременко, Л.О. Пазина, Л.Г. Бабахова. Ростов-н/Д, 2016. 165 с.

10. *Загирова Э.М.* Религиозные установки дагестанских народов в семейно-брачной сфере // Единство народов России : межнациональный, межкультурный и межрелигиозный диалог материалы всероссийской науч.-практ. конф. (с междунар. уч.). Махачкала, 2016. С. 140–144.

11. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное самочувствие молодежи в условиях рискогенности российского общества // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2011. № 1. С. 17–24.

Russian society / S.S. Mullakhmedova, D.S. Shikhalieva, N.Kh. Gafiatulina, E.M. Zagirova. Makhachkala : DGTU, 2017. 189 p.

2. *Gafiatulina N.Kh.* The state of institutional subjects modeling the social health of Russian youth // Engineering Bulletin of the Don. 2014. № 1. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2014/2296>. (Date of circulation: 11.07.2017).

3. *Krasnorutsky P.P.* Spiritual self-determination of Russian youth in the context of globalization. M., 2013. 180 p.

4. *Shakhbanova M.M.* Ethnic identity and strategies of interethnic behavior of the small peoples of the Republic of Dagestan. Makhachkala, 2013. 394 p.

5. *Zhapuev Z.A.* Dynamics of values of Russian youth in modern Russia. Rostov-n/D. : Antey, 2009. 214 p.

6. *Nemirovsky V.G.* The Russian crisis in the mirror of post-nonclassical sociology. M., 2009. 200 p.

7. *Shakhbanova M.M.* Ethnic identity and strategy of interethnic behavior of Ando-Tsez peoples of Dagestan. Diss. ... uch. step. Doctor of Sociology. sciences. Rostov-n/D., 2012. 358 p.

8. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.

9. *Yaremenko S.N.* Socio-cultural habit of apathy in a transitive society / S.N. Yaremenko, L.O. Pazina, L.G. Babakhova. Rostov-n/D., 2016. 165 p.

10. *Zagirova E.M.* Religious attitudes of the Dagestani peoples in the family and marriage sphere // Unity of the peoples of Russia: interethnic, intercultural and interreligious dialogue materials of the All-Russian scienc.and pract. conf (with international participation). Makhachkala, 2016. Pp. 140–144.

11. *Gafiatulina N.Kh.* Social well-being of young people in the context of risky Russian society // Personality in extreme conditions and crisis situations of vital activity. 2011. № 1. Pp. 17–24.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук, профессор
popov-52@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78_@yandex.ru

**КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ
ПОТЕНЦИАЛА МИГРАЦИОННО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ ГОРОДОВ
КРАСНОДАР
И РОСТОВ-НА-ДОНУ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Аннотация. В статье осуществляется сравнение миграционно-демографического потенциала городов Краснодар и Ростов-на-Дону. Актуальность этой проблемы обосновывается особенностью демографической ситуации, складывающейся в РФ, а также в двух анализируемых регионах. По мнению авторов, анализ положения этих «столичных» агломераций Юга России может являться матрицей миграционно-демографических процессов в государстве в целом. Сравнительные данные социально-экономического развития Краснодара и Ростова-на-Дону за период с 2000 года по 2017 год свидетельствуют, что по основным показателям Краснодар уверенно опережает Ростов-на-Дону. Сопоставление этих данных с реальными миграционными потоками выявило прямую зависимость между их объемом и качеством жизни населения региона. Объем миграции в Краснодарском крае примерно на 100 % превосходит соответствующие данные по Ростовской области.

Ключевые слова: Россия, Краснодар, Ростов-на-Дону, рождаемость, миграция, демография, социально-экономические показатели, качество жизни, агломерация.

Valery V. Kasyanov

doctor of sociological Sciences,
doctor of Historical Sciences,
professor, head of Department of History,
Russian Kuban State University
culture@kubsu.ru

Mikhail Yu. Popov

doctor of sociological sciences, professor
popov-52@mail.ru

Sergei I. Samygin

doctor of sociological Sciences,
professor department of
human resource management and sociology,
Rostov State Economic University
samugin78_@yandex.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS
THE POTENTIAL OF
MIGRATION AND DEMOGRAPHIC
PROCESSES OF THE CITY OF
KRASNODAR AND
ROSTOV-ON-DON IN
THE EARLY 21ST CENTURY**

Annotation. The article compares the migration and demographic potential of Krasnodar and Rostov-on-Don. The urgency of this problem is justified by the peculiarity of the demographic situation in the Russian Federation, as well as in the two regions analyzed. According to the authors, the analysis of the situation of these «metropolitan» agglomerations of the South of Russia can be a matrix of migration and demographic processes in the state as a whole. Comparative data of social and economic development of Krasnodar and Rostov-on-Don for the period from 2000 to 2017 indicate that Krasnodar is confidently ahead of Rostov-on-Don in terms of key indicators. Comparison of these data with real migration flows has revealed a direct relationship between their volume and the quality of life of the population of the region. The volume of migration in the Krasnodar Territory is approximately 100 % higher than the corresponding data for the Rostov region.

Keywords: Russia, Krasnodar, Rostov-on-Don, fertility, migration, demography, socio-economic indicators, quality of life, agglomeration.

Краснодар и Ростов-на-Дону, располагаясь примерно на одинаковой географической широте и долготе, и находясь на территории, условно определяемой Югом России, являются городами – соседями. Между ними немало общего не только с точки зрения географической близости. Объединяет их многое: это и примерно одинаковая численность населения, соотносимый по объему промышленный потенциал, значимость в качестве центра, обеспечивающего России сельскохозяйственную безопасность. Краснодар и Ростов-на-Дону также крупнейшие города в регионах, исторически связанных с кубанским и донским казачеством, что свидетельствует о наличии у них общих культурно-этнографических корней. Кроме того, оба городских центра одновременно считают себя «столицей» Юга России, причем единственной, что вносит некоторый элемент соперничества в отношениях друг с другом.

Все это порождает не только состояние близости между Краснодаром и Ростовом-на-Дону, психологию землячества, культурного, экономического, спортивного сотрудничества, но и, в известной степени, соревнования. Оно может проявляться на разных уровнях: от обыденных представлений о том, в каком городе «лучше жить» и, соответственно, обывательских споров на эту тему, до острой конкуренции за дележку финансового пирога по каналам распределения, связанным с федеральным бюджетом. Так или иначе, какой бы уровень социальных отношений не становился предметом социологического анализа, – высшая политика или споры между обывателями – речь идет об оценке в динамике начала XXI века разности потенциалов двух крупнейших городских агломераций.

В данной статье мы определяем в качестве предметного пространства нашего исследования осуществление компаративного анализа миграционно-демографических процессов потенциала городов Краснодар и Ростов-на-Дону. Актуальность именно такой постановки вопроса в значительной степени объясняется общими тенденциями, имеющими место в миграционно-демографических процессах, протекающих по всей России.

Они связаны с падением рождаемости, сокращением количества трудоспособного населения и ожиданиями, что возмещение трудовых ресурсов окажется возможным благодаря миграции [1]. Таким образом, в нашей статье речь пойдет о миграционном потенциале двух городов, позиционируемом в качестве важнейшего фактора по преодолению негативных последствий ухудшающейся демографической ситуации в Российской Федерации в целом.

Данная проблема для России имеет судьбоносное значение, поскольку от государственных решений миграционно-демографических процессов по существу зависит будущее страны. Как следует из прогноза ООН, в начале XXII в. население РФ может сократиться по наихудшему сценарию до 53 млн человек. В более оптимистичном прогнозе этой же организации сообщается о 116 млн, а в среднем прогнозе – 80 млн.

Согласно мнению российских ученых, к началу XXII в. количество населения нашей страны может колебаться в диапазоне от 40 до 91 млн человек. При более благоприятном сценарии говорится о 137 млн, а самый худший сценарий основан на предположении о кризисе демографической ситуации, вследствие которого на территории России будут жить даже не более 19 млн человек [2].

Исторически основным богатством любой страны всегда считались люди – качество и количество человеческого потенциала. Между тем, в России продолжается процесс естественной убыли населения [3]. Как прогнозируют демографы, даже подъем рождаемости до показателя простого воспроизводства, (а это в современных условиях уже могло бы считаться огромным достижением) не приведет к росту численности населения; напротив, станет основанием продолжения дальнейшего падения.

Расчеты ученых, прежде всего социологов, демографов, политологов строятся примерно по одной схеме. В репродуктивном возрасте, как правило, находятся женщины от 20 до 35 лет. Между тем, эта группа населения сейчас является одной из самых малочисленных. Но наиболее тревожным в прогнозах выступает тот факт, что в будущем данный возрастной диапазон будет продолжать уменьшаться. Следовательно, распределение нагрузки по показателю рождений на одну женщину должно идти в сторону еще большего пропорционального увеличения, чем сейчас. Но этого пока нет, и сомнительно, что будет в будущем. Реальность же такова, что с 2006 г. в нашей стране имеет место стремительное сокращение численности трудоспособного населения. В этой ситуации миграция воспринимается специалистами как один из путей разрешения складывающейся проблемы недовоспроизводства рабочих рук [4].

Каково положение двух интересующих нас городских поселений – миллионников, Краснодара и Ростова-на-Дону исходя из драматического общероссийского сценария? Обратимся к данным официальной статистики. В 2017 г. в Краснодарском крае родилось 61156 человек, а умерло – 64073. Естественная убыль населения составила 2917 человек [5]. За этот же отчетный период в Ростовской области родилось 40146 человек, а умерло – 52010. Здесь сокращение численности жителей имеет еще большую степень выраженности – 11870 [6]. Эти данные весьма красноречиво свидетельствуют, что Краснодарский край и Краснодар, и, в особенности, Ростовская область и Ростов-на-Дону являются регионами, остро нуждающимися в притоке рабочей силы по каналам миграции и иммиграции.

Проблема усугубляется также старением населения данных субъектов и агломераций, уменьшением процентного состава трудоспособных по сравнению с несовершеннолетними и, прежде всего, нетрудоспособных по возрастному признаку. Это проявляется не только в общем падении рождаемости, но и в усилении возрастных диспропорций между разными группами населения. Так, если в 1995 г. средняя продолжительность жизни (СПЖ)

мужчины в Краснодарском крае была 57,7 лет, то в 2017 году – 68,5, а по прогнозу к 2035 г. увеличится до 72,5 лет. Что касается женщин, то динамика здесь еще более убедительная: в 1995 г. СПЖ являлась 69,4 года, в 2017 г. – 77,9 лет, а по прогнозу на 2035 г. – 80,1 год [7].

При анализе тех же процессов в Ростовской области выявлены схожие показатели, правда в сторону цифрового уменьшения: в 1995 г. СПЖ мужчины в Ростовской области была 57,2 года, в 2016 году – 67,3; а по прогнозу к 2035 г. увеличится до 71,5 лет. Женщины, также, как и в Краснодарском крае, живут здесь дольше. В 1995 г. их СПЖ была 69,1 год, в 2016 г. – 76,8 лет, а по прогнозу на 2035 год – 79,5 лет [8].

Следует отметить, что единая линия развития в обоих регионах и агломерациях в целом соответствует как общероссийским тенденциям, так и общемировым трендам на рост СПЖ [9]. Эти тенденции оцениваются учеными в качестве положительных. Между тем, если их связывать с потребностями социально-экономического развития, то они содержат в себе явно отрицательные коннотации, так как потенциально несут угрозы повышенного давления на социальную сферу и нехватки необходимого количества трудоспособного населения. Следовательно, и Краснодар, и Ростов-на-Дону не смогут в перспективе решить проблемы социально-экономического развития своей инфраструктуры без дополнительного привлечения «рабочих рук» посредством миграции и иммиграции.

В этой связи возникает вопрос о том, какие конкурентные преимущества есть у этих городских центров для привлечения миграционных потоков? В советский период и даже в 90-е годы Ростов-на-Дону обладал более высокими позиционными преимуществами. В значительной степени они базировались на крупном оборонно-промышленном потенциале, которому нужны были в большом количестве рабочие и специалисты. В пользу донской агломерации свидетельствовала большая численность населения (она стала городом миллионером еще в 1989 году), мощный промышленный потенциал, высокие, по сравнению с Краснодаром, показатели уровня жизни.

Однако уже в десятилетие нулевых годов ситуация стала коренным образом меняться. Подготовка к зимней олимпиаде в Сочи в 2014 г. оказала стимулирующее воздействие не только на развитие этого города-курорта, но и всего Краснодарского края. Результаты этого опережающего развития можно отразить в ряде таблиц, которые мы представим в виде определенных тематических блоков, где зафиксированы показатели развития данных субъектов Российской Федерации и их столиц.

Вначале отразим показатели регионального характера 2011 года, которые могут свидетельствовать об общей направленности возрастающих темпов развития Краснодарского края в начале XXI века.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели развития Краснодарского края и Ростовской области в 2011 г. [10]

	Краснодарский край	Ростовская область
Численность населения, тыс. чел.	5284,5	4260,6
Номинальная заработная плата, тыс. руб.	18,4	16,9
ВРП/душу населения в 2010 г., тыс. руб./чел.	190,8	148,4
Объем промышл. продукции, тыс. руб./чел	95,2	127,2
Объем с/х продукции тыс. руб./чел	45,3	35,0
Ввод в действие жилых домов, кв.м/1000 чел.	699	441
Оборот розничной торговли, тыс. руб./чел	138,4	127,3
Инвестиции в основной капитал, тыс. руб./чел	128,0	36,4

Как видно из представленных данных, Ростовская область отстает по всем характеристикам, особенно по таким привлекательным для потенциальных мигрантов, как заработная плата, строительство жилья, инвестиции.

Далее представим эти же характеристики, но конкретизируя их примирительно к самим городам.

Из данных, отраженных в таблице, вытекает несколько любопытных выводов. Наиболее важный из них состоит в том, что Краснодар к 2011 г. опережал Ростов-на-Дону по всем показателям развития! Некоторые из этих позиционных преимуществ доходили практически до рубежа в 1000 %, как например, инвестиции. Поэтому если ориентироваться на привлекательность двух городов с точки зрения выбора места жительства в каком-то одном из них, то Краснодар в

начале XXI века для мигрантов обладал несомненными преимуществами.

Специалисты, объясняя потерю лидерства Ростова-на-Дону, справедливо связывали изменения, произошедшие в последние два десятилетия в Краснодарском крае, с масштабным строительством в целях подготовки региона к проведению в 2014 г. зимних Олимпийских игр. Однако если ориентироваться на столь очевидный фактор, как подготовка города к масштабному и всепланетарному спортивному мероприятию, то у Ростова-на-Дону с 2012 г. появился свой козырь. Речь идет о том, что данный городской центр был выбран в качестве одного из мест для проведения чемпионата мира по футболу 2018 года. И ему, действительно, предшествовали масштабные мероприятия по изменению городской инфраструктуры. Был построен аэропорт «Пла-

тов», футбольный стадион «Ростов Арена», сделан южный подъезд к городу, реконструирован Ворошиловский мост, обновлен парк обществен-

ного транспорта, отремонтированы старые и возведены новые дороги, обновлены фасады зданий, декорированы улицы и т.п.

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели развития
Краснодара и Ростова-на-Дону в 2011 г. [10]

	Краснодар	Ростов-на-Дону
Численность работников, тыс. чел.	265,9	299,9
Зарплата, руб./мес.	25299,7	23935
Численность предприятий и организаций	46603	45908
Ввод жилых домов, кв.м./чел.	1,4	0,8
Оборот розничной торговли, тыс. руб./чел.	118,7	67,2
Инвестиции в основной капитал, тыс. руб./чел.	212,7	37,2
Объем промышленной продукции, тыс. руб./чел.	202,7	169,4
Объем строительных работ, тыс. руб./чел.	47,3	39,3

В то же время, надо понимать, что инвестиционные показатели в буквальном плане способны отразить позиционные преимущества лишь для трудовой, временной миграции. Это важный аспект, но он не связан с процессами социализации мигранта внутри региона, принятием с его стороны образа жизни и ценностей того места, в котором он находится временно, не планируя перевозить сюда свою семью. Куда более значимую важность имеет целостный комплекс социально-экономического развития, обуславливающий желание переехать из одного региона в другой на постоянное место жительства.

Одним из таких интегративных показателей является «Рейтинг российских регионов по качеству жизни». Он состоит из 72 показателей, объединенных в 11 групп, и отражает базовые а-

спекты уровня жизни населения конкретного региона. В их числе следует указать на такие позиции, как занятость населения, безопасность проживания, доходы, жилищные условия, здоровье, качество образовательных услуг, уровень развития малого бизнеса и т.д. По итогам 2017 года Краснодарский край занял в нем шестое место (62,89 балла из 100), а Ростовская область – восемнадцатое (52,91 из 100) [11].

Данный рейтинг дает нам хорошую возможность, не перенасыщая нашу работу чрезмерным количеством цифр по социально-экономическим показателям, сделать заключение о большей привлекательности Краснодара для миграции по сравнению с Ростовом-на-Дону и обосновать это данными официальной статистики за пять последних лет. Представим данный результат в табличной форме.

Таблица 3

Миграция в Ростовскую область и Краснодарский край (человек)

	2012	2013	2014	2015	2016
Краснодарский край	176884	216251	210021	208363	212863
Ростовская область	93036	100348	108722	112056	112515

Из этих данных нетрудно заметить, что существует четкая корреляционная зависимость между благоприятными условиями для жизни [12] и направленностью, а также объемом миграционных потоков. Проведенный анализ, показавший более высокий потенциал качества жизни в Краснодаре, проявляется и в большем притоке количества мигрантов.

Итак, подведем итоги. Складывающаяся в стране демографическая ситуация свидетельствует о сокращении численности населения в России. Это следует рассматривать в качестве потенциальной угрозы для социально-экономического развития страны, так как в будущем российское государство может встать перед острой проблемой нехватки «рабочих рук». Рост СПЖ усугубляет ситуацию тем, что в стране уменьшается количество трудоспособного населения и увеличивается нетрудоспособное по возрастному признаку. Это неоправданно

усиливает давление на социальную сферу, ставя под сомнение способность государства выполнять перед обществом свои социальные обязательства.

Одним из вариантов решения указанных проблем могли бы стать миграция и иммиграция. Мы предположили, что объем миграционных потоков напрямую зависит от потенциальной привлекательности региона для мигранта. В качестве примеров были рассмотрены соответствующие потенциалы городов Краснодар и Ростов-на-Дону. Анализ социально-экономического развития этих городских центров показал, что в течение последних двух десятилетий Краснодар по всем жизненно важным для мигранта показателям опережает Ростов-на-Дону. Сопоставление данного социального факта с реальными миграционными потоками подтвердил высказанное предположение о зависимости между объемом миграции и уровнем развития региона.

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье российской молодежи в контексте региональных миграционных процессов: угрозы национальной безопасности / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин, А.В. Рачипа // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. № 3. С. 59–71.
2. *Ваховская К.А.* Специфика миграционных процессов современной России // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken: Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
4. *Касьянов В.В.* Демографическая безопасность региона: проблемы новых рисков (на примере Краснодарского края) // научное обеспечение регионального развития : материалы международной конференции. Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2015. С. 121–126.
5. URL: krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/c07a8680443470278ab8abfa17e1e317/едн.htm (дата обращения – 16 февраля 2018 года).
6. URL: rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/3a4bcc0048d8f1a79a49daf7eaa5afd2 (дата обращения - 16 февраля 2018 года).
7. URL: krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/df9776804115eb33baa5bfa3e1dde74c (дата обращения – 16 февраля 2018 года).
8. Статистический ежегодник Ростовская область в цифрах. 2016. Ростов-на-Дону, 2017.
9. *Касьянов В.В.* Тенденции межрегиональной трудовой миграции в Южном федеральном округе / В.В. Касьянов, В.В. Мухачев, С.Н. Шаповалов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8 № 4–2.
10. *Гонтарь Н.В.* Ростов – Краснодар: сравнительные позиции и перспективы соперничества за экономическое влияние на Юге России // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 1.
11. URL: riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html (дата обращения – 17 февраля 2018 года).
12. *Верещагина А.В.* Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения [Электронный ресурс] / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 40, № 1 (40). URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3527> (дата обращения: 22.08.2017).

Literature:

1. *Gafiatullina N.H.* Social health of Russian youth in the context of regional migration processes: threats to national security / N.H. Gafiatullina, S.I. Samygin, A.V. Rachipa // the Humanities of the South of Russia. 2016. Vol. 19. № 3. Pp. 59–71.
2. *Vakhovskaya K.A.* Specifics of migration processes in modern Russia // Bulletin of the Chuvash University. 2009. № 1.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbucken: Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
4. *Kasyanov V.V.* Demographic security of the region: problems of new risks (by the example of the Krasnodar Territory) // scientific support of regional development : materials of the international conference. Rostov-on-Don : SFU, 2015. pp. 121–126.
5. URL: krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/c07a8680443470278ab8abfa17e1e317/едн.htm (circulation time - February 16, 2018).
6. URL: rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/3a4bcc0048d8f1a79a49daf7eaa5afd2 (circulation time - February 16, 2018).
7. URL: krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/df9776804115eb33baa5bfa3e1dde74c (circulation time – February 16, 2018).
8. Statistical Yearbook of Rostov oblast in figures. 2016. Rostov-on-don, 2017.
9. *Kasyanov V.V.* Trends of interregional labor migration in the southern Federal district / V.V. Kasyanov, V.V. Mukhachev, S.N. Shapovalov // Historical and socio-educational thought. 2016. Vol. 8. № 4–2.
10. *Gontar N.V.* Rostov-Krasnodar: comparative positions and prospects of competition for economic influence in the South of Russia // South-Russian forum: Economics, sociology, political science, socio-economic geography. 2013. № 1.
11. URL: riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html
12. *Vereshchagina A.V.* Safe childhood as the basis of social health of young generations: indicators of sociological measurement [Electronic resource] / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina // Engineering bulletin of the Don. 2016. Т. 40, № 1 (40). URL: <http://ivdon.ru/en/magazine/archive/n1y2016/3527>

Кикоть Анастасия Сергеевна
аспирант,
Южный федеральный университет
kikot.anastasia@yandex.ru

МИКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Без изучения микромира молодой семьи, ее ценностей, потребностей и стратегий их реализации невозможна разработка эффективной семейной политики и решение демографических проблем, так как все, что изучается фамилитами на макроуровне в виде тенденций трансформации семьи и брака, моделей семейного поведения, динамики демографического поведения, кризиса или эволюции семьи, происходит на микроуровне семейных отношений. Понять микромир российской молодой семьи, проникнуть в него, окунуться в его проблемы и объяснить их источники, – значит, оказаться на полпути к решению проблем и социальной адаптации молодой семьи и проблем всероссийского уровня, связанных с социокультурной динамикой общества.

Ключевые слова: семья, молодая семья, социальная адаптация, микросоциальные факторы, риски адаптации.

Благополучие молодой семьи, как справедливо отмечают исследователи, является важнейшим фактором демографической и социальной безопасности общества [9], воспроизводство которого во многом определяется спецификой функционирования молодой семьи как социального института и малой группы, а потому крайне важно понимание природы тех проблем, с которыми сталкиваются молодые семьи в процессе социальной адаптации.

И в данной статье этот анализ проводится с позиции изучения микросоциальных факторов, связанных с микромиром молодой семьи, в котором в самом начале, в первые годы семейной жизни происходит формирование целого комплекса семейных отношений, как супружеских, родительских (в случае рождения ребенка), так и родственных, вызванных необходимостью налаживания межсемейных связей, образовавшихся ввиду создания молодой семьи. Зачастую отношения в молодой семье омрачаются именно неудачно сложившимися межсемейными отношениями и связями (с родителями и другими родственниками мужа или жены). Нерешенность этих проблем порождает ситуацию высокого

Anastasia S. Kikot
graduate student,
Southern Federal University
kikot.anastasia@yandex.ru

MICRO-SOCIAL IMPACT FACTORS ON THE YOUNG FAMILY SOCIAL ADAPTATION IN RUSSIAN SOCIETY

Annotation. It's impossible to develop effective family strategy and demographic issues solution without analysis of the young family microworld, its valuables, needs and realization strategies, as far as all that familists study on the macrolevel in terms of family and marriage transformation tendencies, family behaviour models, demographic behaviour dynamics, family crisis and evolution, occurs on the microlevel of family relations. Understanding of the russian young family micro world, getting insight of it, experiencing its problems and their sources explanation means to be half way to solve the problems and to the young family social adaptation and the nationwide problems linked with sociocultural dynamics of the society.

Keywords: family, young family, social adaptation, microsocia; factors, adaptation risks.

риска распада молодых семей в современной России. Одним из самых негативных проявлений высокого уровня разводов в молодых семьях становится рост неполных семей, в которых дети воспитываются, как правило, матерью, что является следствием еще одной проблемы в российской реальности – низкой культуры отцовства, которую также надо формировать [1].

Микросоциальные факторы адаптации молодой семьи в обществе, независимо от того, о каком обществе идет речь, определяются той микро-средой, в которой осуществляет свою жизнедеятельность молодая семья, а микросреда, в свою очередь, формируется ближайшим окружением молодой семьи, которое составляют непосредственно члены молодой семьи (супруги и дети, если таковые имеются) и ближайший круг людей, с которыми молодая семья наиболее часто контактирует (как правило, это родственники). В этой связи, микросоциальные факторы адаптации молодой семьи можно подразделить на две группы:

– факторы, связанные с самой семьей (ее составом, демографическими и личностными ха-

рактиками, местом проживания и родом деятельности);

– факторы, связанные с ближайшим окружением молодой семьи, оказывающим на нее влияние в процессе коммуникативных взаимодействий (родственники, близкие друзья).

И те и другие факторы влияют на характер внутрисемейной адаптации (супружеской, детско-родительской), которая, в свою очередь, определяет устойчивость молодой семьи, уровень ее конфликтного потенциала и перспективы дальнейшего развития. На характер внутрисемейной адаптации в молодой семье оказывают сильное влияние различные факторы и макроуровня, но даже при самых благоприятных макроусловиях на микроуровне семейных отношений могут возникнуть проблемы весьма сложного характера, своими корнями уходящие в уникальный мир семьи, который у каждой семьи свой.

Итак, первый фактор, на который хотелось бы обратить внимание, – это демографическая характеристика семьи, в которую входит:

– возраст самой семьи (стаж семейной жизни) и супругов;

– очередность брака или опыт семейной жизни у каждого из супругов;

– наличие/отсутствие детей в семье, так как по этому показателю определяется наличие такого типа отношений, как родительские и детско-родительские; репродуктивные установки семьи;

– наличие и уровень образования у супругов, профиль образования;

– профессионально-трудовой статус супругов, т.е. профиль профессиональной деятельности и включенность в трудовые отношения, в рынок труда;

– территориальная дислокация семьи (регион проживания, тип проживания – отдельное или совместное проживание с родителями, с представителями старших поколений);

– материальное положение (наличие собственного жилья, общий доход семьи, экономическая самостоятельность);

– этнический статус семьи (моноэтническая/межэтническая семья) и ее этнокультурная характеристика;

– уровень социального здоровья молодой семьи как интегральной характеристики, включающей физические, психические и социокультурные элементы.

Не всех перечисленных факторов нам удастся раскрыть в рамках данной статьи, а потому остановимся на ключевых.

Итак, важным фактором влияния выступает возраст молодой семьи или иными словами – стаж семейной жизни. Именно молодая семья в пер-

вые годы семейной жизни представляет собой наиболее рискованное образование по очень простой причине – она еще совершенно неустойчива с точки зрения семейных связей и отношений, которые находятся на стадии формирования, а, следовательно, ее уязвимость и подверженность различного рода влияниям, как внешним, так и внутренним, самая высокая. Молодые супруги еще только начинают осваивать семейные роли и каждый играет свою роль, исходя из имеющихся представлений о семейной жизни, как правило, сформировавшихся на основе родительского опыта с его положительными и отрицательными характеристиками. Высокий уровень разводов в молодых семьях объясняется несовпадением ролевых позиций, представлений о семейных и супружеских в частности ролях, а легкодоступность развода делает соблазн решить все проблемы таким простым способом, как избавиться от них раз и навсегда путем развода становится зачастую непреодолимым соблазном, который в современной реальности еще объясняется и тем, что во взрослой жизни современный мужчина, как и современная женщина, вполне могут обойтись и без семьи, т.е. для выживания в современном мире состоять в браке, иметь семью совсем необязательно, чем, по мнению исследователей, также можно объяснить непрочность современных семей [9]. Более того, как нам представляется, сегодня зачастую проще прожить одному, без семьи, неся ответственность (и моральную, и материальную) только за себя, и особенно это актуально для российского общества с его крайне неадекватными экономическими условиями жизни для рождения и воспитания детей.

Возраст супругов также является весомым фактором влияния на адаптацию семьи, так как очевидно, что ранние браки (а такие случаются зачастую по причине незапланированной беременности, т.е. я не являются результатом осознанного жизненного шага, следствием глубокой мотивации, основанной на устойчивых глубоких чувствах взаимной любви и привязанности) изначально характеризуются высоким порогом конфликтности из-за неопытности, социальной незрелости супругов, причинности самого семейного союза и т.д. Сегодня общемировой тенденцией является увеличение возраста вступления в брак, и в Европе молодые невесты зачастую уже не являются молодыми по возрастным меркам, так как средний возраст невесты, вступающей в первый брак, в большинстве западных стран уже превышает 28–30 лет, хотя Россия в этом плане еще не догнала Европу, но движется в этом направлении [3].

Важнейшим фактором социальной адаптации молодой семьи является наличие или отсутствие детей в семье, так как по этому показателю молодые семьи дифференцируются на бездетные (в том числе и добровольно бездетные), малодетные и многодетные. Соответственно, характер адаптации семьи каждого типа будет иметь свои особенности, и особенно различается адаптация бездетных и детных молодых семей. В каждой из них есть свои риски адаптации, которые будут рассмотрены нами в соответствующей (третьей) главе данного исследования.

В этом же ряду факторов, связанных с репродуктивной спецификой молодой семьи, важно отметить такой фактор, как репродуктивные установки молодой семьи, во многом определяющие характер отношений между супругами, тип семьи и ее будущие семейные практики. Сегодня в России, по оценкам специалистов, большинство молодых семей является однодетными, хотя их репродуктивные установки несколько иные – при определенных, более благоприятных обстоятельствах многие из них хотели бы иметь больше детей [5]. Рождение ребенка в семье автоматически наделяет супругов новыми ролями и функциями – родительскими, и, несмотря на то, что большинство молодых супругов очень ждут этого, мечтая стать родителями, далеко не все из них оказываются готовы к этой важнейшей социальной роли, и рождение ребенка в семье неожиданно становится источником супружеских конфликтов и последующего разрушения семьи. Рост неполных семей из числа распавшихся молодых семей [6] – явное тому доказательство.

Очевидна зависимость уровня внутрисемейной адаптации супругов друг к другу в молодой семье от уровня образования супругов и разрыве по этому показателю, который существует не только по уровню образования, но и по его качеству, которое в условиях образовательного неравенства в России проявляется достаточно сильно [4]. Уровень образованности человека измеряется его культурным и духовным потенциалом, особым мировоззрением и отношением к окружающим, к себе, к важнейшим жизненным ценностям. Несовпадение по этим ключевым позициям, во многом производное от разрыва в уровне образования и образованности, выступает одним из факторов кризиса в отношениях между молодыми супругами, которым не удается создать единый и целостный семейный мир ввиду разнородности их самостоятельных жизненных миров.

Кроме того, уровень образования – это еще и определенный род профессии, трудовой деятельности, круга общения, материального достатка и перспектив будущего профессионального и личностного развития, и если эти аспекты не стали факторами роста противоречий в неравном с точки зрения образовательного уровня супружеском союзе в первые годы семейной жизни, это не означает, что в дальнейшем этот фактор не сыграет своей роли. Зачастую случается именно так, что разногласия, вызванные этим фактором, проявляют себя несколько позже – по мере профессиональной самореализации одного из супругов, имеющего образование более высокого уровня. Иными словами, образовательный разрыв становится более заметным по мере профессиональной реализации, особенно на фоне отсутствия значимых профессиональных успехов у другой стороны супружеского союза.

В этом контексте важно указать на фактор профессионально-трудового статуса супругов, который связан с профилем профессиональной деятельности, занимаемой должностью, включенностью в трудовые отношения, стабильностью тру-

довой занятости. И, конечно же, в отношении описания молодой семьи этот фактор – один из самых болезненных и порой критичных для ее устойчивости, так как молодёжь, составляющая основу молодых семей, еще не имеет в своем большинстве стабильного статуса в системе социально-профессиональных и трудовых отношений, многие еще учатся или получают дополнительное образование, чтобы более удачно адаптироваться на рынке труда.

Фактор материального положения семьи, хоть и определяется не только микросоциальными аспектами, но, во многом, зависит от них, так как материальный статус молодой семьи в значительной степени определяется статусом родительских семей супругов, которые выступают своего рода стартовой площадкой для молодой семьи, а экономический фактор, как показывает реальность, является очень важным в стабильности молодой семьи, особенно на первых этапах жизни, когда множество иных проблем могут усугубляться материальным неблагополучием. Перед молодой семьей в первое время семейной жизни стоит основная задача – адаптироваться друг к другу, освоить семейные роли, создать комфортное пространство семейных отношений, закрепить супружеские узы и институционализироваться как семья со своими ценностями, отношениями, семейными традициями, устоями. Безусловно, тяжелое материальное положение затрудняет этот период супружеской адаптации, хотя и при самом благополучном экономическом положении супружеские отношения могут развиваться в конфликтом формате, тем не менее, наличие собственного жилья, экономическая самостоятельность, т.е. независимость от родителей и от материальной помощи с их стороны, стабильный доход, позволяющий удовлетворять потребности и интересы молодой семьи – важные индикаторы в современной рыночной реальности. Тот факт, что среди основных проблем молодых семей в России, согласно многочисленным данным, представленным в различных источниках, на первом месте стоят материальные проблемы [7], заставляет не усомниться в данном утверждении – о доминантном влиянии материального фактора на адаптацию молодой семьи в российском обществе.

В рамках территориального фактора уместно рассмотреть проблему локализации (проживания) молодой семьи, так как этот фактор – совместного проживания с родителями или раздельного – играет колоссальное значение для характера и уровня адаптированности молодых семей, а также плюсы и минусы. Современные реалии связаны с тенденцией автономизации семьи, и если данная тенденция раньше была характерна в основном для городской местности, включенной в модернизационные процессы, в том числе в сфере семейных отношений, то сегодня эти процессы затронули и сельские регионы, и молодёжь стремится к раздельному проживанию (исключая ситуации, когда совместное проживание с родителями продиктовано семейные традициями и обычаями, еще сохраняющимися в ряде регионов страны), хотя далеко не всегда материальные условия позволяют это.

Обращает на себя внимание факт снижения уровня социального здоровья российского общества и особенно молодежи, что, безусловно, не может не сказаться на социальном здоровье молодой семьи, которое выступает важнейшим фактором ее социальной адаптации и реализации семейных функций [8], главным образом по рождению и воспитанию детей. Социальное здоровье молодой семьи, с позиции ученых, является мерой качества ее жизни, а также эффективности структур и общественных институтов, а основным признаком социального здоровья молодой семьи выступает способность к воспроизводству в семье полноценной личности в качестве субъекта общественного развития [2].

Переходя к следующей группе факторов – личностных, заметим, что личностные особенности супругов, как микросоциальные факторы влияния на адаптацию молодой семьи в России, определяются микромиром личностного становления каждого, включенного в определенный региональный социум, семейную структуру, этническую культуру, профессиональное поле, коммуникативный круг и т.д. Одинаковых людей нет, но очень важно, чтобы мировоззренческие миры двух людей, решивших соединить свои судьбы, имели точки соприкосновения как основу для взаимопонимания, без которого сложно выстроить какие-либо отношения, и тем более семейные. Значительные ценностные и поведенческие различия, продиктованные разными целями, ориентациями, смыслами жизни и потребностями личности, непременно станут источником непонимания, конфликтных ситуаций и разрушительных тенденций в функционировании такой семьи.

На жизнь молодой семьи значительное влияние оказывает ее ближайшее окружение. Наверное, каждый, при желании, вспомнит историю, слу-

чившуюся с его родственниками или родственниками знакомых, в которой вмешательство родителей или других родственников в семейную жизнь молодых привело к трагичным для семьи последствиям – семья разрушилась. Недаром существует масса анекдотов про тещу, свекровь, т.е. тех акторов, которые оказывают воздействие на молодую семью. В современном обществе это вмешательство уже не столь тотально и порой не столь явно, но оно имеет место быть в семейной практике российского общества, а потому зачастую проживание вместе с родителями одного из супругов оборачивается разрушением еще крайне неустойчивого мира молодой семьи. Однако такой взгляд достаточно критично освещает эту проблему, которая гораздо многограннее и многоаспектнее, так как многие молодые семьи в современной России просто не выжили бы без родительской помощи, без бабушек и дедушек, которыми охвачены внуки и внучки в тех семьях, где молодые интенсивно работают и не могут себе позволить всецело отдаться воспитанию молодого поколения.

Итак, к факторам микросоциального порядка, ставшими предметом анализа в данной статье, стали факторы, связанные с самой молодой семьей (ее составом, демографическими и личностными характеристиками, местом проживания и родом деятельности), а также факторы, связанные с ближайшим окружением молодой семьи, оказывающим на нее влияние в процессе коммуникативных взаимодействий. Высокий уровень разводов среди молодых семей в России говорит о необходимости глубокого анализа микросоциальных факторов адаптации молодых семей в российском обществе с тем, чтобы выработать адекватную микросоциальную ситуацию повышения стабильности и устойчивости молодых семейных союзов в России.

Литература:

1. *Акиншина Н.В.* Особенности представлений об отцовстве у молодых отцов // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). Выпуск 10. С. 271–278.
2. *Гафиатулина Н.Х.* К вопросу об институциональном кризисе молодой семьи: проблемы формирования социального здоровья / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 60–64.
3. *Захаров С.* Куда движется супружество в России? // Демоскоп. 2013. № 545–546 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php>
4. *Осипов А.М.* Институциональные барьеры и механизмы образования: концепция и региональная динамика / А.М. Осипов, Н.А. Матвеева // Социологические исследования, 2015. № 7. С. 37–48.
5. *Ростовская Т.К.* Статус молодой семьи в современном российском обществе // Человек в мире культуры. 2014. № 3. С. 76.

Literature:

1. *Akinshina N.V.* Features views of the fatherhood of young fathers // Scientific Bulletin. Series of Humanitarian Sciences, 2011, № 12 (107), Issue 10. pp. 271–278.
2. *Gafiatullina N.X.* To the question of the institutional crisis of a young family: the problem of forming social health / N.X. Gafiatullina, A.V. Vereschagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social Sciences, 2016, № 10. pp. 60–64.
3. *Zakharov S.* Where is the marriage in Russia? // Demoscope, 2013, № 545–546 [Electronic resource]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema02.php>
4. *Osipov A.M.* Institutional barriers and mechanisms of education : concept and regional dynamics studies / A.M. Osipov, N.A. Matveeva. 2015, № 7. P. 37–48.
5. *Rostovskay T.K.* because the Status of a young family in modern Russian society // Man in the world culture, 2014, № 3. p. 76.

6. *Ростовская Т.К.* Роль массовой коммуникации в социализации молодежи и молодых семей / Т.К. Ростовская, Н.А. Ростовская // Информационное общество. 2014. № 2. С. 43.

7. *Сердюченко Я.В.* Факторы формирования жизненного мира молодой семьи в Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 249–253.

8. *Сокольский А.Э.* Основные функции молодой семьи в современных исследованиях // Среднее профессиональное образование. 2013. № 9. С. 40–42.

9. *Щербакова Л.И.* Молодая семья в условиях трансформации институтов семьи и брака / Л.И. Щербакова, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 172–176.

6. *Rostovskay T.K.* The role of mass communication in the socialization of youth and young families / T.K. Rostovskay, N.A. Rostovskay // Information society, 2014, № 2. p.43.

7. *Serdyuchenko V.Y.* Factors of formation of the life-world of young families in the Rostov region // the State and municipal management. Proceedings of the SKAGS, 2017, № 3. pp. 249–253.

8. *Sokolsky A.E.* the Main functions of a young family in modern research // Secondary professional education, 2013, № 9. pp. 40–42.

9. *Shcherbakova L.I.* Young family in the conditions of transformation of the institutions of family and marriage / L.I. Shcherbakova, A.V. Vereshchagin, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social Sciences, 2016, № 8–9. pp. 172–176.

Ковригин Вадим Валерьевич
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры политологии
и социологии,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
letter@vkovrigin.ru

АНТАГОНИЗМ ЦЕНТРА И ПРОВИНЦИИ В СОЗНАНИИ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. в статье автор рассматривает проблемы противоборства столицы и провинции в сознании россиян. Отмечен особый драматизм этого явления в последние годы. Выделены виды и формы антагонизма. Рассмотрена также история изучения проблемы антагонизма в науке. На эмпирическом уровне исследования проведено анкетирование студентов региональных вузов. В статье сделан вывод о преобладании количественной формы противостояния центра и провинции в экономической сфере.

Ключевые слова: столица, провинция, центр, социальное сознание, антагонизмы в сознании, Москва и регионы.

«Мировой город и провинция – этими основными понятиями всякой цивилизации открывается совершенно новая проблема формы истории, которую мы сейчас переживаем ... Вместо мира – город, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время как всё остальное увядает ...»

О. Шпенглер, «Закат Европы» [1]

Этими словами известный философ XIX века выразил сущность антагонизма центра и регионов, «мирового города»-столицы и провинции. Такое противостояние, свойственное большим государствам Европы времени О. Шпенглера, сегодня не ослабевает, даже наоборот, усиливается. Особую актуальность оно приобретает и в России.

Некоторые исследователи отмечают особый драматизм этого противостояния в нашей стране – конфликт между «озападнивающейся», «плохой, но сильной» Москвой и «азиатящимися», «хорошими, но слабыми» провинциями [2]. Последствия этого антагонизма ощущаются и в политике, и в экономической жизни, и в культуре, и даже на ментальном уровне отношений «москвичей» и «провинциалов». Такая особая форма взаимоотношений столицы и провинции начинает сковывать развитие последней наряду с гипертрофизацией центра. Столица «стягивает» большинство ресурсов, вызывая однонаправленные миграционные потоки и перенаселённость территории вокруг себя. Об этом ярко свидетельствует недавнее официальное

Vadim. V. Kovrigin
candidate of pedagogics,
associate Professor of political and
sociology science department,
Plekhanov Russian Economic University
letter@vkovrigin.ru

THE ANTAGONISM OF THE CENTER AND PROVINCE IN THE MINDS OF RUSSIANS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. in the article the author considers the problems of the confrontation between the capital and the province in the minds of Russians. A special dramatic nature of this phenomenon has been noted in recent years. Types and forms of antagonism are distinguished in this research. The history of studying the problem of antagonism in science is also considered. At the empirical level of the survey, students of regional universities were surveyed. The article concludes that the quantitative form of confrontation between the center and the province prevails in the economic sphere.

Keywords: capital, province, center, social consciousness, antagonisms in consciousness, Moscow and regions.

расширение Москвы на юго-восток, предпринятое российскими властями.

В российских регионах эта оппозиция центру принимает зачастую формы «москворочества», проявлениями которого являются неоднократно высказываемые в периодической печати обвинения Москвы в «паразитизме», процветании за счёт российских регионов. Такое отношение жителей регионов к столице ярко отражается в данных опросов общественного мнения, проводимых Всероссийском центром изучения общественного мнения. В 2009 году 63 % респондентов прямо связали высокий уровень развития Москвы с тем, что она «живёт за счёт регионов» [3]. Благополучие Москвы и ее жителей россияне склонны объяснять статусом столицы, концентрацией в ней власти и деловой жизни страны (47 %). Все чаще наши сограждане указывают на то, что в Москве оседает большая часть налогов от крупнейших компаний (29 % в 2005 году и 36 % в текущем году) и все реже – на более высокие возможности заработка в столице (38 % и 33 % соответственно).

Тема противостояния крупнейших городов – столиц и периферии в науке сравнительно молодая. До распада СССР она представляла собой «чёрный ящик», находящийся под запретом эгалитаристской идеологии. Однако и в последние два десятилетия исследуемая проблема не стала популярной в науке. Видимо, не забыта еще «красивая» и удобная для всех теория равенства всех не только в правовом, но и социально-статусном смысле. Исследовать проблемы противостояния центра и провинции – значит признавать её наличие как существующее явление.

Во многом поэтому так мало в современной социологической и политической науке исследований, посвящённых рассматриваемой проблеме. Среди наиболее интересных работ можно выделить труды М.С. Кагана, М.П. Крылова, Т.О. Санниковой, А.Г. Кислова и др.

Один из первых, кто заявил о существовании противостояния центра и провинции на научной трибуне – М.С. Каган. Неизбежностью и исторической судьбой нашей страны известный исследователь назвал её «двуличность» – столичную и в то же время провинциальную Россию – очень непохожие друг на друга два социальных и политических субъекта. Учёный представил вместе с тем это явление как исторический шанс нашей страны. Он признаёт особую актуальность данной проблемы: «В России последние три столетия ... отношение «столица – провинция» наполнялось особым смыслом, уяснить который необходимо и в интересах науки, и для ориентации практической деятельности» [4].

В 1990-е гг. в нашей стране издавался журнал «Российская провинция», в котором был опубликован целый ряд работ, посвящённых проблемам отношений центра и провинции. Исследователи обращали внимание на разные аспекты провинциальности – литературный, исторический, политический, культурный и т.д. Большинство учёных факт наличия противоречий между столицей и периферийными регионами не подвергался сомнению. В то же время, отмечались сложности исследуемой проблемы, такие, как отсутствие единого, принятого всеми терминологического аппарата, критериев различий центра и провинции.

В 2012 году редакцией электронного научного издания «Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований» был проведён заочный круглый стол по проблемам оппозиции центра и провинции. Его участниками были решены несколько вопросов исследуемой проблемы. М.П. Крылов рассмотрел дефиниции понятий «центр» и «провинция» [5]. По его мнению, однозначно центр со столицей идентифицировать не следует. Традиционно, центр воспринимается как нечто более «сильное», развитое, «экстенсивно крупное»; провинция – догоняющее, консервативное, пассивное. Однако, по мнению М.П. Крылова, эти понятия относительны. «Силу» и «периферийность» надо рассматривать в разных аспектах. Столица по отдельным параметрам может проигрывать провинции – в культуре, развитии отдельных отраслей науки. Так, например, Миуринск, получивший статус «наукограда»

в области сельскохозяйственных наук, вряд ли можно считать периферией по отношению к своему областному центру – Тамбову, да и Москве в сфере указанных наук – считает учёный. Т.О. Санникова исследовала проблемы традиций и инноваций в отношениях столицы и провинции, их переплетение и взаимовлияние [6].

Несмотря на развитие рассматриваемой тематики в науке в последние годы, целостных монографических исследований пока нет. До сих пор не выделены формы антагонизма, не классифицированы их виды. Также отсутствуют концепции, посвящённые проблемам сглаживания оппозиции центра и провинции и преодолению её негативных последствий. Данный факт можно объяснить сложностью проблемы, имеющей междисциплинарный характер.

Выделим формы и виды антагонизма центра и провинции. Исследуемое противостояние по-разному проявляется в политике, экономике, социальной и духовной жизни. Самое «глубинное» и древнее противостояние – духовное. Именно оно окрашивает и придаёт неповторимое своеобразие как столице, так и провинциальным регионам.

Антагонизм провинции и центра может быть также основан на количественных и качественных различиях. На практике оба таких вида встречаются в неразрывном единстве. Однако от того, какая основа противостояния преобладает – количественная или качественная – в значительной степени зависят последствия исследуемого явления. Противостояние, основанное на качественном своеобразии центра и провинции, может быть конструктивным и содержать потенциал развития государства. Наоборот, антагонизм, вызванный количественными различиями, смешивает неповторимый окрас социума столицы и провинции, чаще всего несёт деструктивное начало.

Антагонизм столицы и периферийных регионов – явление мировоззренческое, идейное, проявляющееся во взглядах, проживающих в разных регионах страны людей. Вместе с тем, оно может проявляться и в поведении жителей, отношении их друг к другу. Первичны здесь в любом случае взгляды, мысли жителей, объективирующиеся в поступки.

С целью анализа восприятия столицы и её роли в российском социуме было проведено социологическое исследование в форме анкетирования. Целевая группа – студенты провинциальных вузов. Выбор данной категории обусловлен высокой мобильностью указанного социального слоя, отсутствием либо небольшим влиянием сдерживающих для мобильности факторов. Студенческий возраст характеризуется уже сформированным в общих чертах мировоззрением, и в то же время профессиональной неукоренённостью.

Всего опрошено 520 респондентов – студентов провинциальных вузов (Липецкий государственный педагогический университет, Липецкий институт управления, Региональный открытый со-

циальный институт г. Курска, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина и др.) очного и заочного отделений. Вопросы анкеты предполагали как выбор вариантов ответов, так и формулирование собственных суждений относительно специфики жизни в столице и провинциальных регионах.

Первый вопрос анкеты предполагал выяснение отношения студентов к жизни в провинции. Определённо негативно относятся к жизни в нестоличных регионах всего около 10 %. Более того, примерно каждый третий доволен жизнью в провинции. Ответ на другой вопрос явно показал отношение респондентов к столице – это тот район, в котором больше перспектив для трудоустройства и реализации карьеры. Отрицательное мнение о больших перспективах реализации профессиональных устремлений высказали менее одной пятой опрошенных.

Желание переезда высказали в общей сложности чуть более 20 % респондентов, а сформированность стремления поменять место жительства на столичный регион продемонстрировал лишь примерно каждый десятый опрошенный.

Ответы на указанные вопросы позволяют подметить интересную тенденцию – студенты провинциальных вузов признают значительные возможности реализации профессиональных планов в Москве и в то же время значительная их часть не задумывается о переезде в столичный регион. Возможно, это связано с несформированностью профессиональных планов и стратегий личностного развития в студенческом возрасте.

Два последних вопроса предлагали право респондентам самим сформулировать суждения относительно условий жизни в провинции и регионах. Наиболее частотными ответами на вопросы касательно жизни в столице были следующие: «большие возможности трудоустройства» (до 50 % респондентов); большие возможности

самореализации (до 24 % респондентов), «наличие большего количества развлечений (до 13 % опрошенных). Приведём наиболее подробные и яркие ответы: «в столице больше перспектив для трудоустройства и карьеры»; «в столице больше возможностей трудоустройства, самореализации; столица, как центр страны, участвует во всех крупных и важных мероприятиях, есть шанс получить очень выгодное предложение, встретить высший свет общества»; «Больше перспектив для трудоустройства. Больше возможностей и перспектив для молодёжи. Более развита инфраструктура столицы»; «много рабочих мест, однако немногие хорошо оплачиваются. Развитая транспортная сеть, но постоянные пробки. Доступные продукты, но не всегда хорошего качества»; «по моему мнению, преимущества жизни в столице состоят в том, что все коммуникации рядом. В городе больше мест развлечения и больше возможностей реализоваться в жизни»; «возможность трудоустройства велика, больше государственных вузов, качество образования лучше»; «больше зарплаты, больше возможностей трудоустройства, больше возможностей в выборе вуза, больше благ (вещи, еда)»; «более развита культурная сфера, гораздо лучше организован досуг молодёжи (кинотеатры, выставки, концерты)»; «больше возможностей по получению образования».

Можно заметить, что в представлениях большинства респондентов преимущества жизни в столице связаны с образовательно-профессиональными и досуговыми возможностями. Отличительные особенности Москвы в данном случае в представлении провинциалов – чаще количественные, нежели качественные. «Больше возможностей» – фраза, с которой начинались ответы многих респондентов относительно жизни в Москве.

Выделение столицы больше в количественных, нежели качественных, координатах актуализирует количественный антагонизм центра и периферийных регионов России.

Литература:

1. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск : «Поплури», 2009. С. 44–45.
2. Мамедов О.Ю. Провинция contra центр: исторические параллели // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 2. 2004. № 3. С. 68.
3. Почему москвичи живут лучше, чем провинциалы? Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1306 // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=12378>
4. Каган М.С. Москва – Петербург – провинция: «Двуличность» России – её историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1. С. 16.
5. Крылов М.П. Некоторые методологические замечания по проблеме «центр – провинция» // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 5–9.

Literature:

1. Spengler O. Decline of Europe: essays on the morphology of world history. Vol.1. The image and reality. Minsk : «Medley», 2009. P. 44–45
2. Mamedov O.Y. The Province contra center: Parallels in history // Economic Bulletin of Rostov state University. Vol. 2. 2004. № 3. P. 68.
3. Why do Muscovites live better than provinces? Press-release of VTSIOM № 1306 // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=12378>
4. Kagan M.S. Moscow – Saint Petersburg – province: «Duplicity» of Russia – its historical destiny and a unique opportunity // a Russian province. 1993. № 1. P. 16.
5. Krylov M.P. Some methodological remarks on the problem «center – province» // Labirint: journal of social and humanitarian research. 2012. № 3. P. 5–9.

6. Санникова Т.О. Традиции и инновации в процессах взаимодействия столицы и провинции // Лабиринт : журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. -№ 3. С. 74–83.

6. *Sannikova T.O.* Traditions and innovations in the processes of interaction between the capital and the province // *Labyrinth : journal of social and humanitarian research.* 2012. № 3. P. 74–83.

Пшегусова Галина Султановна

доктор философских наук,
заведующая кафедрой английского языка
гуманитарных факультетов,
Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет
gpshegusova@gmail.com

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры региональной
социологии и моделирования
социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

**РОЛЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ
СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ**

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена определению роли патриотического воспитания в формировании социального здоровья российской студенческой молодежи. Молодежный патриотизм рассматривается как имманентное социокультурное и духовно-нравственное состояние студенческой молодежи, от уровня и степени проявления которого во многом зависит формирование ее социального здоровья и жизнеспособность общества.

Ключевые слова: социальное здоровье, российская студенческая молодежь, патриотическое воспитание, патриотическое сознание.

■ ■ ■

Патриотизм вообще, и российский, в особенности, является одним из ключевых феноменов человеческого сознания и бытия, фундаментальным внутренним преобразованием человека, формированием его социальности и духовности. Важность патриотического воспитания в современных условиях для становления личности подчеркнута в специальной государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской

Galina S. Pshegusova

Doctor of Philosophy,
Head of the English Department of the
Humanities Faculties of the Institute of
Philology, Journalism and
Intercultural Communication,
Southern Federal University
gpshegusova@gmail.com

Natalya K. Gafiatulina

Candidate of sociological science,
associate professor of chair of
region sociology and modeling of
social processes,
Institute of sociology and regional studies,
Southern federal university
gafiatulina@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of chair of
human resource management and sociology
Rostov state economic university (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**THE ROLE OF PATRIOTIC
EDUCATION IN SHAPING
THE SOCIAL HEALTH OF
RUSSIAN STUDENT YOUTH**

■ ■ ■

Annotation. The article is devoted to the definition of the role of patriotic education in shaping the social health of Russian student youth. Youth patriotism is seen as an immanent socio-cultural and spiritual-moral state of student youth, on the level and extent of its manifestation, the formation of its social health and the viability of society largely depends.

Keywords: social health, Russian student youth, patriotic upbringing, patriotic consciousness.

■ ■ ■

Федерации на 2016–2020 годы», утвержденной Правительством РФ.

Наиболее актуально воспитание патриотизма в молодежной среде, в которой наиболее остро стоят проблемы духовно-нравственного воспитания и личностного становления, поскольку сегодня формирование и воспитание современной молодежи осуществляется в очень сложный и

противоречивый период изменения политических и социально-экономических условий, обострившихся межнациональных конфликтов, потери национального самосознания, обострения общечеловеческих проблем. Как известно, пренебрежение к идеям патриотизма, духовности, традиционных ценностей, неизбежно приводит государство к масштабным разрушениям практически во всех сферах общества. Особенно это будет заметно в духовной и социальной сферах (в частности в сфере социального и духовного здоровья). Рост количества молодежи с девиантным поведением, снижение роли семьи и системы образования, переориентация ценностей молодежи на собственное «эго» приведет к потере смысла и идеи существования государства [1] и снижению уровня социального здоровья.

В последнее время внимание исследователей уделяется проблеме патриотического воспитания студенческой молодежи, его роли и необходимости в формировании социального здоровья этой группы. Патриотическое сознание российской молодежи, выступая элементом гражданского общества, является социокультурной и духовно-нравственной основой здоровья и жизнеспособности общества, а его недооценка приводит к ослаблению социально-экономических, духовных и социокультурных основ общества [2].

В работах Л.А. Байковой, А.К. Быкова Ю.Г. Волкова, М.К. Горшкова, В.А. Дубровина, Ю.А. Зубок, Н.И. Лапина, В.И. Чупрова, Ф.Э. Шереги и др. освещается проблематика формирования патриотизма и патриотического воспитания, особенно применительно к учащейся и студенческой молодежи; выявляются проявления патриотического молодежного сознания как многомерного социального явления, позволяющего определить уровень социального благополучия и характер социального самочувствия молодежи.

Социальное благополучие (или социальное здоровье), согласно определению Всемирной организации здравоохранения, наряду с физическим и психическим здоровьем, является одним из трех главных компонентов общественного здоровья [3].

Сущностными характеристиками социального здоровья молодежи выступают возможности ее гармоничного развития в политической, социально-экономической и духовной сферах, способности эффективной реализации своих биологических, психологических, социальных и гражданских функций, их реальное воплощение в действительность [4].

В рамках современного социально-гуманитарного знания формируются новые направления в изучении социального здоровья студенческой молодежи как комплексного явления, среди которых разрабатываются такие аспекты, как:

– социально-экономический аспект, предполагающий анализ социально-экономического развития, целью которого является создание соответствующих условий для развития в России гражданского общества;

– демографический аспект, предусматривающий анализ качества и образа жизни российской студенческой молодежи;

– патриотический аспект, ориентированный на общесоциальный контекст и достижение общих социальных и культурных благ, интегрированность молодежи в общественные связи и взаимоотношения.

Патриотическое сознание молодежи формируется под влиянием целого комплекса социальных отношений в обществе, без него не представляется возможным высокий уровень социального благополучия, т.е. социального здоровья. По справедливому мнению А.К. Быкова, патриотизм является основанием качественной выраженности социального здоровья молодежи. Патриотическое сознание, как подчеркивает А.К. Быков, «характеризует социальное здоровье молодежи с социально-психологических позиций. Если процесс адаптации к жизни в обществе возможен и без развитого патриотического сознания, то более глубокий процесс – интеграции в общество, полноценной социальной самореализации в нем – не представляется полноценным без активной социально полезной деятельности молодого человека. Позитивный характер патриотических установок, включенных в структуру личности молодого человека, определяет его социальное здоровье как субъекта социальной деятельности [5, с. 63].

На личностном уровне молодежный патриотизм выступает как имманентное социокультурное и духовно-нравственное состояние, а также как важнейшая интегративная характеристика молодого человека, которая находит выражение в таких понятиях, как личностная социальная активность, готовность к защите Родины, уважительное отношение к другим людям, устойчивая связь с российским обществом.

Российский исследователь Л.Я. Рубина определяет социальное здоровье как высокий уровень социальной активности в различных сферах жизни, возможность смены профессии в случае необходимости, устойчивое ощущение комфортности, отсутствие сложностей в системе межличностных отношений, чувство содержательной наполненности жизни, социальной защищенности и патриотического сознания [6].

В рамках данной статьи мы разделяем позицию большинства российских социологов, занимающихся изучением проблемы социального здоровья студенческой молодежи, и определяем его как особое состояние молодого человека, отражающее его национальное самосознание, при котором он: активно стремится выполнять свои социальные (в том числе и гражданские) функции, иметь устойчивую связь со своей Родиной и проявлять готовность к ее защите.

В связи со сказанным выше, в рамках построения теоретической модели исследования роли патриотического воспитания в формировании социального здоровья российской студенческой молодежи, можно выделить три составляющих компонента патриотического сознания:

Первый – эмоционально-чувственный, отражающий уровень социальных настроений, оценок и чувственное отношение молодежи к другим людям, культуре, обществу и Родине в целом.

Второй – ценностный – сопряжен с системой основополагающих ценностей, осознанием ценности своей Родины, народа, родного края наряду с другими фундаментальными ценностями: здоровьем, семьей, успехом в жизни, свободой личности и пр.

Третий – волевой компонент, связанный с социальной активностью, стремлением защитить свою страну, поддержать других людей в трудных жизненных ситуациях и способствовать развитию и укреплению Родины.

Кроме того, молодежный патриотизм выступает социально-нравственным императивом, обуславливающим ценностное отношение молодого человека к Родине, побуждающим его к патриотически направленной и активной социальной значимой деятельности, характеризующим сформированность патриотического молодежного сознания, целостность его мировоззрения, духовность, идеалы и нормы поведения. Таким образом, патриотизм характеризует не только предпосылку устойчивого развития российского социума, но и уровень сформированности социального здоровья молодежи.

В российском обществе, традиционно ориентирующемся на высокие духовные стандарты в жизненных ориентациях человека, социальное здоровье молодежи ассоциируется с социальной активностью и служением другим людям. При этом ощущения удовлетворенности и счастья молодежи немыслимы без гармонии с природой и социальным окружением, что составляет смысловое поле патриотического сознания человека.

Если на личностном уровне у молодежи будут доминировать такие антипатриотические установки, как патриотический индифферентизм, лжепатриотизм, патриотический нигилизм, социальная апатия вместо социальной активности, то, безусловно, будет размыто и разрушено национальное самосознание молодежи и возникнет препятствие для успешного формирования ее социального здоровья.

В современном российском социуме, согласно социологическим исследованиям, сформировались разнообразные оценки по отношению к патриотизму и патриотическому воспитанию. У современной студенческой молодежи также сложилась собственная позиция по определению патриотизма как общечеловеческой ценности. Как отмечает В.Г. Иванов, в молодежной среде не являются основополагающими такие понятия как герой, героизм, патриотизм, более того, молодежь затрудняется назвать конкретных героев современной России [7]. В результате приобщения к ценностям Запада и переосмысления традиционных ценностей российского общества, молодые россияне все больше ориентируются на такого рода ценности, как:

индивидуализм и независимость, предприимчивость и рациональность, потребительство и прагматизм. Отсюда следует, что патриотизм не является значимой и определяющей ценностью для большей части современной молодежи. В целом, молодые патриоты формируются в основном под действием различных информационных потоков. При этом они немного осведомлены об исторических процессах, символах и культуре, но готовность к патриотической деятельности развита крайне слабо.

В этой связи актуализируется проблема патриотического воспитания студенческой молодежи, которая рассматривается как совокупность образовательных, нормативно-правовых, государственных и общественных элементов, содержание отношений между которыми способствует целям, созданию условий для формирования ценностей патриотизма [8].

Опираясь на концепцию патриотически-ориентированного образования молодежи, в качестве таковых функций можно выделить: развивающую функцию, оказывающую влияние на становление будущего патриота Родины, поскольку в содержании учебных предметов отражены важнейшие нравственные, духовные ценности и культурные традиции российского народа, (реализуется в большей степени и согласно данным социологических опросов, составляет порядка 67,8 %); эмоционально-активизирующую функцию обучения, ибо убеждения – всегда единство знания и переживания, (реализуется у 56,4 % респондентов); идейно-ценностную, способствующую патриотическому воспитанию, состоящую в формировании у студенческой молодежи идеалов реализации своих социальных функций и служения обществу (выражена у 34,8 % респондентов) [9, с. 32].

Какие же меры представляются целесообразными в вопросах патриотического воспитания для формирования социального здоровья российской студенческой молодежи?

Во-первых, необходима поддержка реализуемого на государственном уровне программно-целевой ориентированности в решении задач образования, культуры, что будет активно влиять на осознание студенческой молодежью ценности своей Родины, на стремление активно выполнять свои социальные (в том числе и гражданские) функции, способствуя тем самым формированию социального здоровья молодежи.

Во-вторых, необходимой мерой является разработка общенациональной идеи, т.к. без нее затруднено решение проблемы смысла жизни для молодежи. Как утверждает А.К. Быков, социальные перспективы, которые должны быть сформулированы в рамках общенациональной идеи, будут объективно формировать национальное самосознание и социальное здоровье молодых поколений россиян, представляющих и верящих в свое будущее [5].

В-третьих, поддержание и развитие патриотических установок в молодежной среде, связанных с

укреплением позиций российского общества в мире, ростом его престижности за рубежом.

В-четвертых, формирование единого культурного и информационного пространства, государственных патриотически ориентированных СМИ, привлечение общественных организаций и объединений к защите ценностного мира молодежи и формированию у нее патриотического самосознания.

Таким образом, процесс формирования социального здоровья молодежи заключается в ис-

следовании сегодняшнего духовно-нравственного и социокультурного состояния молодежи, изучении механизмов и выработке принципиально новых подходов патриотического воспитания. Патриотизм, будучи важным социокультурным явлением, способствует развитию социальных и духовных сил студенческой молодежи, ее чувственных, ценностных, волевых и интеллектуальных составляющих личности, тем самым способствуя формированию социального здоровья молодежи.

Литература:

1. *Почапский А.М.* Воспитание патриотизма молодежи как направление деятельности российского союза молодежи / А.М. Почапский, А.В. Кисиленко // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (29). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1\(29\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1(29).pdf) (дата обращения: 11.02.2018)
2. *Муллахмедова С.С.* Духовное развитие личности в условиях модернизации российского общества / С.С. Муллахмедова, Д.С. Шихалиева, Н.Х. Гафиятулина, Э.М. Загирова. Махачкала : ДГТУ, 2017. 189 с.
3. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
4. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
5. *Быков А.К.* Гражданско-патриотическое сознание как индикатор социального здоровья подрастающего поколения // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 3 (6). С. 62–68.
6. *Рубина Л.Я.* Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.
7. *Иванов В.Г.* Воспитание государственного патриотизма у курсантов военно-физкультурного вуза : автореф. ... уч. степ. канд. пед. наук. Спб., 2004.
8. *Выршиков А.Н.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе : монография / А.Н. Выршиков, М.Б. Кусмарцев. Волгоград, 2006. 172 с.
9. *Суржко Г.* Патриотическое воспитание в России: только факты // Народное образование. Центр содействия национально-культурным объединениям. 2005. № 4. С. 34–36.

Literature:

1. *Pochapsky A.M.* Education of youth patriotism as a direction of activity of the Russian Youth Union / A.M. Pochapsky, A.V. Kisilenko // Youth Scientific Forum: Humanities: Electr. Sat. Art. by mat. XXX Intern. stud. scientific-practical. Conf. № 1 (29). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1\(29\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/1(29).pdf) (reference date: 11/02/2018)
2. *Mullakhmedova S.S.* Spiritual development of personality in the conditions of modernization of Russian society / S.S. Mullakhmedova, D.S. Shikhalieva, N.Kh. Gafiatulina, E.M. Zagirova. Makhachkala : DGTU, 2017. 189 p.
3. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva (2008).
4. *Gafiatulina N.Kh.* Social security and social health of Russian society: monograph / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Imgrunt, S.I. Samygin. Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing RU. 2017. 124 p.
5. *Bykov A.K.* Civil-patriotic consciousness as an indicator of the social health of the younger generation // Educational resources and technologies. 2014. № 3 (6). Pp. 62–68.
6. *Rubina L.Ya.* Professional and social well-being of teachers // Sociological research. 1996. № 6. P. 63–75.
7. *Ivanov V.G.* Education of state patriotism in cadets of military-physical culture university : the author's abstract. ... uch. step. Cand. ped. sciences. St. Petersburg., 2004.
8. *Vyrshchikov A.N.* Patriotic education of youth in modern Russian society : monograph / A.N. Vyrshchikov, M.B. Kusmartsev. Volgograd, 2006. 172 p.
9. *Surzhko G.* Patriotic education in Russia: facts only // Public education. Center for Assistance to National Cultural Unions. 2005. № 4. Pp. 34–36.

Сайгушева Светлана Николаевна
аспирант 5 курса кафедры философии,
Мордовский государственный
педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева
sveta200791@rambler.ru

Влияние глобализации на систему открытого образования как фактора «омассовления» системы элитного образования

Аннотация. В условиях складывания информационного общества происходит трансформация образовательной системы, основанной на повышении доступности образования через систему открытого образования, что приводит к размыванию границ между элитарным и массовым образованием.

Ключевые слова: открытое образование, глобализация, «омассовление», элитарное образование, элита.

Исторически сложившийся процесс, основанный на передаче накопленных знаний каждому последующему поколению от предыдущего, является основой современной образовательной системы. На разных исторических этапах социум предъявлял к человеку специфические требования. Общественный прогресс заставляет человека уметь ориентироваться в постоянно изменяющихся жизненных обстоятельствах.

В условиях формирования информационного общества происходит изменение образовательной парадигмы, основанной на повышении доступности образования, ускоряется социализация обучающихся, складывается кросскультурная грамотность. Эти тенденции во многом связаны с включением России в Болонский процесс.

Ключевым направлением развития образовательной системы на сегодняшний день является формирование открытого образования в условиях глобализации. Под глобализацией, в широком смысле данного понятия, подразумевается сближение и рост взаимосвязи наций и государств мира, сопровождающийся выработкой общих политических, экономических, культурных и ценностных стандартов. Глобализация в области образования – это процесс все большего приспособления системы обучения к запросам глобальной рыночной экономики, в условиях сближения государств международного сотрудничества, сопровождающегося выработкой общих политических, экономических, культурных и ценностных ориентиров [3, с. 175].

Svetlana N. Saygusheva
graduate student of the 5th course
department of philosophy,
Mordovian state teacher training college
name of M.E. Evseyev
sveta200791@rambler.ru

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON THE SYSTEM OF OPEN EDUCATION AS A FACTOR OF «MASSAGING» THE SYSTEM OF ELITE EDUCATION

Annotation. In a folding information society is transformation of the educational system based on increased access to education through open education, which leads to a blurring of the boundaries between elite and mass education.

Keywords: open education, globalization, «massification», elite education, elite.

Открытое образование в условиях глобализации представляет собой совокупность систем организационных, педагогических и информационных технологий для обеспечения мобильности, интероперабельности, стабильности и эффективности процесса обучения. Целью открытого образования является подготовка обучаемых к полноценному и эффективному участию в общественной жизни через конкретную профессиональную область в условиях информационного общества, где главной ценностью становится информация. Постиндустриальные структуры в формирующемся современном обществе постоянно будут остро нуждаться в производстве высококвалифицированных кадров. Вследствие чего учебная деятельность, всех без исключения групп населения, становится основным средством развития, воспроизводства и причиной формирования перманентно обучающегося общества. Резко возрастает спрос на образование, особенно высшее, происходит его массовизация. Глобализация порождает маркетизацию образования, которое начинает рассматриваться как сфера предпринимательства, инвестирования средств, оказания платных услуг [1, с. 6].

Для образования основной целью становится сформировать навыки работы студентов в реальных условиях, взаимодействовать с коллективом, эффективно решать практические задачи, адаптируясь к реальным жизненным условиям, постоянно развивая свои профессиональные компетенции. Главными становятся качества выпускника: свобода выбора, компетентность, коммуникативность.

Глобализация открытого образования направлена на равный доступ к образованию для всех категорий граждан. Такая система обучения предполагает увеличение самостоятельной работы обучающегося, который выбирает удобное для себя место обучения по индивидуальному расписанию, имея комплект необходимых средств обучения при контакте с преподавателем или тьютором, обычно через систему интернет, а также личный, при необходимости. Существующие формы получения образования в системе открытого образования интегрируются в единое образовательное пространство [1, с. 8]. Требования к компетенциям должны быть едиными для всех, независимо от технологий и формы обучения. Происходит изменение содержания образовательных программ и их отдельных курсов, направленное на формирование у студентов профессионально значимых компетенций, востребованных рынком труда.

Образовательные программы значительно сокращаются до отдельных курсов и модулей, которые пользуются наибольшим спросом. Многие учебные заведения переходят на «интерактивный режим работы». Создаются только заочные учебные заведения, место преподавателей занимают тьюторы. Таким образом, интерактив является главным педагогическим инструментом электронных образовательных ресурсов. Современные технологии дают для такой системы обучения неограниченные возможности – при желании каждый сегодня может научиться всему, а в большинстве случаев ещё и получить подтверждение своих профессиональных навыков. В целом это позволит сделать образование более доступным, и, что ещё более важно, прозрачным с точки зрения качества.

Открытое образование создает равные стартовые возможности для молодого поколения конкуренции за получение лучшего образования, как фундамента для растущей социальной мобильности. Общество заинтересовано в том, чтобы определенное, пусть небольшое, количество людей сохраняло и развивало достижения науки, культуры, технологии и как все сложно организованные системы, нуждается в профессиональном воздействии во всех его сферах, что вызывает необходимость в разделении труда, полномочий и социальных функций, как отдельных представителей общества, так и целых социальных групп. Образование, которое транслирует потребности общества, представляет собой механизм по передаче социального опыта и социальных ориентиров молодому поколению. Та часть образовательной системы, которая может считаться элитарной, по сути, транслирует социальный опыт элит и воспроизводит элиту в новых поколениях.

Элитарность учебного заведения – свойство объективного характера, которое формируется под влиянием целого ряда факторов. Уникальность учебного заведения и образования, которое можно в нем получить, историческое положение и роль учебного заведения, его профессура и научно-педагогические кадры, выпускники и их роль в общественно-политической и эко-

номической жизни общества, отношение к учебному заведению, его престижность, качество образования, востребованность выпускников обществом и экономикой, эти и другие аспекты играют определяющую роль в том, что учебное заведение воспринимается как элитарное. В основе системы воспроизводства элит по-прежнему лежит элитарное образование и в современном мире, чтобы сохранить себя, ему приходится меняться, меняя и образовательную систему. В процессе глобализации, многими учеными выдвигается предположение о том, что будущее может принадлежать только тем странам, которые имеют наиболее эффективные школы и высшие учебные заведения, которые способны создать мощный интеллектуальный потенциал. Данный потенциал впоследствии деформируется в важную объективную основу для развития способностей большинства граждан и для обеспечения их благополучия [2, с. 49].

На сегодняшний день происходит экстенсивный рост сферы высшего образования. Во всем мире за последние годы наметилась тенденция к превращению высшего образования не просто в массовое явление, но в некий обязательный атрибут современного человека при условии перенасыщения рынка труда по определенным направлениям и специальностям. Большая часть выпускников вузов не работают в соответствии с полученным образованием. Особый динамизм жизни, усиление интеграционных процессов, глобализация способствовали формированию и закреплению однородности, одинаковости жизни и ее проявлений. Складывающееся и все шире распространяющееся массовое общество, в котором люди обходятся без индивидуальных различий, канадский философ и культуролог М. Маклюэн назвал глобальной деревней: «То, что раньше воспринималось как количество, теперь предстает перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безличного «общего типа» [3, с. 308].

В условиях сложной экономической ситуации процесса оптимизации происходит недостаток финансирования признанных элитных образовательных центров, что приводит к омассовлению образования – размыванию границ между элитным и массовым образованием [1, с. 6]. На сегодняшний момент развитие образования происходит путем омассовления образовательной системы за счет поглощения старых элитарных единиц, что снижает общий потенциал системы в целом. Для предотвращения этого обвала необходимо создание новых элитных сил образования, которые бы уравнивали и компенсировали образовавшийся в них недостаток. В высшем образовании сделана попытка сдерживания процесса омассовления путем установления ориентиров включения в топ – 100 каждого направления глобальных рейтингов хотя бы одного российского вуза. Проект 5 – 100 является проектом по повышению конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Необходимо глобальное позиционирование России в новой экономике, где интеллектуальный

капитал становится основной производительной силой; противостояние попыткам изоляции российского образования; развитие экспорта российского образования и противодействие «утечке мозгов» [4, с. 1].

Образовательный процесс занимает важнейшее место в формировании элиты. Именно с качеством образования связано повышение качественной характеристики элиты. Позитивно на общество влияет процесс проникновения ценностей элитарного сознания в массы, но совершенно недопустима обратная тенденция – подавление массовым элементом элитного начала.

Литература:

1. *Гарина И.А.* Элитное образование в современном обществе // научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. V междунар. студ. науч.– практ. конф. № 2(5). [Электронный ресурс]. URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/2\(5\)](https://sibac.info/archive/meghdis/2(5))
2. Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М. – СПб. – Н. Йорк, «ЕЛИМА», «Питер». 2006. 1100 с.
3. *Маклюэн Г.М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. и прим.: А. Юдин. М., 2003 // Центр гуманитарных тех – нологий [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568>
4. Новости. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568>

Необходимость развития элитарного образования всех уровнях определяется внешнеполитическими факторами и внутриполитическим развитием нашего государства. Первостепенной задачей элитных учебных заведений является формирование сознания граждан стремящихся выделять существенные проблемы нашего общества и государства и способных найти способы их решения. Тенденции развития образовательной системы ведут к трансформации высшего образования, которое должно быть доступным и элитным одновременно. Элитным станет всё, что связано с прямым контактом с преподавателем, массовое будет в основном обеспечиваться онлайн-технологиями.

Literature:

1. *Garina I.A.* Elite education in modern society // scientific community of students: interdisciplinary research: coll. Art. by mat. V Intern.stud. scientific-practical. Conf. № 2 (5).[Electronic resource]. URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/2\(5\)](https://sibac.info/archive/meghdis/2(5))
2. Globalistics. International interdisciplinary encyclopedic dictionary. M. – St. Petersburg – N. York, «Elim», «Peter». 2006. 1100 sec.
3. *McLuhan G.M.* The Gutenberg Galaxy. The creation of a man of printed culture / with English. and comment: A. Yudin. M., 2003 // Center for Humanitarian Technologies [Electronic resource]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568>
4. News. National Research University Higher School of Economics [Electronic resource]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568>

Слесарев Александр Валерьевич
аспирант,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
Milena.555@mail.ru

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СТИГМАТИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ЛИЦ С НАРКОЗАВИСИМОСТЬЮ

Аннотация. Развитие социальной политики Российской Федерации на современном этапе, несмотря на кризис экономики, постепенно движется вперед. Однако, с течением времени в ней начинают проявляться существенные недостатки. В данной статье авторы фокусируют внимание на процессах сегрегации отдельных категорий граждан, выявлении причин возникновения этих процессов и условиях их протекания. В качестве подтверждения актуальности исследования темы стигматизации в российском обществе было проведено социологическое исследование в отношении группы наркозависимых с целью выявления проявлений формирования стигматизационных веяний со стороны самого государства.

Ключевые слова: стигма, стигматизация, государство, социальная политика, социальная сегрегация, социализация, девиация, наркотизация, наркомания.

Безусловно, забота о своих гражданах, обеспечение для них достойных условий жизни является одной из основных задач государства. Однако постановка такого рода задач подразумевает идеальные условия, когда государственные органы активно и продуктивно взаимодействуют с гражданами в тандеме, гармонично дополняя друг друга.

К сожалению, в реальной жизни чаще складывается ситуация, когда отдельные категории граждан – стигматы (от лат. *stigma* – клеймо) – наоборот, в силу некоторых своих особенностей, препятствуют успешной реализации социальной политики государства. Согласно теории стигматизации, стигматы – это лица, к которым общество относится с предубеждением в силу наличия у них определенных негативных признаков, например, наличие наркотической или алкогольной зависимости, заразного венерического заболевания (чаще – ВИЧ-инфекции), психического заболевания, судимости и так далее. Ситуация усугубляется также тем, что основная часть населения государства отрицательно либо равнодушно относится к таким категориям граждан,

Alexander V. Slesarev
graduate student,
Far Eastern Federal University of
means of communication
Milena.555@mail.ru

DEVELOPMENT FACTORS OF STIGMATIZATION PROCESSES IN THE SOCIETY ON THE EXAMPLE OF PERSONS WITH DRUG ADDICTION

Annotation. The development of the social policy of the Russian Federation at the present stage, despite the economic crisis, is progressively moving forward. But already today we can see some shortcomings in it. With the passage of time, some shortcomings begin to appear in the social policy of the state. In this article, the authors focus on the processes of segregation of certain categories of people, identifying the causes of these processes and the conditions for their occurrence. As a confirmation of the relevance of research on the topic of stigmatization in Russian society, a sociological study was conducted with respect to a group of drug addicts in order to identify manifestations of the formation of stigmatizing trends on the part of the state.

Keywords: stigma, stigmatization, state, social policy, social segregation, socialization, deviation, anesthesia, drug addiction.

стараясь оградить себя от взаимодействия с ними.

Нередко можно наблюдать и за проявлениями процесса стигматизации инвалидов, хотя, бесспорно, в последние годы такие проявления успешно сглаживаются активной социальной работой в этой области.

Таким образом, на первый план выступает проблема стигматизации как выбор отношения общества к реальным постыдным проявлениям негативного поведения или качествам отдельных его членов и к ожидаемой для членов общества, обладающих такими качествами, неспособности к полноценной общественной жизни из-за лишения их права на общественное признание [1].

Особенностью стигматизационных процессов в России является, по мнению Т.В. Клименко, отсутствие гибкости при реализации социальной политики и излишняя бескомпромиссность правоприменительных мер, то есть государство само способствует распространению стигматизационных идей среди населения. Это приводит,

например, к тому, что граждане, страдающие наркозависимостью, не обращаются за помощью в государственные учреждения, опасаясь не только общественного осуждения, но и ограничения своих прав: так, занесение информации в личное дело пациента в дальнейшем приводит к невозможности получения им разрешения на вождение автомобиля или допуска к выполнению определенных видов работ [2].

Согласно теориям «стигматизации» и «навязывания ярлыков», разработанным в середине XX века Г. Беккером и Ф. Танненбаумом, основной причиной девиантного поведения индивидумов выступает «клеймение» обществом отдельных категорий населения, как заведомых нарушителей общепризнанных норм и правил. Например, если человек вырос в неблагополучной среде (родители вели аморальный образ жизни, были преступниками или страдали от наркотической или алкогольной зависимости), или обладает каким-то иным осуждаемым данным обществом качеством (например, цветом кожи, вероисповеданием, уровнем дохода и т.д.), значит, рано или поздно он обязательно пойдет против общества: будет совершать преступления или сам станет страдать от какой-либо пагубной зависимости. Особенную роль в формировании и закреплении за отдельными членами общества подобных стигм играют наиболее авторитетные представители населения, которым многие готовы верить «на слово»: медики, представители правоохранительных органов, власти, СМИ. Также эти теории обратили внимание на относительность тех норм, за нарушение которых следует стигматизация. То есть, те поступки, которые приемлемы для одних членов общества, другим – недопустимы [3, 4].

При этом следует отметить, что немаловажную роль при формировании стигматизационных процессов играет проблема социального неравенства в Российской Федерации, которая связана с зачастую индифферентным подходом государства к формированию социальной политики и, как следствие этого, выраженному раслоению российского общества на богатых и бедных. Такой вид социальной стратификации не может не порождать социальное напряжение, которое будет становиться сильнее по мере разрастания экономической пропасти между богатыми и бедными. Нарастание социальной напряженности при низкой степени участия государства в разрешении порождаемых социальным неравенством проблем выливается в социальные девиации. Для преодоления социального напряжения представители малообеспеченных слоев населения используют наиболее доступные способы эмоциональной разгрузки, к числу которых относятся употребление алкоголя и наркотических средств. В настоящее время, несмотря на достаточно усердные меры, принимаемые государством для борьбы с незаконным оборотом наркотиков, распространенность наркотических средств и их доступность позволяют потребителю легко получить их. Таким образом, формирование зависимости происходит также в связи с относительной распространенностью запрещенных веществ.

Изучая практику стигматизационных процессов в России, можем наблюдать, что данные процессы реализуются по двум направлениям: 1) «клеймение» со стороны общества, когда носитель стигмы подвергается общественному порицанию и отторжению от основной массы населения, и 2) «навешивание ярлыков» со стороны государства, носящее более формализованный характер. Обратим внимание на второе направление. Стигматизация со стороны органов государственной власти обычно реализуется в рамках применения мер государственного принуждения к отдельным индивидам, либо путем принятия правовых норм, прямо либо косвенно влияющих на права и свободы категорий населения, подвергнутых стигматизации.

Для изучения специфики влияния применения мер государственного принуждения на процессы стигматизации было проведено социологическое исследование. В фокусе исследования находилась социальная группа, наиболее подвергнутая стигматизационным процессам – наркозависимые. Выбор данной социальной группы обусловлен тем, что проблема стигматизации наркозависимых остается малоизученной, хотя она оказывает существенное влияние на наркотизацию населения в целом.

Для достижения цели исследования был проведен содержательный опрос, в рамках которого изучалось отношение наркозависимых, проживающих на территории г. Хабаровска, попавших в фокус внимания органов внутренних дел, но не состоящих на учете в специализированных медицинских учреждениях, к применению в отношении них мер социального воздействия. При помощи метода анонимного опроса было опрошено 28 наркозависимых, проживающих на территории г. Хабаровска. Респондентами выступили 24 мужчины и 4 женщины, возрастом от 23 до 38 лет. В результате исследования были получены следующие данные. 86 % опрошенных пояснили, что не желают вставать на учет и получать лечение в специализированных медицинских учреждениях в связи с тем, что это влечет за собой определенные административные ограничения. 14 % опрошенных проявили безразличие к своей судьбе, пояснив, что им неважно, какие меры социального воздействия будут к ним применены. На данном примере мы можем наблюдать стремление наркозависимого избежать стигматизации со стороны государства, оставив свой социальный статус латентным. Этим объясняется та огромная разница, возникающая между количеством официально зарегистрированных лиц, употребляющих наркотики, и фактическим количеством наркоманов.

На наш взгляд, государство должно предусмотреть иные меры для борьбы с наркоманией, постепенно отказавшись от использования стигматизационных детерминант. Безусловно нельзя говорить об отмене всех правовых ограничений – следует сделать упор на формирование у таких лиц добровольного стремления к избавлению от зависимости с последующим «возвращением» в общество, без боязни быть им отвергнутым. В частности, необходимо активно вводить и при-

менять меры социальной адаптации лиц, добровольно прошедших лечение от наркозависимости, в том числе путем их профессиональной переквалификации с последующим предоставлением им рабочих мест. Кроме того, следует обратить внимание на возможность оглашения

Литература:

1. *Goffman E.* Stigma: Notes of the Management of the Spoiled Identity. N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.
2. *Клименко Т.В.* Стигма и дискриминация в психиатрии и наркологии / Т.В. Клименко, А.А. Козлов // Психиатрия: быть или не быть?: материалы научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, Россия. 15–17 июня 2011 г. Ростов н/Д: Лечебно-реабилитационный научный центр Феникс, 2011. С. 122–125.
3. *Becker H.S.* Outsiders: The Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963.
4. *Tannenbaum F.* Crime and the Community. New York, 1938, p. 17–20.

положительных результатов ресоциализации лиц, излечившихся от наркозависимости. Такие меры, по нашему мнению, будут способствовать формированию нейтрального или даже положительного отношения общества к указанным категориям граждан.

Literature:

1. *Goffman, E.* Stigma: Notes of the Management of the Spoiled Identity. N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.
2. *Klimenko T.V.* Stigma and discrimination in psychiatry and narcology / T.V. Klimenko, A.A. Kozlov // Psychiatry: to be or not to be?: materials of the scientific-practical conference with international participation, Rostov-on-Don, Russia. 06/15–17/2011. Rostov-on-Don: Treatment and rehabilitation scientific center Phoenix, 2011. p. 122–125.
3. *Becker H.S.* Outsiders: The Studies in the Sociology of Deviance. New York, 1963.
4. *Tannenbaum F.* Crime and the Community. New York, 1938, p. 17–20.

Толстик Виктор Александрович

кандидат философских наук, доцент;
кафедра гуманитарных,
социальных и правовых дисциплин,
Белгородский университет кооперации,
экономики и права
vicsan61@yandex.ru

Кашина Татьяна Львовна

старший преподаватель кафедры
иностраных языков,
Белгородский университет кооперации,
экономики и права
tessa31rus@gmail.com

Извекова Юлия Сергеевна

ассистент кафедры иностранных языков,
Белгородский университет кооперации,
экономики и права
izvekova.djulia@yandex.ru

**Роль и сущность
понятия «КОММУНИКАЦИЯ»
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
ОТКРЫТОГО ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают основные подходы к исследованию понятия коммуникации в современном информационном пространстве. Анализируя основные философские и социологические направления исследования данного понятия, авторы указывают на значительные изменения роли и сущности понятия коммуникации в современном обществе. Чем сложнее становится общество и его деятельность, чем сложнее социальные институты и чем больше объем информации, тем более важную роль в данном обществе начинает играть социальная коммуникация. В эпоху становления открытого информационного общества именно коммуникация становится ключевым компонентом социальной интеракции. В заключении авторы отмечают, что стремительные, количественные и качественные преобразования, происходящие в процессе глобального информационного общества сопровождаются коренной трансформацией всех сфер общества.

Ключевые слова: коммуникация, социальный институт, социальные процессы, механизм управления, мыслительные символы, открытое информационное общество.

Жизнь человека невозможно представить без коммуникации. Именно коммуникация наполняет ее смыслом, определяет основные

Victor A. Tolstikov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, the Department of
Humanitarian, Social and Legal Disciplines,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
vicsan61@yandex.ru

Tatiana L. Kashina

Senior lecturer of the Department of
Foreign Languages,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
tessa31rus@gmail.com

Julia S. Izvekova

Assistant of the Department of
Foreign Languages,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
izvekova.djulia@yandex.ru

**THE ROLE AND ESSENCE OF
«COMMUNICATION» CONCEPT
IN THE CONDITIONS OF
AN INCLUSIVE INFORMATION
SOCIETY FORMATION**

Annotation. The authors examine the current approaches to the research of the communication concept in modern information society. Analyzing the key philosophical and sociological research areas, the authors point to some fundamental changes in the role and essence of the communication concept. The authors emphasize that nowadays the role of social communication in all spheres of social life and in functioning of all social institutions and organizations increases due to the rapid development of information technologies. In the era of an inclusive information society development, communication becomes a key component of social interaction. In conclusion, the authors deduce that the rapid, quantitative and qualitative transformations taking place in the process of the global information society development are accompanied by a radical transformation in all social spheres.

Keywords: communication, social institution, social processes, mechanism of management, thinking symbols, inclusive information society.

стратегии развития не только отдельно взятого человека, но и общества в целом. На протяжении всего жизненного пути человек выступает в роли

субъекта и объекта коммуникации. Как отмечает Д.П. Гавра «коммуникация, это ткань, из которой в мире людей состоит все самое важное. ... Именно она превращает человека как биологический организм в Человека в полном смысле этого слова. Она создает группы – малые и большие, формирует социальные институты. Коммуникация задает общество как таковое. Вне коммуникативных процессов невозможен человек как общественное существо и невозможно общество как мир людей. Коммуникация одновременно может пониматься как среда, в которую погружен человек всю свою жизнь. Она как воздух, которым мы дышим. Мы его не замечаем, но без него существование невозможно. Любой процесс в человеческом обществе, любое взаимодействие человека с другими социальными субъектами и не только с ними может быть интерпретировано как коммуникация» [3, с. 12]. Коммуникация является одной из важнейших составляющих функционирования и управления различными социальными институтами, необходимым элементом взаимодействия отдельных индивидов, «социальных групп и даже государств, в ходе которого осуществляется передача и взаимопередача информации, чувств, оценок, значений, смыслов» [8, с. 178].

Первоначально, греческое слово *koinonia* и латинское *communio* означало участие в каком-либо совместном деле. Коммуникация рассматривалась как взаимодействие людей, основанное на общности определенных интересов или признаков, исторически обусловленное развитие определенных форм общения и культур. В научный оборот понятие «communication» было введено американским социологом Чарльзом Кули, рассматривавшим «коммуникацию как механизм, посредством которого обеспечивается существование и развитие человеческих отношений, и этот механизм включает в себя все мыслительные символы (символы сознания) и средства их передачи в пространстве и сохранения во времени. В дальнейшем процесс разработки основных концептуальных подходов к осмыслению сущности, природы и особенностей различных уровней, форм и видов социальной коммуникации» [цит. по 4, с. 10] осуществлялся представителями многих социальных, психологических, философских школ в рамках различных направлений исследований. Проблемы определения сущности данного понятия находят отражение в трудах таких социологов как Т. Парсонс, Дж. Г. Мид, А. Шютц, Д. Белл, Э. Тоффлер, Н. Луман, Ю. Хабермас, Ж.-Ф. Лиотар, Э. Дюркгейм, М. Вебер и Г. Зиммель и т.д. Основоположник парадигмы символического интеракционизма Дж.Г. Мид рассматривал коммуникацию как взаимодействие людей в рамках определенного социума, основанное на обмене определенными символами, знаками и сигналами. Данные сигналы понятны всем членам данного социума или социальной группы и являются основой их успешной и осмысленной коммуникации. В своем толковании процесса коммуникации Дж.Г. Мид, приводит в качестве примера боксерский поединок, участники которого общаются друг с другом между собой на «языке жестов», знание которого помогает каждому из них предвосхищать поведение другого и выстраивать свое собственное.

Американский социолог Талкотт Парсонс рассматривает коммуникацию как действие, направленное на передачу информации, причину взаимодействия элементов внутри системы, процесс их взаимосвязи, социальный механизм управления. Процесс коммуникации в рамках социальной системы происходит посредством обмена различными символами, значениями, информацией между различными участниками коммуникации на различных символических уровнях. Согласно концепции, Т. Парсонса взаимодействие участников коммуникации основано на подчинении определенным нормам в определенных ситуациях, в которых участники коммуникации выполняют приписываемые им обществом социальные роли. В процессе коммуникации осуществляется взаимодействие таких элементов как действие автора «и/или носителя сообщения, ответная реакция реципиента, содержание коммуникативного процесса» [2]. Каждый актор-субъект коммуникативного процесса выступает в роли, природа которой зависит от ее отношений с потенциальными и реальными реципиентами сообщений и от источников, из которых она получает коммуникативное сообщение.

Актуализация коммуникативной проблематики в современной социальной теории обусловлена появлением нового социального пространства, в котором общество рассматривается не как социальная система, а как коммуникативное пространство, определяющее сущность и динамику происходящих в нем социальных процессов. Сегодня коммуникативное пространство современного общества представляет собой единое информационное поле, состоящее из непрерывного потока сообщений, символов, сигналов [1, с. 4–12]. Следовательно, существующая социальная реальность тождественна существующему коммуникативному пространству, что значительно влияет и на сущность происходящих социальных процессов. В связи с этим особый интерес представляет исследование социальных процессов с точки зрения коммуникации. В рамках современной парадигмы коммуникации можно выделить два основных подхода к исследованию понятия коммуникации – футурологический и социально-философский.

Представители футурологического подхода рассматривали коммуникацию как некий информационный комплекс, состоящий из информационных технологий, технической информации и компетентных специалистов данной области. Важнейшим стимулом и источником социального развития рассматриваются механизмы управления процессом коммуникации. Эти исследователи считали, что фактически образуется новый тип цивилизации, который характеризуется информатизацией всех сфер общественной жизни, повышением качества жизни, изменением социальной структуры общества и т.д. Но одновременно отмечается, что в обществе идет подавление культурно-этической составляющей и что человек отодвигается техникой на второй план.

В рамках социально-философского подхода к исследованию понятия коммуникации наиболее значимыми являются теория коммуникативного дей-

ствия Ю. Хабермаса и системная теория Н. Лумана. В основе системной теории обществ Н. Лумана находится дифференциация между системой и окружающим миром. По утверждению Н. Лумана общество представляет собой открытую систему, основу функционирования которой составляют отношения между системой и окружающей средой [см. 6, 7]. Именно дифференциация система/окружающая среда определяет общество как систему, которая состоит из многочисленных функциональных систем, связанных друг с другом и с окружающей средой. Коммуникация представляет элементарную операцию системы, в ходе которой производится и воспроизводится общество. Н. Луман под коммуникацией понимает не взаимодействие между отдельными людьми, направленное на передачу смыслового содержания от одного индивида к другому, а «некое исторически-конкретно протекающее, зависимое от контекста событие». Следовательно, как элементарная операция общества коммуникация представляет собой событие, привязанное к моменту времени, которое исчезает сразу после того как это событие состоялось [3 с. 73–77]. Выделяя в коммуникации три основных компонента, а именно сообщение, информацию и понимание Луман первостепенное значение отдает информации. Подобно самой коммуникации, все ее структурные компоненты обладают также признаком ситуативности, темпоральности и новизны. Информация, сообщение и

понимание являются для нас новыми лишь однажды и с течением времени утрачивают свою новизну и актуальность. В отличие от Н. Лумана Ю. Хабермас рассматривает коммуникацию как опосредованную средой интеракцию. Основой данной интеракции является язык, который, по мнению ученого, является не способом описания действительности, а репрезентацией таковой. В своих работах Ю. Хабермас указывает, что именно коммуникация является той созидательной средой, благодаря которой достигается консенсус между всеми членами общества. Основой коммуникации в свою очередь составляет понимание, базирующееся на знаниях индивида.

Можно сделать вывод, что Луман и Хабермас рассматривают понятие коммуникации с различных позиций, раскрывая различные аспекты ее функционирования в социальной реальности. Коммуникация с одной стороны представляет инструмент, с помощью которого социум противостоит воздействию внешней среды, а с другой выступает в роли некой созидательной силы, конструирующей собственную социальную реальность путём селекции и комбинирования имеющихся элементов. Вышеописанные концепции представляют коммуникацию как часть социальной системы, которая приобретает особую значимость в условиях формирования информационного пространства современного общества.

Литература:

1. Антоновский А.Ю. От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в российской нации // Мониторинг общественного мнения, 2012. № 3 (109). Р. 4–12.
2. Бориснев С.В. Социология коммуникации : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 270 с.
3. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации : учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб. : Питер, 2011. 288 р.
4. Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации : учебное пособие. М. : КНОРУС, 2010. 256 с.
5. Извекова Ю.С. The Role of Intercultural Communicative Development in Foreign Language Teaching / Ю.С. Извекова, Т.Л. Кашина // Педагогика профессионального образования: проблема и перспективы развития. Методика преподавания гуманитарных дисциплин в современном вузе : материалы международной научно-практической и научно-методической конференций профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 5 апреля 2016 года. Белгород : Издательство БУКЭП, 2016. С. 73–77.
6. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии; под ред. А.О. Боронова. СПб., 1994. С. 25–42.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 380 с.

Literature:

1. Antonovskiy A.Yu. From integration to information. To communicative transformations in the Russian nation // Monitoring of public opinion, 2012. № 3 (109). Р. 4–12.
2. Borisnev S.V. Sociology of communication : textbook for universities. M. : UNITA-DANA, 2003. 270 p.
3. Gavra D.P. Fundamentals of Communication Theory : textbook. The standard of the third generation. St. Petersburg: Peter, 2011. 288 p.
4. Gnatuk O.L. Fundamentals of Communication Theory : textbook. The standard of the third generation. M. : KNORUS, 2010. 256 p.
5. Izvekova Yu.S. The Role of Intercultural Communicative Development in Foreign Language Teaching [Text] / Yu.S. Izvekova, T.L. Kashina // Pedagogical technology in modern education: challenges and development prospects. Teaching methodology of humanities in modern high school: proceedings of the international scientific and practical conference of the teaching staff and post-graduate students, 5 April 2016. Belgorod : BUCEL, 2016. Pp 73–77.
6. Luhmann N. The concept of society // Problems of theoretical sociology; edited by A.O. Boronov. SPb., 1994. Pp 25–42.
7. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. SPb. : Science, 2000. 380 p.

8. *Melvin L. DeFleur, Sandra Bale-Rokeach Theories of Mass Communication. 5th Edition, Allyn & Bacon, Inc., 1989. 368 p.*

8. *Melvin L. DeFleur, Sandra Bale-Rokeach Theories of Mass Communication. 5th Edition, Allyn & Bacon, Inc., 1989. 368 p.*

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Атаев Зураб Атаевич
соискатель,
Российский государственный
университет правосудия
zuro005@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ И ИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье изложены результаты исследования проблем квалификации преступлений в сфере регистрации сделок с недвижимостью и ее юридического оформления. Разработаны и сформулированы критерии разграничения преступлений, предусмотренных ст. 170, 1702 и 2853 УК РФ, с иными общественно опасными деяниями.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, квалификация, недвижимость, регистрация, кадастровый учет, реестр.

Специфика преступлений в сфере регистрации сделок с недвижимостью и ее юридического оформления (ст. 170, 1702 и 2853 УК РФ) неизбежно порождает необходимость разработки рекомендаций по их отграничению и от других преступлений. Прежде всего следует отметить, что ввиду наличия в ряде указанных преступлений специального субъекта, обладающего признаками должностного лица, возникает потребность в определении критериев разграничения преступлений в сфере регистрации сделок с недвижимостью и ее юридического оформления с должностными преступлениями.

Для начала обратимся к анализу существующих в теории уголовного права работ в этой части. Немало внимания в юридической литературе уделялось вопросам разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 170 и 285 УК РФ. Одни авторы отмечали, что «регистрация незаконных сделок с землей, а также умышленное занижение размеров платежей за землю влекут уголовную ответственность по ст. 170 УК РФ. Ст. 285 не применяется, даже если в результате названных действий причинен существенный вред правоохраняемым интересам» [10, с. 15].

По мнению других исследователей, «регистрация незаконных сделок с землей и умышленное занижение размеров платежей за землю подлежат квалификации по ст. 170 УК РФ, только если данные действия не повлекли последствий, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ» [6, с. 172].

Zurab A. Ataev
applicant,
Russian Academy of justice
zuro005@mail.ru

CRIMES IN THE SPHERE OF REGISTRATION OF TRANSACTIONS WITH REAL ESTATE AND THEIR LEGAL REGISTRATION: FEATURES OF QUALIFICATION

Annotation. The article presents the results of a study of problems of qualification offences in the sphere of registration of real estate transactions and its legal registration. Designed and formulated criteria for distinguishing between crimes under article 170, 1702 and 2853 of the criminal code, and other socially dangerous acts.

Keywords: criminal liability, offence, qualification, property registration, cadastral registration, the register.

По утверждению А.В. Путилина, «регистрация незаконных сделок с землей, а также умышленное занижение размеров платежей на землю влекут уголовную ответственность по ст. 170 УК РФ. Ст. 285 УК РФ не применяется, даже если в результате названных действий причинен существенный вред правоохраняемым интересам. Иначе обстоит дело с такой формой объективной стороны состава, предусмотренного ст. 170 УК РФ, как искажение учетных данных Государственного земельного кадастра. Преступление совершается с использованием должностным лицом своего служебного положения и может быть признано должностным злоупотреблением. При наличии признаков ст. 285 УК РФ (последствия) эта форма ст. 170 УК РФ конкурирует с ней как общая и специальная» [12, с. 134].

Важно оговорить, что процитированные размышления основывались на редакции УК РФ, в которой еще отсутствовали ст. 1702 и 2853 УК РФ. Поэтому на сегодняшний день рекомендации о конкуренции в ситуациях искажения сведений ЕГРН уже подчиняются несколько иным реалиям. Тем не менее основные вопросы в этом контексте актуальность отнюдь не утратили. Об этом свидетельствуют, в частности выводы авторов, исследовавших данную проблему в более поздний период.

Например, Н.Н. Алексеенко приходит к следующему выводу: «Исходя из правил о конкуренции уголовно-правовых норм, специальным составом вы-

ступает такой, который включает как признаки общего состава, так и имеет какие-либо дополнительные, специальные. Что же касается состава преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ, то оно не имеет такого существенного признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, как последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Поскольку состав злоупотребления должностными полномочиями имеет дополнительный признак, которого нет в составе регистрации незаконных сделок с землей, данное преступление не может являться специальным составом. Эти преступления являются смежными, они имеют ряд общих признаков, но при этом значительно различаются» [3, с. 139]. Вероятно, данный автор полагает, что и проблемы разграничения данных составов преступлений как таковой и не существует. Хотя Н.Н. Алексеенко и не предлагает конкретных путей разрешения возможных затруднительных ситуаций в обозначенном разрезе.

Однако, по нашему мнению, вопрос о разграничении преступлений в сфере регистрации сделок с недвижимостью и ее юридического оформления все же требует отдельных пояснений. Несмотря на произошедшие в последние годы изменения отечественного уголовного законодательства в рассматриваемой нами области, проблема соотношения изучаемых преступлений с должностными, и, прежде всего, с злоупотреблением должностными полномочиями продолжает оставаться актуальной.

Вряд ли можно оспорить тезис о том, что, например, регистрация незаконных сделок с недвижимостью есть использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности. При тождественности признаков субъектов данных преступлений можно было бы решить вопрос об их разграничении, ссылаясь на традиционные правила при квалификации общей и специальной нормы. Но, как ранее было отмечено, проблема заключается в том, что обязательными признаками состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, являются общественно опасные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

На наш взгляд, единственным объяснением, которое может быть положено в основу разрешения анализируемой квалификационной ситуации, является использование исторического и систематического методов толкования уголовного закона. В связи с появлением в УК РФ ст. 285З представляется возможным сделать вывод о том, что она является специальной разновидностью злоупотребления должностными полномочиями. И такой вывод, по нашему мнению, возможен, несмотря на различную конструкцию объективной стороны составов преступлений, регламентированных ст. 285 и 285З УК РФ (первый – материальный, а второй – формальный).

В этой связи уместно привести доводы, излагаемые А.Н. Ильяшенко и А.С. Горловым: «нормы об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и за внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений находятся в отношениях конкуренции общей и специальной нормы. При этом конкуренция в данном случае является неполной (непостоянной). Руководствуясь сформулированным положением, необходимо сделать вывод о том, что в ситуациях, когда содеянное лицом одновременно подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ст. 285 и 285З УК РФ, применению, в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ, подлежит ст. 285З УК РФ, как более специальная норма» [9, с. 92].

Экстраполируя эти доводы на преступления в сфере регистрации сделок с недвижимостью и ее юридического оформления, можно заключить, что не только ст. 285З УК РФ является специальной по отношению к ст. 285 УК РФ, но и ст. 170 УК РФ является в данном ключе специальной по отношению к ст. 285 УК РФ.

Таким образом, в ситуации, когда содеянное лицом одновременно охватывается признаками составов преступлений, предусмотренных ст. 170 и 285 УК РФ, применению как специальная норма подлежит ст. 170 УК РФ.

Анализ материалов правоприменительной практики показывает, что нередко корыстная заинтересованность лица, осуществляющего действия, поставленные под уголовно-правовой запрет в ст. 170 УК РФ, а равно в ст. 285З УК РФ, сопряжена с получением должностным лицом незаконного вознаграждения. По этому поводу Е.А. Сухова считает, что «если ... должностное лицо за полученное им незаконное вознаграждение регистрирует незаконную сделку с землей, или искажает учетные данные Государственного земельного кадастра, или занижает размер платежа за землю, то оно подлежит уголовной ответственности по правилам о совокупности преступлений – по ст. 170 УК РФ и за получение взятки по ст. 290 УК РФ» [13].

Представляется, что такого рода рекомендации согласованы с соответствующими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, данными в постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: под незаконными действиями (бездействием), за совершение которых должностное лицо получило взятку (ч. 3 ст. 290 УК РФ), следует понимать действия (бездействие), которые: совершены должностным лицом с использованием служебных полномочий, однако в отсутствие предусмотренных законом оснований или условий для их реализации; относятся к полномочиям другого должностного лица; совершаются должностным лицом единолично, однако могли быть осуществлены только коллегиально либо по согласованию с другим должностным лицом или органом; состоят в неисполнении служебных обязанностей; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

К ним, в частности, относятся ... принятие незаконного решения на основании заведомо под-

ложных документов, внесение в документы сведений, не соответствующих действительности.

При этом совершение должностным лицом за взятку действий (бездействие), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. В таких случаях содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т.п. [1].

В разрезе проводимого нами исследования это означает необходимость в подобных случаях квалифицировать ст. 170 либо 2853 УК РФ по совокупности с соответствующей частью ст. 290 УК РФ.

Ввиду того, что многие общественно опасные деяния, связанные с регистрацией незаконных сделок с недвижимостью и ее юридическим оформлением, состоят в подлоге и при этом могут совершаться должностным лицом, перед правоприменителем стоит задача о необходимости квалификации содеянного в таком случае по ст. 292 УК РФ (Служебный подлог). В юридической литературе обращается внимание на проблемы разграничения преступлений, предусмотренных ст. 170 и 292 УК РФ. При этом, например, А.А. Гостев утверждает, что «отграничение состава ст. 170 от ст. 292 заключается в том, что в первом случае субъектом преступления является только должностное, а во втором – и не правоуполномоченное лицо» [7, с. 19].

Как представляется, предложенный вариант решения вопроса о разграничении указанных преступлений вряд ли можно признать приемлемым. Он допустим для решения вопроса об отграничении служебного подлога от внесения заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории, так как должностное лицо не является субъектом последнего преступления. А составу служебного подлога присущ субъект в лице должностного лица, хоть и наряду с государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом.

В свою очередь следует отметить, что умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости обладают всеми признаками служебного подлога. Совпадение наблюдается по всем признакам объективной стороны, а также субъекта (в случае совершения должностного подлога должностным лицом) и субъективной стороны. Искажение сведений ЕГРН – это ни что иное как вне-

сение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание.

Решение вопроса о квалификации содеянного в подобных случаях следует основывать на классическом правиле о квалификации при конкуренции общей и специальной нормы. Здесь норма, регламентированная ст. 170 УК РФ, представляет собой по отношению к ст. 292 УК РФ специальную норму, поскольку в ней учтены все основные признаки общей нормы и произведено уточнение, конкретизация предмета состава преступления. Поэтому в ситуации конкуренции обозначенных норм уголовного закона применению подлежит ст. 170 УК РФ.

Как известно, служебный подлог подразумевает ответственность исключительно для отдельных категорий лиц, наделенных властными полномочиями. Однако подлог документов, очевидно, не менее распространен и со стороны обычных граждан, не обладающих признаками специального субъекта. Для этих случаев российским уголовным законодательством регламентирована ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов (ст. 327 УК РФ). При этом отдельные преступления в сфере регистрации сделок с недвижимостью и ее юридического оформления также могут быть совершены общими субъектами. В частности, речь ведется о подлоге документов, на основании которых были подготовлены межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карта-план территории.

Вследствие известной новизны предписания, сформулированного в ст. 1702 УК РФ, в уголовно-правовой науке обозначенный вопрос еще не получил обстоятельного освещения. Тем не менее, по отдельным позициям представляется возможным провести определенные параллели. Так, по мнению А.Т. Булавинцева, «не являются субъектом предусмотренного ст. 170 УК РФ преступления физические лица, руководители и главные бухгалтеры коммерческих и некоммерческих организаций, а также индивидуальные предприниматели. При занижении руководителями и главными бухгалтерами коммерческих или некоммерческих организаций, а также индивидуальными предпринимателями размера подлежащего уплате земельного налога, содеянное ими образует состав подлога официального документа (ст. 327 УК РФ). В случае, если указанные лица после совершения подлога в процессе исчисления размера земельного налога совершат действия, влекущие неуплату земельного налога, содеянное руководителем и главным бухгалтером коммерческой или некоммерческой организации образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 327 и 199 УК РФ, а содеянное индивидуальным предпринимателем – совокупность преступлений, предусмотренных ст. 327 и 198 УК РФ» [5, с. 152–153].

Преломляя изложенные рассуждения в плоскость квалификации подлога документов, свя-

занных с юридическим оформлением недвижимости, актуализируется вопрос о разграничении преступления, запрещенного ст. 1702 УК РФ, с общеуголовной подделкой документов (ст. 327 УК РФ).

Согласно тексту диспозиции ч. 1 ст. 327 УК РФ, уголовно наказуемой является подделка официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования либо сбыт такого документа. В этом случае представляется целесообразным провести аналогию со служебным подлогом. И решение вопроса о порядке квалификации здесь будет таким же: при конкуренции уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 1702 УК РФ и ст. 327 УК РФ, применению подлежит ст. 1702 УК РФ как более специальная норма.

Преступления в сфере регистрации сделок с недвижимостью и ее юридического оформления нередко совершаются в целях легализации имущества, заведомо добытого преступным путем. По мнению Н.А. Лопашенко, «должностное лицо может совершить регистрацию заведомо незаконных сделок с землей или искажение учетных данных Государственного земельного кадастра с целью придания законного характера происхождению собственности на землю. В этом случае оно подлежит дополнительной ответственности по ст. 174 УК РФ» [6, с. 173; 11, с. 285].

Данные разъяснения в полной мере согласуются с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ в этом контексте. В постановлении данной судебной инстанции «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указывается, что использование своих слу-

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
3. *Алексеенко Н.Н.* Соотношение составов умышленного занижения размеров платежей за землю и уклонения от уплаты налогов с физических лиц или организаций // Российский следователь. 2009. № 17. С. 11–12.
4. *Алексеенко Н.Н.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере регистрации незаконных сделок с землей: монография. М.: Юрист, 2013.

жебных полномочий государственным регистратором при осуществлении юридически значимых действий, необходимых для совершения сделки, заведомо для него направленной на легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, квалифицируются как пособничество по ч. 5 ст. 33 УК РФ и по ст. 174 или ст. 1741 УК РФ соответственно и при наличии к тому оснований – по ст. 170 УК РФ соответственно [2].

В теории уголовного права обращается внимание также на то, что общественно опасные деяния исследуемой нами группы нередко связаны с налоговыми преступлениями. Так, Н.Н. Алексеенко, рассматривая проблемы разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 170 и ст. 198, 199 УК РФ, обращает внимание, прежде всего, на то, что, в отличие от ст. 198, 199 УК РФ, состав занижения размеров платежей за землю не подразумевает необходимость наличия крупного размера. Кроме того, данный автор увязывает отграничение данных преступлений с признаками их субъектов [3, с. 11–12].

Д.В. Ильин считает ошибочным «утверждение о том, что при наличии необходимых условий умышленное занижение налоговых платежей за землю следует квалифицировать по ст. 199 УК РФ. Статья 170 УК РФ предусматривает ответственность должностных лиц, умышленно заниживших размер земельного налога, на что имеется, как уже говорилось, прямое указание в законе, а ст. 199 УК РФ – ответственность налогоплательщиков, уклоняющихся от уплаты налогов и (или) сборов с организации» [8, с. 164–165].

В этой связи стоит сделать вывод о том, что уголовно-правовые нормы, регламентированные ст. 170 и 198, 199 УК РФ, не находятся в отношениях конкуренции. При наличии признаков данных составов преступлений, соответствующие нормы подлежат применению по совокупности.

Literature:

1. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 7/9/2013 № 24 «About jurisprudence on cases of bribery and of other corruption crimes» // the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 9.
2. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 07.07.2015 № 32 «About jurisprudence on cases of legalization (washing) of the money or other property acquired in the criminal way and of acquisition or sale of the property which is obviously got in the criminal way» // the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 9.
3. *Alekseenko N.N.* A ratio of structures of deliberate understating of the amount of payments for the earth and evasion of taxes from natural persons or the organizations//the Russian investigator. 2009. № 17. P. 11–12.
4. *Alekseenko N.N.* The criminal and legal and criminological characteristic of crimes in the sphere of registration of illegal transactions with the earth: monograph. M.: Lawyer, 2013.

5. Булавинцев А.Т. Уголовно-правовая характеристика регистрации незаконных сделок с землей : Дис. канд. юрид. наук. М., 2007.
6. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
7. Гостев А.А. Уголовно-правовое регулирование ответственности за регистрацию незаконных сделок с землей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
8. Ильин Д.В. Незаконные сделки с землей: уголовно-правовая оценка : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
9. Ильяшенко А.Н. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере ведения единых государственных реестров / А.Н. Ильяшенко, А.С. Горлов. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2013.
10. Лопашенко Н.А. Квалификация должностных преступлений в сфере экономической деятельности // Законность. 1998. № 5. С. 15.
11. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М. : Волтерс Клувер, 2006.
12. Путилин А.В. Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей : Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006.
13. Сухова Е.А. Теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за земельные преступления // Жилищное право. 2006. № 1.
5. *Bulavintsev A.T.* Criminal and legal characteristic of registration of illegal transactions with the earth : Yew. edging. юрид. sciences. M, 2007.
6. *Volzhenkin B.V.* Crimes in the sphere of economic activities for criminal law of Russia. SPb. : R. Aslanov's publishing house «Legal Press center», 2007.
7. *Gostev A.A.* Criminal and legal regulation of responsibility for registration of illegal transactions with the earth : avtoref. yew. ... edging. юрид. sciences. M., 2012.
8. *Ilyin D.V.* Illegal transactions with the earth: criminal legal treatment : yew. ... edging. юрид. sciences. M, 2013.
9. *Ilyashenko A.N.* Criminal legal protection of the relations in the sphere of maintaining unified state registers / A.N. Ilyashenko, A.S. Gorlov. Krasnodar : Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2013.
10. *Lopashenko N.A.* Qualification of malfeasances in the sphere of economic activity // Legality. 1998. № 5. Page 15.
11. *Lopashenko N.A.* Crimes in the sphere of economy: The author's comment to the criminal law (section VIII Criminal Code of the Russian Federation). M. : Volters Kluver, 2006.
12. *Putilin A.V.* Criminal liability for registration of illegal transactions with the earth : Yew. ... edging. юрид. sciences. Krasnodar, 2006.
13. *Sukhova E.A.* Theoretical and practical problems of criminal liability for land crimes // Housing right. 2006. № 1.

Григорьева Анна Германовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
Кубанский социально-экономический
институт
Grigoreva-AG@mail.ru

Высоцкая Людмила Петровна

аспирант кафедры теории и истории
государства и права,
Кубанский государственный университет
ludmila.vysotskaya@mail.ru

ОБЪЕДИНЕНИЕ СУДОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Представленная работа является, в первую очередь, попыткой специального комплексного исследования, проблем реформирования судебной системы Российской Федерации, в частности создание единого Верховного Суда РФ с одновременной ликвидацией Высшего арбитражного суда РФ. Фактически именно объединение высших судов послужило предпосылкой для масштабных изменений в области гражданского судопроизводства. В данном разделе приводятся различные мнения ученых процессуалистов и практиков рассуждающих по вопросам проблем и перспектив развития арбитражных судов.

Ключевые слова: реформа, арбитражные суды, Верховный суд, реорганизация, экономическое правосудие, судебная система, ликвидация Высшего арбитражного суда.

Система арбитражных судов в Российской Федерации появилась в 1992 году. Арбитражные суды за четверть века накопили серьезный опыт и существенно укрепили потенциал своей активной позицией в вопросах открытости и доступности правосудия. Судебную реформу вполне обоснованно считают «сердцевинной» всей правовой реформы, проводимой в Российском государстве [1, с. 225]. Основная проблема разделенной судебной системы оказалась связана с разграничением подсудности дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. При рассмотрении таких споров применяются единые нормы материального права, тогда как процессуальные подходы к рассмотрению одних и тех же вопросов могут существенно различаться [2]. Последнее нарушает слаженность судебной системы в целом, и, как следствие, единообразное обеспечение права граждан на судебную защиту. В.Д. Зорькин в этой связи не случайно отметил, что суды общей юрисдикции

Anna G. Grigorieva

candidate of historical sciences,
associate professor of
civil law and process,
Kuban social and economic institute
Grigoreva-AG@mail.ru

Lyudmila P. Vysotskaya

graduate student of department of
the theory and history of state and law,
Kuban State University
ludmila.vysotskaya@mail.ru

MERGING OF COURTS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Annotation. The presented work is primarily an attempt to a special complex study of the problems of reforming the judicial system of the Russian Federation, particularly the creation of a single Supreme Court of the Russian Federation with the simultaneous liquidation of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. In fact, it was the association of higher courts that was the prerequisite for large-scale changes in the field of civil litigation. In this section various opinions of the scientists, processologists and practitioners who discuss the problems and prospects for the development of arbitration courts are given.

Keywords: reform, State Arbitration court, Supreme Court, economic justice, reorganization, judicial system, liquidation of The Supreme Arbitration Court of The Russian Federation.

и арбитражные суды применяют одни и те же нормы материального права, а их толкование нередко различается, что порождает множество проблем для лиц, обращающихся за судебной защитой [3, с. 5–6]. В сфере судебной власти вопрос реформ всегда был и остается актуальным. Судебная система России совершенствуется постоянно, некоторые суды реформируются, другие упраздняются. Важным событием реформирования судебной системы Российской Федерации стало упразднение в 2014 Высшего арбитражного суда [4]. Вопросы, отнесенные к ведению Высшего арбитражного суда переданы в юрисдикцию Верховного суда Российской Федерации. Вместе с тем, основное бремя по формированию единообразной судебной практики легло на Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ. В этой связи юридическое сообщество справедливо видит именно в Коллегии «правопреемника» упраздненного Высшего арбитражного суда. Как известно обра-

зование единой высшей судебной инстанции одновременно по экономическим и гражданским делам в юридических кругах привели к острой полемике и критике принятых решений. Между тем учитывая, что законы вступили в силу, необходимо вырабатывать конструктивные предложения по совершенствованию деятельности новой судебной системы. К причинам упразднения ВАС можно отнести независимость от властных структур, в том числе правоохранительной системы, способность принимать в большей степени самостоятельные решения, активная деятельность в области формирования судебного прецедента, а также нежелание идти на компромиссы в спорных, неоднозначных вопросах противоречивой судебной практики [5]. К достижениям сложившейся за 25 лет арбитражной системы теории, практики, эксперты и научные деятели почти единогласно причисляют прозрачность, понятность, грамотность, предсказуемость, четкое следование закону, динамичность и быстрое реагирование на изменения в экономике [6, с. 4–8]. Также необходимо отметить высокие квалификацию и уровень судей арбитражной системы. Именно эти критерии влекут за собой высокое качество принимаемых решений, способность судебной ветви власти обеспечивать возможность защиты лиц и организаций, нуждающихся в разрешении возникших экономических споров, в ведении хозяйственной деятельности в соответствии с действующим законодательством.

Анализируя положительные и негативные стороны прошедшей судебной реформы, можно отметить, что основной целью объединения Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного Суда РФ являлась именно унификация судебной практики двух разных ветвей судебной власти. Кроме того, можно предположить, что одной из задач такого объединения было повышение уровня работы судов общей юрисдикции до уровня арбитражных судов. Проблема различного подхода к ряду вопросов в судебной практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов озвучивается в качестве основной причины данной судебной реформы [7, с. 60–63]. Когда реформа началась, многие юристы опасались, не потеряют ли арбитражи все лучшее, что в них было. Например, по внедрению электронных технологий арбитражи шли на шаг вперед. Именно там была первой создана единая электронная картотека дел. Именно там первыми стали принимать электронные иски [8]. В результате опасения не подтвердились. Коллегия Верховного суда по экономическим спорам (СКЭС) показала продуктивную и качественную работу, рассмотрев за 2016 год больше 23 000 жалоб, а за первое полугодие 2017 рассмотрено 13 218 кассационных жалоб [9]. Это даже больше, чем рассматривал Высший арбитражный суд в предыдущие годы. Сроки рассмотрения дел, вопреки мнению экспертов, стали короче. Сейчас между поступлением дела на рассмотрение и заседанием СКЭС проходит меньше месяца. Обычно это три-четыре недели. В Высшем Арбитражном Суде, для сравнения, срок редко бывал меньше месяца и мог достигать почти полугода. Это положительная динамика, и она наблюдается не только

в высших инстанциях: арбитражи в целом по России стали работать быстрее. Раньше дело проходило все инстанции примерно за 416 дней, теперь этот срок сократился вдвое, до 220 [10]. Однако, по данным официального сайта Верховного Суда РФ и картотеки арбитражных дел, в сравнении с Высшим Арбитражным Судом правотворческая активность Коллегии по экономическим спорам в целом ниже. Речь идет о том, что в определениях Коллегии по отдельным категориям споров реже формулируются общезначимые правовые позиции, применимые к аналогичным спорам. Однако при этом различия все же нельзя признать критическими.

Следует добавить, что среди практикующих юристов были опасения, чтобы Верховный суд позволил арбитражным судам пользоваться своими наработками как в организационных, технических вопросах, так и в сложившейся судебной практике в отработанном толковании норм права. В данном случае Верховный суд сохранил и продолжил использование всех сервисов ВАС, таких как «КАД.Арбитр» и «Мой арбитр». Доступ к ним теперь налажен через портал Госуслуг, и люди все чаще прибегают к подаче иска онлайн. Еще одно важное нововведение – судебные заседания с видео-конференц-связью, за последнее время количество подобных слушаний гораздо увеличилось [9]. Юристы и программисты высоко оценивают информационное обеспечение российских судов. Это уникальная система, которая не имеет аналогов в мире. В настоящее время коллегия Верховного суда по экономическим спорам формирует единую судебную практику. Опираясь на нее, все нижестоящие суды затем выносят свои решения по однотипным делам. Формально они не обязаны этого делать, но все же мнение СКЭС часто учитывается, когда возникает вопрос, как следует трактовать ту или иную норму права.

После того как Владимир Путин объявил о предстоящей реорганизации судебной системы, юридической и судебное сообщества высказывали опасения насчет того, что реформа затронет и нижестоящие инстанции. Худшим сценарием развития событий в юридическом сообществе тогда называли слияние судов общей юрисдикции с арбитражными, указывая, что система арбитражных судов является наиболее эффективной и открытой, а в результате объединения могут быть потеряны качественные наработки и судебные кадры. Но уже в октябре 2013 года президент на форуме «Россия зовет» заверил, что «полное слияние судов общей юрисдикции и арбитражных судов» не планируется, поскольку «полностью одну систему вливать в другую нецелесообразно» [11]. Тем не менее, дискуссии об этом в органах власти и юридических кругах продолжились. К идее объединения арбитражных судов и судов общей юрисдикции большинство юристов относятся негативно. По их мнению, арбитражная система доказала свою эффективность, но все ее наработки могут быть утрачены в результате слияния систем [11]. На заседании Совета судей в мае 2016 г. глава Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев опроверг слухи о возможном слиянии арбитражей с суда-

ми общей юрисдикции. Он сообщил, что новой реформы по объединению системы арбитражных судов и судов общей юрисдикции не планируется. По мнению председателя ВС, достаточно было объединения высших инстанций, которое прошло успешно [12]. Вместе с тем Вячеслав Лебедев, председатель Верховного суда (ВС), предложил масштабную реформу судов общей юрисдикции. Она заключается в том, чтобы создать апелляционные и кассационные суды в федеральных округах. По мнению председателя Верховного суда, это должно повысить беспристрастность решений. Сейчас жалобы на решения районных и областных судов общей юрисдикции рассматриваются в них же [12]. Именно по такому пути сначала пошли арбитражи.

С момента образования система арбитражных судов динамично реагировала на изменение законодательства, обеспечивала стабильность гражданского оборота, защиту прав и законных интересов участников споров. В результате реализованных законодательных инициатив Верховного суда РФ за последние четыре года в ГПК, АПК и Кодекс административного судопроизводства внесены изменения, устанавливающие для судов общей юрисдикции и арбитражных судов сходные судебные процедуры [12].

На торжественном заседании по случаю двадцатипятилетия создания арбитражных судов Председатель Совета судей Виктор Момотов особо подчеркнул, что Верховному суду удалось добиться главного, того, что ждали от объединения – обеспечить единство судебной практики [8]. «Созданные в период коренных преобразований в нашей стране, арбитражные суды стали одним из ключевых механизмов обеспечения защиты прав и законных интересов участников экономических отношений, по праву заняли достойное место в единой судебной системе нашей страны», – приводятся слова Президента РФ В.В. Путина на офици-

альном сайте главы государства в адрес участников и гостей торжественного мероприятия, посвященного 25-летию создания арбитражных судов в России [13]. Применительно к этому остается справедливым считать, что за период своей работы арбитражные суды накопили серьезный опыт и существенно укрепили потенциал, своей активной позицией в вопросах открытости и доступности правосудия. Таким образом, анализ мероприятий и результатов реформы с точки зрения обеспечения единства подходов к отправлению правосудия в отношении граждан и юридических лиц показывает, что судебная реформа, безусловно, способствовала реализации указанного принципа. При этом основные результаты связаны с унификацией механизмов пересмотра судебных актов и внесением на этапе реформы соответствующих изменений в процессуальное законодательство.

Говоря об иных последствиях судебной реформы, необходимо указать на следующее. Реформа не привела к существенным изменениям в механизме влияния Верховного Суда РФ на решение кадровых вопросов. При этом штатная численность работников судебной системы, в том числе арбитражных судов и их аппаратов, после реформы увеличилась, что соответствует дореформенным тенденциям. В результате реформы перестали существовать некоторые формы взаимодействия с нижестоящими арбитражными судами.

В заключении работы, следует отметить, что возможно, в будущем времени будут предприняты иные законодательные инициативы, такие как принятие общего процессуального кодекса по гражданским делам, рассчитанного на применение и арбитражными судами. Также стоит сказать, что реформирование системы судебной власти является обычным историческим процессом, направленным на усовершенствование государственного строя и всей судебной системы в целом.

Литература:

1. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI в. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С. 225.
2. Кудрякова А.Х. Нужна ли России объединенная судебная система // Российский судья. 2011. № 6. ЭЖ «Юрист».
3. Материалы VII Всероссийского съезда судей // Российская юстиция. 2009. № 1. С. 5–6.
4. Закон Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФЗ Доклад отдела правовой информатизации Верховного суда РФ. Электрон. текстовые дан. URL: <http://www.supcourt.ru/catalog>
5. Фоков А.П. Объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: «за» и «против» // Российский судья. 2013. № 8. С. 2–5.
6. Интервью с судьей Арбитражного суда г. Москвы, доцентом кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского госу-

Literature:

1. Zorkin V.D. Russia and the Constitution in the 21st century. A look from Ilyinka. M, 2007. P. 225.
2. Kudryakova A.H. Whether the joint judicial system // the Russian judge is necessary to Russia. 2011. № 6. EZh «Lawyer».
3. Materials VII of the All-Russian congress of judges // Russian justice. 2009. № 1. Page 5–6.
4. Law of the Russian Federation of February 5, 2014 the № 2-FKZ Report of Department of legal informatization of the Supreme Court of the Russian Federation. Electron. text it is given. URL: <http://www.supcourt.ru/catalog>.
5. Fokov A.P. Merging of the Supreme Court of the Russian Federation and Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: pros and cons // Russian judge. 2013. № 8. Page 2–5.
6. Interview with the judge of Arbitration court of Moscow, associate professor of enterprise and corporate law of the Moscow state legal university of

дарственного юридического университета имени О.Е. Кутафина кандидатом юридических наук Василием Андреевичем Лаптевым // Юрист. 2014. № 19. С. 4–8.

7. *Серегина О.Л.* Инструменты модернизации судебных систем в сравнительно-правовом аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 2 (19). С. 56–61.

8. *Лебедев В.* «Рассуждения об арбитраже» // Российская Газетаю 10.12.2017 URL: www.rg.ru

9. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2017 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // URL: <http://www.supcourt.ru>

10. «Эксперт»: судебная система на пороге реформ. 24 октября 2017 // URL: <https://pravo.ru>

11. *Занина Анна* «Арбитражные суды поставлены под запрос. Их снова предлагают объединить с судами общей юрисдикции» / Анна Занина, Анна Пушкарская // Газета Коммерсантъ 20.05.2016.

12. *Абрамов Д.* «Вячеслав Лебедев обещает реформу судоустройства» 10 ноября 2016 // Ведомости URL: www.vedomosti.ru

13. *Владимир Путин* поздравил судей с 25-летием создания Арбитражных судов в РФ 8 декабря 2017 URL: kremlin.ru

O.E. Kutafin Candidate of Law Sciences Vasily Andreevich Laptev//Lawyer. 2014. № 19. Page 4–8.

7. *Seryogina O.L.* Instruments of modernization of judicial systems in comparative and legal aspect // the Messenger of the Volgograd state university. Series 5, Law. 2013.№ 2 (19). Page 56–61.

8. *Lebedev V.* «Reasonings on arbitration» // Russian Gazetayu 12/10/2017 URL: www.rg.ru

9. The review of statistical data on consideration in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of the year 2017 of administrative, civil cases, cases on resolution of economic disputes, cases of administrative offenses and criminal cases// URL: <http://www.supcourt.ru>

10. «Expert»: judicial system on a threshold of reforms. On October 24 2017 // URL: <https://pravo.ru>

11. *Zanina Anna* «Arbitration courts are put under inquiry. They are suggested to be united with again courts of law» / Anna Zanina, Anna Pushkarskaya // the Kommersant Newspaper 5/20/2016.

12. *Abramov D.* «Vyacheslav Lebedev promises reform of judicial system» on November 10, 2016 // Sheets of URL: www.vedomosti.ru

13. *Vladimir Putin* has congratulated judges on the 25 anniversary of creation of Arbitration courts in the Russian Federation on December 8, 2017 of URL: kremlin.ru

Зохрабян Эдуард Лендрушович

кандидат исторических наук,
доцент, Ереванский
государственный университет
edlevzo2014@gmail.com

**ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ
В 1991–2005 годы**

Аннотация. В статье представляется проблема, выступающая предпосылкой становления социального сотрудничества в республике Армения, в которой в 1991 г. с приобретением независимости и переходом на рыночные отношения изменилось политическое мышление в сфере социальных преобразований. Эти преобразования рассматривались как производные от экономических проблем. С принятием Конституции 5 июля 1995 г. укрепилось становление социального государства в Армении. Со стороны государства были сделаны определенные шаги для подтверждения социального обеспечения, партнерства и солидарности. Их совокупность является показателем социального сотрудничества. Однако на ранней стадии в социальном сотрудничестве нашли место серьезные упущения, ошибки, последствия которых ощутимы и в наши дни. Крайняя поляризация общества Армении, массовая нищета, социальная напряженность, эмиграция, демографическая опасная тенденция отрицательно влияют на безопасность и оборону республики.

Ключевые слова: социальное государство, сотрудничество, социальное обеспечение, партнерство, солидарность, поляризация общества, массовая нищета, диалог, равновесия, справедливость.

Введение

Цель данной статьи – показать с помощью исследовательского анализа характер социального сотрудничества в Республике Армения (РА) после обретения ею независимости, его особенности в контексте осуществляемой социальной политики.

К задачам предлагаемой цели относятся:

- рассмотреть исторический опыт социального сотрудничества в Армении и обсудить сущность осуществляемой социальной политики в РА в 1991–2005 гг.;
- представить примеры проявления социального сотрудничества, их особенность в области

Eduard L. Zohrabyan

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Yerevan State University
edlevzo2014@gmail.com

**THE PROCESS OF
COLLABORATION IN
REPUBLIC OF ARMENIA
1991–2005**

Annotation. The problem which is the background collaboration in Armenia is presented in this article (by means of critical analysis) In 1991 which acquisition of independence and passing to the market relation political thinking changed in the market relation political thinking changed in the field of social transformation was observed as derivative to economical problems. With the acceptance of constitution of July 5 1995 the concept of becoming of social partnership and solidarity. Collaboration itself is the index of their totality. However on the transitional stage serious omissions, errors found a place in a social collaboration and consequences of these are felt in our days. Extreme polarization of Armenia, mass poverty, social tension, emigration and demographic dangerous tendency have negative influence on the security and defence of stage.

Keywords: social state, cooperation, social security, partnership, solidarity, polarization of society, mass poverty, dialogue, balance, justice.

экономических преобразований и социальной политики;

- показать, основываясь на принципе социальной справедливости, процессы формирования, расширения и утверждения социального партнерства и обеспечения, содействия и солидарности, а также проявляющиеся в них затруднения, ошибки и недостатки;

- выявить влияние вышеуказанных процессов на процесс построения социального государства в РА с точки зрения изменений, происходящих в социальной структуре общества.

Страницы армянской истории богаты примерами социального сотрудничества, где наглядно про-

являются особенные черты национального об-
раза мышления в виде справедливости, соли-
дарности, толерантности, благотворительности и
т.д. В этом участвовали как правящие, так и ду-
ховные власти.

Так, еще во 2-ом веке до н.э. земельные рефор-
мы Арташеса 1-го были направлены на социаль-
ное сотрудничество между государством, част-
ными землевладельцами и крестьянами общин
во имя солидарности общества, постоянного
существования армии, а также во благоустроен-
ности и прогресса страны.

В 301 г. после того, как Армения первая во всем
мире приняла на государственном уровне хриси-
анство, идеи о социальном сотрудничестве и соли-
дарности стали восприниматься и преподносятся
на основах идеологических принципов христиан-
ской нравственности, справедливости, а также ре-
лигиозных, гуманных и естественных законов.

Целям социального сотрудничества и солидар-
ности последовал Ашот 3-ий Вогормац (Мило-
сердный) (953–977 гг.), который проявляя боже-
ственное милосердие для нуждающихся в по-
мощи, построил приюты, больницы, богодельни
и т.д. Следуя похвальному примеру царя, по
инициативе царицы Хосровануш построились
монастыри Санаин и Ахпат, ставшие знамени-
тыми духовно-культурными, научно-образова-
тельными очагами.

Ярким примером благочестивого милосердия и
прилежного гуманизма является деятельность
царицы Киликийской Армении Забел. Характе-
рно, что по инициативе царицы в 1241 г. основы-
вается больница, которая действовала до паде-
ния Киликийского царства в 1375 г. Это счита-
ется редким явлением во всемирной истории
средневековья, когда открывается больница, где
за счет государства лечились все нуждающиеся.
Кроме того, часто в своей построенной больнице
царица лично ухаживала за малоимущими боль-
ными [11, с. 86]. Вопросы социального сотрудни-
чества были отражены в одном из шедевров
армянской политической мысли 18-го века «За-
падня честолубия», который стал программой
построения будущего армянского государства [7,
с. 55, с. 266, с. 429].

Содержательная армянская историко-философ-
ская, политическая, литературно-художественная
мысль об общественной жизни раннего и развитого
средневековья насыщалась именно этими идеями
и сосредотачивалась на призыве к социальному
сотрудничеству на уровне predeterminedного ре-
лигиозного обряда. Как отмечает С.Захарян, со-
гласно армянским мыслителям, гуманная позиция,
исходящая из христианской религии и рассматри-
вающая человека как наивысшую ценность, долж-
на быть заложена в основу деятельности органов
власти, т.к. от их отношения к подчиненным и под-
даным зависит мирное и гармоничное функцио-
нирование общества [8, с. 130].

В 1991 г. после восстановления независимости в
Армении параллельно с переходом к рыночной
экономике зародилась идея построения соци-

ального государства. Последняя как основопола-
гающая установилась в первой статье Конститу-
ции РА, принятой 5-го июля 1995 г., где было
отмечено, что «Республика Армения является
независимым, суверенным, демократическим,
социальным и правовым государством» [9]. Кон-
ституционное постановление концепции соци-
ального государства, с одной стороны, показы-
вало сущность будущего государства, его цели,
содержательную систему ценностей, а с другой
стороны, определяла социальную сферу как од-
ну из приоритетов построения суверенного госу-
дарства. До принятия конституции изменилась
логика и философия социальной политики. Сущ-
ность этого проявлялась в том, что в социальной
сфере реформы рассматривались вместе с эконо-
мической, предоставляя последней первичную
роль. Характерным явилось то, что в РА это
осуществлялось в условиях понижения испол-
нительной роли государства. Непосредственным
проявлением этого явилось то, что государство
постепенно отказалось от координирующей роли
социальных процессов, центр финансовой тяже-
сти из государственного бюджета переместился
к сбережениям гражданина, ликвидировались
ограничения в сфере социального труда [1,
с. 290]. Руководствуясь лозунгом «до сих пор
государство содержало народ, а теперь народ
должен содержать государство», последняя
«приписала себе функцию законодателя и ар-
битра, обеспечивая бюджет частной секции, а
народу – быть законопослушным гражданином»
[6, с. 57].

Однако исторический международный опыт по-
казывает, что в процессе построения и станов-
ления социального государства ключевым явля-
ется социальное сотрудничество, опирающееся
на справедливость, а именно, на комплексную
систему социального обеспечения, содействия,
партнерства и солидарности в условиях регули-
рующей функции государства.

В постсоветский период для переходного этапа
коренного преобразования политической, социаль-
но-экономической жизни РА было характерно ярко
выраженное социальное расслоение и поляриза-
ция общества, что исторически исходит из харак-
тера рыночных отношений. Неизбежным попутчи-
ком этого процесса стала проблема сотрудниче-
ства и солидарности между государством и обще-
ством в широком смысле слова, а в узком понима-
нии – между возникающими новыми социальными
единицами. Социальное сотрудничество стало
прямо пропорционально социальной политике,
осуществляемой государством.

Поспешная приватизация земли в 1991 г. и не-
справедливая приватизация, в основном, произ-
водственных предприятий в республике в 1992-
1994 гг. привели к появлению серьезных соци-
альных проблем. Согласно исследованиям и
наблюдениям экспертов ООН, в результате не-
обоснованной и поспешной приватизации лишь 8
процентов семей республики овладели более
чем 90 процентами частного имущества [6, с. 39].
Если к этому добавить, что это произошло в
условиях социального недостаточного сотрудни-
чества, то картина станет совершенно ясной.

И сегодня социально-экономическая ситуация и вытекающая из нее ценностная система выживания индивида все еще не обеспечивают широкий спектр социального сотрудничества между отдельными лицами и государственными структурами. Проблема социального сотрудничества продолжает оставаться актуальной и неотложной. Попробуем выявить ее причины и последствия.

Первый из них является отсутствие четко разработанной социальной политики. Самым серьезным упущением в сфере социальной политики РА является отсутствие общенациональной социальной программы, что стало причиной не только массовой и масштабной поляризации общества, возникновения большого числа малоимущих слоев, но и постоянного социального напряжения и эмиграции, значительных отрицательных изменений в демографической структуре населения, а также других опасных тенденций и последствий.

Слабые сигналы социального сотрудничества в основном заканчивались ситуационными решениями. В предпринятых верхами реформах отсутствовала общественная инициатива, а также касающиеся их широкие общественные дебаты.

При неблагоприятных условиях социального сотрудничества и поспешной, несправедливой приватизации, происходили радикальные, но стихийные изменения в социальной структуре общества. Не сформировался средний слой новых общественных отношений, владеющий ценностной культурой.

Очень важное значение имело и имеет отсутствие законодательного поля в этой сфере, неисполнимость законов, которые стали серьезным препятствием на пути формирования социальных институтов. Решающее значение в процессе их становления имело также проявление политической воли властей. В РА в период обсуждений произошло тесное сближение власти и бизнеса. Это не только противопоставлено, но и оскверняет гражданское общество.

Фактически, неудовлетворительное социальное сотрудничество в условиях крупномасштабной и предельной поляризации общества стало причиной политической неустойчивости и непредсказуемых реалий. В результате социального расщепления ряд некоторых национальных ценностей перестали быть всеобщими, сплачивающими различные слои общества.

В конце 1980 г. общество Армении и Арцаха отличалось высоким уровнем сплоченности вокруг идеи освобождения Арцаха, обороны и безопасности страны. Несмотря на то, что социальная сфера отошла на задний план, некоторые шаги были направлены и к ней. Решением советов министров и Профсоюзов РА с 1-го января 1991 г. под руководством Совета КПА (конференция профсоюзов Армении) в фонд социального обеспечения РА было направлено 14 процентов от общей суммы платежей, предоставленных для государственной социальной страховки [12,

с. 1]. 25-го февраля 1992 г. Верховным советом РА был принят законопроект о государственном пенсионном обеспечении граждан РА. Было гарантировано право материальной обеспеченности и социальной защиты пенсионеров, устанавливая трудовую и социальную пенсии. 26-го декабря 1994 г. по приказу Правительства РА, учитывая недостаточность финансовых средств пенсионного фонда и фонда занятости, был уступлен невозвращенный остаток долга – 247,5 млн драм из средств, временно предоставленных государственным бюджетом фонду в 1993 и 1994 гг. [13, с. 1]. Еще в 1993–1994 гг. Министерство труда и социального обеспечения РА разработало проекты о принятии необходимых законов для социального партнерства, которые однако не получили дальнейшего продвижения. Можно сказать, что до середины 1990 г. процессу установления сотрудничества между государством и обществом, а также обществом и различными социальными слоями было уделено недостаточное внимание. 12-го мая 1994 г. заключилось перемирие. Идея поддержки НК в общественном сознании уступила свое место идее социальной справедливости. Обостренный социальный кризис в РА принудил государственную власть, приняв большие полномочия, еще более сосредоточиться на социальных вопросах. Подобная ситуация привела к потере уверенности и расслоению общества в РА, что и стало причиной вакуума власти [4, с. 40].

Процесс стихийного формирования социальной структуры общества привел к возникновению искаженных, изменчивых и неустойчивых взаимоотношений между различными новыми сформированными группами и слоями общества, к проявлению противоречивых настроений. Отсутствие четко разработанной социальной политики и национальной концепции в этой области, а также вышесказанные причины утвердили в общественном сознании чувство слабости государства и недоверчивости по отношению к властям. Этим обуславливается фактическое отсутствие государственного мышления, которое проявилось во всех слоях общества, начиная с правящих олигархов и заканчивая неимущими слоями. Отсутствие государственного мышления на всех социальных уровнях в условиях слабо осознанных интересов внутри общества практически стало нормой общественной жизни.

Важным компонентом социального сотрудничества является обеспечение партнерства как своеобразной разновидности социально-трудовых взаимоотношений с конкретными критериями прав и обязанностей каждого участника, где государство имеет функции регулирования, обеспечения равенства и интересов работника и работодателя. Отметим, что с самого начала в Армении при формировании системы социального партнерства государство, будучи одним из сторонников трипартизма (государство, работодатель, наемный работник), приняло на себя роль созерцательного наблюдателя. Не узаконены были взаимоотношения между работодателями – наемными работниками, предпринимательской средой (работодатель – бизнес среда), а также крупными, мелкими и средними соб-

ственниками. Исчезла или достигла самого минимума роль профсоюзных комитетов. Они преобразились в приложения администрации. Для исправления ситуации были предприняты некоторые запоздалые шаги, однако осуществление их замедлялось. В 1997 г. Министерство социального обеспечения РА разработало проект системы развития социального партнерства РА. Утверждение последнего задержалось до первого десятилетия 2000-ых годов. Лишь 24-го сентября 2003 г. РА присоединилась к международной конвенции «О принципах применения права на организацию и ведение коллективных переговоров» [18, с. 116].

После первого десятилетия принятия независимости законодательное поле в РА еще оставалось открытым и действовало старое законодательство. Для претворения социального партнерства в РА необходимо было принять новый трудовой кодекс, специальный закон «О социальном партнерстве», разработать концепцию социального партнерства, направленную на комплексную институционализацию социального сотрудничества, на формирование такой организации, которая обеспечила бы постоянное и устойчивое социальное сотрудничество. К сожалению, в начале 2000-го года в Армении не только полноценно не решились упомянутые проблемы, но и не разработалась всеобщая концепция Армянского социального государства, стратегия и тактика развития – и все это – на фоне неустойчивой политики [1, с. 290].

Несмотря на конституционное признание идеи создания социального государства с использованием экономических и социальных реформ, в Армении ее осуществление продолжается оставаться как задача неблизкого будущего. Подобная ситуация оказывает существенное влияние как на солидарность общества и экономический

прогресс страны, на оборону и безопасность, так и на решение национальных жизненных проблем.

Идея национального единства исторически необходима, что обусловлено также социальной солидарностью и сплоченностью. Следовательно, таким объединяющим фактором может стать идея утверждения благосостояния и благополучия для всех без исключения слоев общества. Это возможно осуществить, основываясь на принципе справедливости, путем обеспечения морального равновесия общества. При нарушении этого равновесия прогресс общественного развития демотивируется. Продуктивное управление законопослушной страной, в соответствии с общественным восприятием и преобладанием закона, представляет собой один из механизмов утверждения социальной солидарности, который действует исключительно на основе принципа взаимности. Отсутствие социальной солидарности это, прежде всего, отсутствие диалога между государством и обществом.

Таким образом, в период с 1991 по 2005 гг., осуществляемая властями в ходе экономических реформ социальная политика при отсутствии конкретных национальных программ в условиях крайней поляризации общества, выдвинули многочисленные социальные проблемы, которые преобразились в препятствия для становления гражданского общества в Армении. Необходимо разработать механизмы для усовершенствования всех составных частей социального сотрудничества как факторов, направленных на становление и укрепление общества и государства. Социальное сотрудничество по своим различным формам и способам исполнения является гарантией становления и прогресса социального государства.

Литература:

1. Армения 2020, Стратегия развития и безопасности, АЦСНИ, изд. Тигран Мец, Ереван, 2002г., 718 стр.
2. Арутунян Э. Переходное общество как система трансформационной деятельности, изд. ЕГУ, Ереван, 2000г., 267 стр.
3. Галстян М. Социальное неравенство, социальная мобильность, социальный конфликт. Проблемы взаимоотношений и мобильности в Армении, АЦСНИ, Ереван, 2000 г., 53 стр.
4. Гевондян А. Предельный коэффициент жизнеспособности стратегического ресурсного потенциала государства с точки зрения реализации национальной прибыли /на примере РА/, АЦСНИС, Ереван, 2006 г., 129 стр.
5. Генкин Б.М. Экономика и социология труда, учебник для ВУЗ-ов, Норма-Инфра.М, Москва, 1999 г. 373 стр.
6. Доклад человеческого развития, 5 лет человеческого развития в Армении, Тигран Мец, 1999 г., 94 стр.

Literature:

1. Armenia 2020, The strategy of development and safety, Tigran Mets, Yerevan 2002, p. 718.
7. Harutyunyan E. Transitional society as the system of transformable activities, YSU, Yerevan 2000, p. 267.
3. Galstyan M. Social irregularity, social mobility, social conflict, Problems of interrelations and mobility in Armenia, SNRAC, Yerevan 2000, p. 53.
4. Ghevondyan A. Factor of boarder capacity of the state strategy from the point of view of realization of national profits /by the example of the RA/ SNRAC, Yerevan 2006, p. 129.
5. Genkin B.M. Economics and sociology of labour, text-book for HEU-es, Norma-Infra.M, M., 1999. p. 373.
6. The lecture of human development, Five years of human development in Armenia, Tigran Mets, Armenia 1999, p. 94.

7. Западня честолюбия, Ворогайт парац, Ереван, Армения, 2002г., 298 стр.
8. Захарян С. Вопрос социальной солидарности в армянской философии 13-15 веков, «Вопросы арменоведения», 3/6/, ЕГУ, Ереван, 2015 г., сс. 125–142.
9. Конституция РА, Наири, Ереван, 1995 г., 56 стр.
10. Минасян Э. Социально-экономические преобразования в Республике Армения 1990–2003 г., ЕГУ, Ереван, 2003г., 443 стр.
11. Мовсисян А. 10 армянских выдающихся цариц, Зангак, Ереван, 2014 г.
12. НАА, Ф. 113, с. 163, д. 556, н. 1.
13. НАА, Ф. 113, с. 173, д. 415, н. 1.
14. НАА, Ф. 1177, с. 1, д. 40, н. 6.
15. Погосян Г. Армянское общество в начале 21-го века, Лусабац, Ереван, 2006 г. 375 с.
16. Погосян Э. Процесс становления государственной независимости в Армении /1990–2001г./, Лусабац, Ереван, 2013г., 605 с.
17. Сборник правовых актов социальной сферы Республики Армения, Бавих, Ереван, 2004 г., с. 1087.
18. Национальный доклад человеческого развития Прошедшие 10 лет независимости, Армения 2001, Айастан, Ереван, 2001 г., 171. с. 6.
19. Фавстос Бузанд, История Армении, Айастан, Ереван, 1968 г., 350 стр.
7. Trap of Famy, Hayastan, Yerevan, 2002, p. 298.
8. Zaqaryan S. The issue of social identity of 13–15 centuries in Armenian philosophy, «Issues of Armenology» 3/6, YSU, Yerevan, 2015, pp. 125–142.
9. Constitution of the Republic of Armenia, Nairi, Yerevan 1995, p. 56.
10. Minasyan E. Social-economical changes in the Republic of Armenia 1990–2003, YSU, Yerevan, 2003, p. 443.
11. Movsisyan A. Ten Armenian popular queens, Zangak, Yerevan, 2004, p. 104.
12. NAA, F. 113, l. 163, w. 556. p. 1.
13. NAA, F. 113, l. 173, w. 415. p. 1.
14. NAA, F. 1177, l. 1, w. 40. p. 6.
15. Poghosyan G. Armenian society of the beginning of the 21st century, Lusabac, Yerevan, 2006, p. 375.
16. Poghosyan E. The process of the guaranteeing of the independant state /1990–2001/, Lusabac, Yerevan 2013, p. 605.
17. Collection of the law statements of the social sphere of the Republic of Armenia, Bawikh, Yerevan 2004, p. 1087.
18. The national lecture of human development, Ten years of traditional independence, Armenia 2001, Hayastan, 2001, p.171. p. 6.
19. Pahstos Biuzand, Armenian Story, Hayastan, Yerevan 1968, p. 350.

Кашкаров Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Крымский юридический институт (филиал),
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
тел. +79892339777

Штехбарт Александр Людвигович

доцент кафедры уголовного процесса,
криминалистики и участия прокурора
в уголовном судопроизводстве,
Крымский юридический институт (филиал),
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
тел. +79892996000

**К ВОПРОСУ ОБ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ
ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ
СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. в статье рассмотрены угрозы, которые возникают в связи с экспансией исламистского радикализма в сфере жизнедеятельности современного светского общества. Определены особенности проникновения радикализма в социум, основной вывод заключается в том, что возникший духовный кризис светских обществ даёт возможность для роста и культивации радикальных исламистских идей.

Ключевые слова: исламский радикализм, экстремизм, терроризм, преступление, религия, конфликт, общество, идеология.

Радикализм, как известно, это крайняя форма бескомпромиссной приверженности какой-либо идеи, концепции, взглядам, направленной на достижение определённой социальной, политической, религиозной цели либо комплекса целей, отмечается, что радикализм базируется на крайних, предельно агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение всей существующей социально-экономической и политической системы [1, с. 4; 2, с. 19]. Радикализм присущ различным социальным сферам, однако, наиболее часто он встречается там, где наличествует определённая идеология. Идеологическое наполнение в большей степени присуще таким социальным сферам, как политика и религия, в некоторых случаях религия неотделима от политики и наоборот. Взаимное проникновение политики в религию и религии в политику имеет давние исторические корни, однако современному обществу и светским государствам удалось отделить религию от поли-

Alexander A. Kashkarov

Candidate of Law Sciences,
associate professor of criminal and legal
disciplines Crimean legal institute (branch),
Academy of the Prosecutor General's
Office of the Russian Federation
ph. +79892339777

Alexander L. Shtekhbart

associate professor of criminal trial,
criminalistics and participation of the
prosecutor in criminal legal proceedings
Crimean legal institute (branch),
Academy of the Prosecutor General's
Office of the Russian Federation
ph. +79892996000

**TO THE QUESTION OF
THE PUBLIC DANGER OF
ISLAMIC RADICALISM IN
A MODERN SECULAR SOCIETY**

Annotation. The article examines the threats that arise in connection with the expansion of Islamist radicalism in the sphere of life of contemporary secular society. The specifics of the penetration of radicalism into the society are defined, the main conclusion is that the emerging spiritual crisis of secular societies provides an opportunity for the growth and cultivation of radical Islamist ideas.

Keywords: Islamic radicalism, extremism, terrorism, crime, religion, conflict, society, ideology.

тики посредством правовых механизмов, закрепив постулат о том, что государственная власть отделена от религии, чего нельзя сказать о большинстве государств Ближнего Востока и Средней Азии, где государственная власть и религия выступают монолитным сплавом. Отмечая относительно устоявшийся консерватизм ислама в ближневосточных и среднеазиатских государствах, следует согласиться с мнением В.Н. Фадеева, который отмечает, что ислам как «молодая» религия ещё проходит те же этапы исторического развития, чтобы завоевать свою нишу. Также, как и в христианстве, в мусульманской религии произошёл раскол на различные течения, во многом, враждебные между собой. Возникли и крайне реакционные направления, которые пытаются уничтожить не только другие религии, но и традиционный ислам [3, с. 174].

Религия, в частности ислам, играет важную ключевую роль в социально-политических, социаль-

но-экономических, социально-культурных и иных процессах в государствах ближневосточного и среднеазиатского регионов. Ислам в государствах указанных регионов является традиционной, «коренной» и исконной религией, которая имеет свои политические тенденции и направления, а также политические способы и приёмы выражения и реализации. Продолжая указанный тезис, отметим, что религия, политика и государственная власть в государствах указанных регионов за многие годы научились сосуществовать, взаимодополнять и взаимодействовать друг с другом.

Чего нельзя сказать о процессах, связанных с исламизацией светских государств. В последнее время прослеживается тенденция с экспансией исламистских ценностей в государствах, где ислам не является традиционной религией, к увеличению мусульманского населения как в Европе, так и в России, что, несомненно, приводит к эскалации исламского радикализма не только в европейских государствах и России, но и во всем мире, что даёт нам основание утверждать, что современная теория криминологии, к сожалению, не успевает за интенсивно развивающимися, как количественно, так и качественно, процессами криминализации социального пространства исламского радикализма, весьма активного проникновения их в сопредельные, не связанные до сих пор с исламом, области социальных взаимодействий.

К сожалению, характерной особенностью многих современных обществ является низкий уровень духовности и культуры населения. Благодаря действию неоллибералистической идеологии, утвердившейся в западном мире на протяжении двух последних столетий, главными ценностями общественной жизни стали обновление, рост, прогресс. Они всего за пару столетий изменили характер взаимоотношений между людьми, между личностью и социумом. Навязанная западным миром глобалистическая идеология ориентирована на нивелирование ценностей локальных культур, что содействует обезличиванию и унификации, вплоть до вырождения таких культур в этнографическую массу – население. Такое навязывание чуждых социокультурных моделей представителям автохтонных, самозамкнутых культурных групп порождает культурное насилие, связанное с борьбой за собственную идентичность [4, с. 48]. Достижения демократического общества в виде западной демократии радикалы не приемлют, так как характерный для неё плюрализм мнений и наличие различных партий может привести к расколу среди мусульман. Однако иные достижения западной цивилизации исламский мир воспринимает в той мере, в какой считает это целесообразным и выгодным, т.е. до уровня, который не позволяет западному образу жизни вторгаться в духовную жизнь мусульман [5, с. 81]. Именно кризисные явления в духовной сфере современного общества являются одной из основных актуальных проблем, несущих сегодня наибольший криминогенный потенциал, который все чаще проявляется в преступлениях экстремистской направленности и терроризме [4, с. 48].

Следует подчеркнуть, что ислам не ограничивается исключительно религиозным форматом. Он выступает одновременно ключевым элементом национальной (мусульманской) идентичности людей, сплачивающим их в единое глобальное сообщество с довольно более высокой степенью солидарности, нежели другие религии. Именно такого рода сплочённость социальной среды мусульман (уммы) позволяет радикальным их представителям использовать исламские постулаты и догмы для распространения среди единоверцев-мусульман, а в некоторых случаях и среди неофитов, экстремистских и террористических идей, материализованным воплощением которых и являются многие опасные преступления. Отмечается, что и на Западе, и в России недооценили степень влияния ислама на широкие народные массы в мусульманских странах и регионах, а также потенциальные возможности этой религии как мобилизующей и интегрирующей социальной силы [6].

Вызовы религиозного экстремизма и терроризма для безопасности российского государства являются не новыми. Как показывает практика, наибольшего накала межэтнические и межконфессиональные конфликты достигают или потенциально могут достичь на территориях со сложным этническим и конфессиональным составом, а также на территориях с преобладанием какой-либо одной национальности, но являющихся притягательными для мигрантов [7, с. 4–5]. Наряду с «традиционными» очагами и территориями религиозных конфликтов и противостояния угроза религиозного радикализма все острее проявляется для Республики Крым, наиболее опасную угрозу для безопасности которой представляют национальный, политический и религиозный экстремизм и терроризм [8, с. 127–137]. При этом, экстремистская и террористическая деятельность поддерживается в организационном плане и финансируется через различные «гуманитарные», «миссионерские» и «просветительские» религиозные, правозащитные, политические и иные организации и движения и их представительства. Учредителями и спонсорами таких организаций в большинстве случаев оказываются зарубежные «оппоненты» России. Именно таким путем сегодня осуществляется издание литературы и иная пропагандистская деятельность экстремистского характера, насаждение идей шовинизма, национализма и сепаратизма, провоцирование и поддержка межэтнических и межконфессиональных конфликтов, создание предпосылок для массовых нарушений общественного порядка, вооруженных конфликтов и государственных переворотов [9, с. 47–53]. Таким образом, наибольшую угрозу современному обществу исламский радикализм приносит своими средствами борьбы за достижения пропагандируемых целей, а именно активизацией террористической и экстремистской деятельности, которая выражается в войне с неверными.

Отмечая общественную опасность деятельности радикальных исламистов, следует также указать то обстоятельство, что с целью придания убедительности своих доводов в религиозной сфере

они позволяют себе относительно фривольное, селективное толкование канонических положений Корана, что подрывает в сознании мусульман существующие догматические устои. Обращая особое внимание на данную проблему, следует указать, что она остро стоит во многих мусульманских регионах России, так как представители духовенства в большинстве являются приглашёнными имамами, которые проходили обучение не в канонической религиозной организации, а в организации, которая является адептом идей радикального ислама. Таким образом, методика аргументации радикальных исламистов основана, как правило, на подтверждении ими тех или иных выдвигаемых положений, идей, а порой и просто домыслов, той или иной цитатой, буквально вырванной, выхваченной из Корана или Сунны. Нередко они подкрепляют свои идеи трудами салафитов прошлого. Безусловно, такой подход способствует радикализации ислама в определенные, переломные этапы истории, в русле этого процесса фиксируется развитие религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, мотивированного идеологией радикального исламизма [10, с. 129].

Кроме того, в последнее время во многих государствах и даже отдельных регионах некоторых держав отмечается политизация исламистского движения, создаются политические партии и общественные движения радикального исламистского толка и направленности, основная цель которых инкорпорирование исламских ценностей в современный светский социум, придание исламу статуса государственной религии, создание панисламистского государства. Такого рода радикальные организации имеют глубоко эшелонированную внутреннюю структуру, которая позволяет отдельным её структурным элементам, подразделениям действовать автономно друг от друга, каждая из существующих ячеек чётко структурированы с одной стороны, и децентрализованы – с другой. Сформированные ячейки в обязательном порядке должны руководствоваться в своей деятельности принципами конспирации. Исследователи отмечают, что распространяемый в мире радикальный ислам следует признавать политизированным сектантским движением, о политизации радикализма указывают такие признаки, как: 1) однозначно отрицательное отношение к существующей власти и стремление к власти; наличие идеологии «правильного» обустройства политической системы и идеологии строительства государства и государственных структур; 2) тактика политической борьбы; 3) политико-идейная обоснованность и развитый агитационный механизм и средства пропаганды [11, с. 53].

При осуществлении своей деятельности исламисты активно используют передовые достижения и технологии IT-сферы, социальных сетей, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», инструментарий средств массовой информации, институтов гражданского общества, камуфлируют свою деятельность под видом общественных организаций, профсоюзов с целью оказания давления на политические, экономические, но в большей степени религиозные,

духовные элиты, осуществить экспансию радикальных исламистских взглядов в социуме. Указанный тезис даёт нам основание утверждать о высокой степени «выживаемости» радикальной исламистской идеологии в обществе, свидетельствует о его динамизме и высокой степени социальной конъюнктуры, при условии сохранения фанатичной приверженности радикальным исламистским идеям.

Определяя религиозный окрас радикального исламизма, следует отметить, что его политические идеи базируются на постулатах равенства, братства, а также националистических идеях, которые позволяют культивировать идеи единства всех мусульман и пренебрежительного отношения к неправовым.

Популяризация идей радикального исламизма объясняется рядом обстоятельств, а именно: условиями социального неравенства, авторитаризма властей, расцвета коррупции и должностной преступности в органах публичной власти и возвращения участников боевых действий за оппозицию из Сирии, которые приобретают статус героя, а в некоторых случаях статус мученика [12, с. 66]. Вербовщики спекулируют отсутствием базовых знаний о догмах истинного ислама, фривольными трактовками Корана, наличием указанных социальных проблем, указывают, что существующая государственная власть не в состоянии справиться с указанными проблемами, реализуемая властями политика безбожна и по этой причине она нерезультативна, а обращение к «истинной» вере позволит разрешить их, достичь всеобщего благоденствия и равенства мусульман.

Отдельную угрозу представляют адепты радикального ислама, которые побывали в зонах вооруженных конфликтов и вернулись обратно в места постоянного проживания. Их опасность заключается в том, что данные лица приобрели опыт ведения боевых действий, статус воина. Статус и авторитет данных лиц достаточно высок в исламистском сообществе, что даёт возможность активно привлекать их к эмиссарской и пропагандистской деятельности, вербовочному процессу.

Мы полагаем, что классификация радикального ислама на: умеренное крыло; умеренно-радикальное крыло; радикальное крыло, которую используют некоторые исследователи [2, с. 48–50], является не верной и сомнительной, поскольку и умеренный радикальный исламизм и радикально-экстремистский исламизм по существу имеют одну общую идеологию и одну общую цель – построение исламского государства. Кроме того, думается, что существование так называемых «полулегальных» организаций с точки зрения права недопустимо. Тут следует согласиться с мнением Г.В. Волгушева, который отмечает, что нет необходимости делить ваххабизм-салафизм в России на «умеренный» и «реформистский»: показная умеренность, проявляющаяся в распространении религиозной литературы, листовок, кинофильмов, в разъяснительной работе с населением в вопросах возрождения исламских ценностей, пропаганде

нравственности и т.д. – не более чем тактический ход с целью привлечения на свою сторону верующих: идет невидимая неназойливая идеологическая обработка населения [11, с. 55].

Подводя итог сказанному, следует согласиться с мнением С.А. Семедова, что радикализм исламистских движений находится в прямой зависимости от своеобразия исламской доктрины, которое состоит в слиянии в ней сакрального и профанного интересов общины и личности, в разделении мира на область мира и область войны. Этим, нам кажется, объясняется жёсткость исламских вызовов Западу, принимающих вид столкновения цивилизаций. Любая угроза привычному образу жизни, ущемление национальной гордости, удар по этническому самосо-

Литература:

1. *Яхьяев М.Я.* Причины радикализации ислама в современном мире // *Исламоведение*. 2010. № 2. С. 4–14.
2. *Шарипов А.К.* Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан) : дис. ... канд. юрид. наук по специальности 12.00.08. М., 2017. С. 228.
3. *Фадеев В.Н.* Россия и ближневосточный экстремизм // *Вестник Московского университета МВД России*. 2014. № 7. С. 172–180.
4. *Игнатов А.Н.* Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2015. № 3 (41). С. 48.
5. *Семедов С.А.* Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // *Социология власти*. 2009. № 7. С. 77–86.
6. *Воронцов С.А.* Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России // *Философия права*. 2008. № 2. С. 121–129.
7. *Игнатов А.Н.* Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе : монография / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, Д.В. Новиков. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. С. 4–5.
8. *Игнатов А.Н.* Тенденции проявлений экстремизма и терроризма в Крымском федеральном округе и пути повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию им / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2016. № 2 (14). С. 127–137.
9. *Игнатов А.Н.* Проблемы профилактики преступлений экстремистской и террористической направленности в Крымском федеральном округе / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // *Мир юридической науки*. 2015. № 10. С. 47–53.

знанию воспринимаются как покушение на ислам. Это придаёт особую ожесточённость выступлениям радикальных исламистов [5, с. 86]. Особенно такого рода угрозы исламистской идентичности наиболее ярко выражаются в светских государствах, также мы полагаем, что предупреждение исламистского радикализма существенным образом повлияет на минимизацию исламистского экстремизма и терроризма.

Также в качестве вывода отметим, что существование религиозного радикализма представляет определенного рода опасность для самого ислама, так как пропагандируемое и насаждаемое насилие зарождает антагонистские процессы и настроения, как среди самих мусульман, так и представителей других религий и конфессий.

Literature:

1. *Yakhyaev M.Ya.* The reasons of radicalization of Islam in the modern world//*Islamic studies*. 2010. № 2. Page 4-14.
2. *Sharipov A.K.* Prevention of the crimes caused by Islamic radicalism (on materials of the Republic of Tajikistan) : yew. ... edging. юрид. sciences in the specialty 12.00.08. M, 2017. P. 228.
3. *Fadeyev V.N.* Russia and Middle Eastern extremism // *Messenger of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2014. № 7. P. 172–180.
4. *Ignatov A.N.* Crisis of the spiritual sphere as factor of determination of extremism, terrorism and criminal violence in general // *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2015. № 3 (41). Page 48.
5. *Semedov S.A.* Islamic radicalism in the modern world: essence and causes // *Sociology of the power*. 2009. № 7. Page 77-86.
6. *Vorontsov S.A.* Islamic radicalism as threat of national security of modern Russia // *Legal philosophy*. 2008. № 2. P. 121–129.
7. *Ignatov A.N.* The criminological analysis of threats of extremist character in the Crimean federal district : monograph / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov, D.V. Novikov. Simferopol : Crimean branch of the Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. P. 4–5.
8. *Ignatov A.N.* Tendencies of manifestations of extremism and terrorism in the Crimean federal district and a way of increase in efficiency of activities of law enforcement agencies for counteraction by him / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // *Library of criminal law and criminology*. 2016. № 2 (14). P. 127–137.
9. *Ignatov A.N.* Problems of prevention of crimes of extremist and terrorist orientation in the Crimean federal district / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // *the World of jurisprudence*. 2015. № 10. P. 47–53.

10. *Добаев И.П.* Идеологические конструкты радикального исламизма // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-konstrukty-radikalnogo-islamizma> (дата обращения: 14.03.2018).

11. *Волгушев Г.В.* Радикальные идеологии и исламизм: политические параметры // Kant. 2015. № 4 (17). С. 53–55.

12. *Синиченко В.В.* Развитие исламского радикализма в Средней Азии как одна из угроз безопасности Российской Федерации в XXI в / В.В. Синиченко, М.Ю. Аграфонов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение». 2015. Т. 14. С. 61–68.

10. *Dobayev I.P.* Ideological constructs of radical Islamism//Humanist of the South of Russia. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-konstrukty-radikalnogo-islamizma> (date of the address: 14.03.2018).

11. *Volgushev G.V.* Radical ideologies and Islamism: political parameters // Kant. 2015. № 4 (17). P. 53–55.

12. *Sinichenko V.V.* Development of Islamic radicalism in Central Asia as one of threats to security of the Russian Federation in XXI in / V.V. Sinichenko, M.Yu. Agrafov // News of the Irkutsk state university. Series: «Political science. Religious studies». 2015. T. 14. Page 61–68.

Котелевская Юлия Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов
и математических методов в экономике,
Крымский институт бизнеса
ykotelevskaia@mail.ru

Нехайчук Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой финансов
и математических методов в экономике,
Крымский институт бизнеса
dimchikn@mail.ru

Нехайчук Юлия Серафимовна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры финансов предприятий
и страхования, Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского
elekobec@mail.ru

Yulia V. Kotelevskaya

candidate of economic sciences, Associate
Professor of the Department of Finance
and mathematical methods in economics,
Crimean Institute of Business
ykotelevskaia@mail.ru

Dmitry V. Nekhaychuk

Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Finance
and mathematical methods in economics,
Crimean Institute of Business
dimchikn@mail.ru

Yulia S. Nekhaychuk

candidate of economic sciences, associate
professor, Associate Professor of the
Department of Finance of Enterprises
and insurance, Crimean federal
University named after V.I. Vernadsky
elekobec@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В исследовании рассмотрены такие дефиниции как «муниципальное управление», «государственное управление». Выявлены основные различия и общность данных понятий, сформулирована проблема недостаточной разведенности при реализации некоторых функций управления. Выяснено, что органы муниципального управления не входят в структуру органов государственной власти, при этом, задачи, стоящие перед местным самоуправлением представляют собой фундамент для достижения глобальных целей государства. С целью решения проблемы несогласованности функций органов государственного и муниципального управления, проведен анализ этапов развития государственного управления в России, что позволило сформулировать понятие «государственного управления» как комплекс принципов действий органов государственного и муниципального управления. Доказывается, что исходя из проведенного анализа этапов развития государственного управления в России, власть, в современном понимании, представляет собой элемент общественной жизни, который придает обществу целостность, обосновывает необходимость управления, при этом, являясь ключевым фактором обеспечения организованности и порядка. Предложено

LEGISLATIVE AND ADMINISTRATIVE BASES OF INTERACTION OF GOVERNMENT AND MUNICIPAL GOVERNMENT BODIES

■ ■ ■

Annotation. The study examined such definitions as «municipal management», «public administration». The main differences and generality of these concepts are revealed, the problem of insufficient dilution in the implementation of some control functions is formulated. It was found out that the bodies of municipal government are not included in the structure of state power bodies, while the tasks facing local self-government represent the foundation for achieving the global goals of the state. When implementing strategic objectives of public administration, there is overlap between certain state functions and municipal authorities, and in some cases, a contradiction between them. Public administration as a process has passed several stages: beginning from the times of Ancient Rus and ending with the modern structure of the Russian Federation. In order to solve the problem of inconsistency of the functions of state and municipal government, an analysis of the stages of development of public administration in Russia was conducted, which allowed to formulate the notion of «public administration» as a set of principles for the actions of state and municipal government bodies. It is proved that proceeding from the analysis of the stages of development of public administration in Russia, power, in the modern sense, is an element of public life that gives integrity to society, justifies the need for management, while being a key factor in

рассматривать власть как системообразующий элемент, который обеспечивает жизнеспособность социума.

Ключевые слова: органы государственного управления, органы муниципального управления, власть, социальная власть, государственная власть, политическая власть, местное самоуправление, цели государства.

В современных условиях институционального развития экономики, местное самоуправление осуществляет свои функции на всей территории страны и составляет одну из самых главных ветвей конституционного строя. Сегодня органы муниципального управления способны обеспечивать эффективное управление на местах, основываясь на конституционном праве самостоятельности и независимости. Однако, существенная зависимость местных бюджетов от средств бюджетов других порождает существенную зависимость муниципальных органов от государственных органов власти. Такая зависимость муниципальных от государственных органов управления обусловлена историческими особенностями развития институтов власти.

Вопросы взаимодействия органов муниципального самоуправления и органов государственной власти длительное время находятся в центре внимания ученых мира. Среди ученых, которые занимались вопросами взаимодействия органов государственного и муниципального управления следует отметить таких, как С.Ю. Наумов, В.В. Гулина, А.А. Джагарян, С.В. Кабышев, Д.В. Мазаев, К.А. Миннибаева, А.Д. Моисеев, Г.В. Скрипкин и другие.

При этом остаются до конца не изученными исторические аспекты взаимосвязи государственного и муниципального управления, что не позволяет выработать законодательный инструментарий, который способен обеспечить независимость местных бюджетов от средств бюджетов других уровней.

Как известно, законодательство в сфере государственного и муниципального управления разработано в соответствии с Конституцией РФ и регулирует взаимодействие государственных и муниципальных органов управления через установление правовых, территориальных, организационных и экономических принципов, а также, выделяет перечень государственных гарантий, обеспечивающих осуществление муниципально-управления на местах.

По мнению некоторых специалистов в сфере государственного и муниципального управления, власть – это определенная функция, которая присуща большинству коллективов людей и обществу в целом.

Другие исследователи процессов государственного и муниципального управления свидетельствуют, что власть – это волевое отношение того, кто властвует (властвующего – органы государственной и муниципальной власти) над теми, на кого эта

ensuring organization and order. In this context, it is suggested to consider power as a backbone element that ensures the viability of the society.

Keywords: public administration bodies, municipal government bodies, power, social authority, state power, political power, local self-government, state goals.

власть направлена (подвластные субъекты – население, представители различных организационно-правовых форм хозяйствования).

Также, существует мнению ученых, что власть – это способ навязать свою волю другим, а также, организационная сила, которая имеет возможность подчинения своей воли определенные социальные группы [1].

В общем смысле этого слова, большинство населения, не имеющих специальных знаний, характеризуют власть как управление, основанное на принуждении. Также, бытует мнение, что власть есть само государство и органы, которые от его имени осуществляют свою деятельность.

Как известно, власть существует в нескольких ипостасях:

- социальная власть;
- государственная власть;
- политическая власть.

Так, под социальной властью понимают господство и подчинение между субъектами, основанное на принуждении.

Любой общности людей присуща социальная власть: семье, общественной организации, партии, государству, обществу. Социальная власть представляет собой фундамент функционирования социальных групп и институт, обязательная составляющая большинства организаций социальной жизни.

Власть как элемент общественной жизни, придает обществу целостность, обосновывает необходимость управления, является ключевым фактором обеспечения организованности и порядка.

В данном контексте, власть представляет собой системообразующий элемент, который обеспечивает жизнеспособность социума.

Исходя из сформулированного определения, можно сделать вывод о том, что целенаправленность общественных отношений, которая способствует развитию общества, обеспечена в первую очередь наличием государственных и муниципальных органов власти.

Наличие социальной власти и ее необходимость в жизни общества объясняется совместной общественной деятельностью, которая носит осознанный характер, предполагает разделение труда, как следствие – регулирование этого труда и поведения, установление принципов иерархии, а также, формирует механизм взаимодей-

ствия как внутри коллективов, так и между собой. Важно отметить, что социальная власть носит принудительный характер.

Что касается такой формы власти как государственная власть, то ее можно считать одной из разновидностей социальной власти [10].

Еще одна форма социальной власти – политическая власть, которая является более широкой категорией в связи с тем, что реализуется не только государством, но и другими субъектами системы общества, таким как, органами местного самоуправления, партиями, политическими движениями, общественными организациями и т.п. Что касается органов муниципального управления, то согласно Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», структура органов местного самоуправления представлена представительными органами муниципального образования (МО), главой МО, местной администрацией (исполнительно-распорядительный орган МО), контрольно-счетным органом МО, иными органами и выборными должностными лицами местного самоуправления [5].

Таким образом, по мнению автора, муниципальная власть или местное самоуправление представляет собой разновидность государственной власти, осуществляемой на конкретной территории и в отношении конкретных общественных отношений. Отметим, что слова «местный» и «муниципальный», а также, словосочетания с использованием этих слов, в рамках данного исследования используются как слова синонимы.

Согласно Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», под местным самоуправлением понимается разновидность конституционного строя РФ, которая признана Конституцией РФ и другими законами, которые, в свою очередь, гарантируют ее осуществление на всей территории РФ.

Под местным самоуправлением следует понимать форму проявления народной власти, которая обеспечивает свое проявление в соответствии с законодательством РФ, как на федеральном уровне (Конституция, федеральные законы), так и на региональном уровне (законы субъектов РФ).

Власть местного самоуправления представляет собой волеизъявление населения через соответствующие органы местного самоуправления, область экономических интересов которых лежит в решении вопросов местного значения (интересы населения с учетом специфических особенностей территорий, как исторических так и особенностей традиций).

Согласно Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государствен-

ной власти субъектов Российской Федерации», государственные органы управления РФ представлены органами законодательной (представительной) власти и исполнительных органов власти.

Согласно структуре органов власти, в РФ они разделены по ветвям: законодательная власть (принятие законов), исполнительная власть (исполнение принятых законов) и судебная (вынесение решения по поводу принятых законов и их исполнения или не исполнения).

Механизм федерального законодательного органа власти РФ функционирует следующим образом:

- во-первых, законопроект поступает на рассмотрение в Государственную Думу (нижняя палата Парламента);
- во-вторых, законопроект рассматривается (максимум три чтения) и подается на рассмотрение в Совет Федерации;
- в-третьих, Совет Федерации направляет законопроект на подпись Президенту (президент может отправить законопроект на доработку максимум три раза).

Функции исполнительных органов власти заключаются в исполнении принятых Парламентом законов и подписанных Президентом.

Рассматривая судебную власть как один из ключевых органов государственной власти, важно отметить, что конституционный суд следит за соответствием вновь принимаемых и действующих законов с Конституцией, с целью не допущения противоречий так как Конституция РФ является основным законом страны. Верховный суд представляет собой высшую судебную инстанцию для других судебных дел. Решение вопросов, связанных с экономической и финансовой сферами и споры в этой области являются функциями высшего арбитражного суда.

Что касается функций Президента, то важно отметить, что он не относится ни к одной из ветвей государственной власти. Согласно Конституции РФ, функциями Президента состоит в контроле и координации функционирования веток государственной власти.

Согласно Конституции РФ, формирование органов государственной власти представляют собой следующий алгоритм:

- граждане РФ избирают Президента и депутатов в Государственную Думу (нижнюю палату Парламента);
- президент назначает представителей Совета Федерации, судей, Правительство РФ.

Согласно федеративному типу государственно-территориального устройства РФ, органы власти подразделяются на центральную (федеральную) власть и местную.

Полномочия указанных органов власти определены Федеративный договор от 31.03.1992

«О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» от 31.03.1992).

Важно отметить, что в составе Российской Федерации 85 субъектов, среди которых: 22 республики, 3 города федерального значения, 9 краев, 1 автономная область, 46 областей и 4 автономных округа. Каждый их субъектов РФ имеет муниципальные образования, которые представлены муниципальными районами и городскими округами, и соответственно, органы местного самоуправления.

Местное самоуправление в Российской Федерации представляет собой форму осуществления народной власти, которая гарантирована и обеспечена Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации.

Другими словами, местное самоуправление – это самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций.

Анализируя трактовку понятия муниципального района, следует понимать под этим понятием несколько поселений или поселений и межселенных территорий, объединенных общей территорией, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением в целях решения вопросов местного значения межпоселенческого характера населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Согласно 131-ФЗ, под городским округом понимается один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Таким образом, органами, которые осуществляют управленческие функции на территории МО, т.е. органами местного (муниципального) управ-

ления являются органы, которые избираются или образуются представительными органами МО и которые наделены автономными полномочиями для удовлетворения потребностей и интересов местного значения.

Согласно ст. 73 Конституции РФ, а также, Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», органы государственной власти субъектов РФ функционируют в каждом из входящих в состав России субъектов и представлены:

- законодательным (представительным) органом;
- высшим исполнительным органом;
- иными органами, образуемыми в соответствии с Конституцией (Уставом) субъекта РФ.

Рассматривая государственный строй в Республике Крым, отметим, что, согласно Конституции РК в регионе органы государственной власти представлены Главой РК, Государственный Совет РК, Парламент РК, Совет министров РК, Правительство РК [4].

На рисунке представлена структура муниципального управления.

Согласно Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) № Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», к местным (муниципальным) органам власти относятся:

- представительный орган МО;
- глава МО;
- местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования);
- контроль-счетный орган МО;
- иные органы и выборные должностные лица.

Что касается органов муниципального управления, то их структура подразделяется на две составляющих: обязательную и необязательную.

В таблице 1 представлена сравнительная характеристика стратегических задач органов государственной и муниципальной власти. Несмотря на то, что органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти, задачи, которые стоят перед ними представляют собой фундамент для достижения глобальных целей государства. Согласно проведенному анализу основных определений и задач, как государственной, так и муниципальной власти, можно сделать вывод, что органы местного управления представляют собой форму публичной власти, имеющую самостоятельность в принятии решений, касающихся жизнедеятельности населения МО.

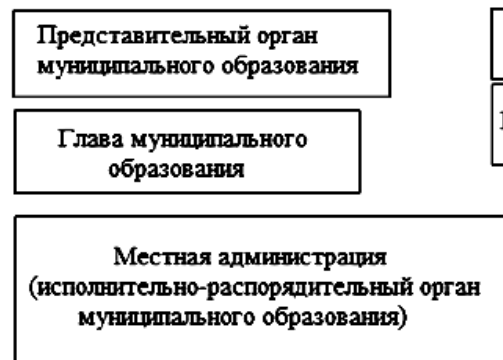
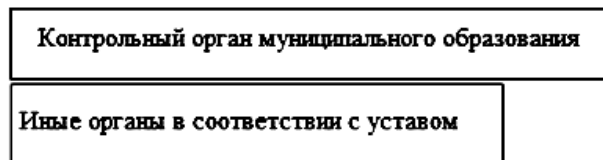
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ**НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ**

Рисунок 1 – Структура органов муниципального управления
Примечание: Составлено авторами по: [2]

Таблица 1

Сравнительная характеристика стратегических задач,
которые стоят перед органами государственной и муниципальной власти

Органы государственной власти	Органы местной (муниципальной) власти
Разработка, утверждение и исполнение федеральных законов РФ	Обеспечение самостоятельности решения населением вопросов местного значения: проведение референдума, сход граждан
Разработка, утверждение и исполнение федерального бюджета РФ	Формирование, утверждение и исполнение местных бюджетов
Контроль за соблюдением исполнения федеральных законов и федерального бюджета РФ	Установление местных налогов и сборов
Обеспечение проведения единой кредитной, финансовой и денежной политики	Владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью
Обеспечение проведения единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии	Установление тарифов на услуги, предоставляемые муниципальными предприятиями и учреждениями, и работы, выполняемые муниципальными предприятиями и учреждениями
Осуществление управления федеральной собственностью	Организационное и материально-техническое обеспечение подготовки и проведения муниципальных выборов, местного референдума, голосования по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования
Осуществление мер по осуществлению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики	Осуществление мер по обороне территории МО и в целом субъекта РФ
Организация международного сотрудничества	Изменение границ МО
Осуществление мер по обеспечению законности, прав и свобод граждан по охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью.	Организация сотрудничества между МО
Осуществление мер по обеспечению экологической безопасности	

Примечание: Составлено авторами по: [9]

Проведенный сравнительный анализ стратегических задач органов государственной и муниципальной власти, свидетельствует о наличии черт, которые говорят о дублировании функций между государственным и муниципальным управлением, и в тоже время, о четком разграничении полномочий, а в некоторых случаях, даже о противоречиях между ними.

Данный факт об общих чертах в управлении порождает недостаточную эффективность функционирования обеих проявлений власти и способствует торможению в развитии как отдельных регионов так и страны в целом. Источником дублирования некоторых функций управления при реализации государственной и муниципальной

политики является неопределенность взаимоотношений между должностными лицами, которые выбраны населением и лицами, назначенными на должность государственными органами.

Снятие такой неопределенности во взаимоотношениях между органами самоуправления и государственными органами на местах должно привести к адекватным решениям в обществе и самоорганизации власти.

Таким образом, основные различия и общность «местного самоуправления» и «государственного управления» на местах лежат в области недостаточно разведенных понятий и нечеткости реализации порученных функций.

Таким образом, следует помнить что основной, как государственной, так и муниципальной власти, является волеизъявление народа, и для того чтобы говорить о перспективах развития и взаимодействия государственной и муниципальной власти следует это помнить.

По мнению некоторых специалистов в сфере государственного и муниципального управления, власть – это определенная функция, которая присуща большинству коллективов людей и обществу в целом [7].

Другие исследователи процессов государственного и муниципального управления свидетельствуют, что власть – это волевое отношение того, кто властвует (властвующего – органы государственной и муниципальной власти) над теми, на кого эта власть направлена (подвластные субъекты – население, представители различных организационно-правовых форм хозяйствования).

Также, существует мнению ученых, что власть – это способ навязать свою волю другим, а также, организационная сила, которая имеет возможность подчинения своей воли определенные социальные группы.

В общем смысле этого слова, большинство населения, не имеющих специальных знаний, характеризуют власть как управление, основанное на принуждении. Также, бытует мнение, что власть есть само государство и органы, которые от его имени осуществляют свою деятельность.

Как известно, власть существует в нескольких ипостасях: социальная власть; государственная власть; политическая власть.

Так, под социальной властью понимают господство и подчинение между субъектами, основанное на принуждении.

Любой общности людей присуща социальная власть: семье, общественной организации, партии, государству, обществу. Социальная власть представляет собой фундамент функционирования социальных групп и институт, обязательная составляющая большинства организаций социальной жизни.

Наличие социальной власти и ее необходимость в жизни общества объясняется совместной общественной деятельностью которая носит осознанный характер, предполагает разделение труда, как следствие – регулирование этого труда и поведения, установление принципов иерархии, а также, формирует механизм взаимодействия как внутри коллективов, так и между собой. Важно отметить, что социальная власть носит принудительный характер. Что касается такой формы власти как государственная власть, то ее можно считать одной из разновидностей социальной власти.

Еще одна форма социальной власти – политическая власть, которая является более широкой категорией в связи с тем, что реализуется не только государством, но и другими субъектами системы общества, таким как, органами местного самоуправления, партиями, политическими движениями, общественными организациями и т.п.

Основными этапами развития государственного управления, и вытекающего из него, местного самоуправления представлены в таблице 2.

Государственное управление как процесс прошел несколько этапов: начиная от времен Древней Руси и заканчивая современным устройством Российской Федерации.

Таблица 2

Основные этапы развития государственного управления в России

Период	Характерные особенности
1 этап IX–XIV вв.	государственное управление Древней Руси
2 этап начало XIV – первая половина XVI в.	государственное и региональное управление в русском (московском) государстве
3 этап конец XVII – начало XX в.	государственное и региональное управление российской империи в период самодержавной монархии
4 этап 1905 – октябрь 1917 г.	государственное управление периода думской монархии и первой республики
5 этап октябрь 1917-декабрь 1921 г.	советская система управления и государственный аппарат
6 этап 1991 – по настоящее время	современный этап государственного управления

Примечание: Составлено авторами по [5]

По мнению автора, в современном понимании «государственное управление» следует рассматривать как комплекс принципов действий органов государственной и муниципальной власти.

Проведенное исследование эволюции государственной власти в России, позволяет сделать вывод о том, что власть – это элемент общественной жизни, придает обществу целостность, обосновывает необходимость управления, является ключевым фактором обеспечения организованности и порядка. В данном контексте, власть представляет собой системообразующий элемент, который обеспечивает жизнеспособность социума.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что целенаправленность общественных отношений, которая способствует развитию общества, обеспечена в первую очередь наличием государственных и муниципальных органов власти.

Литература:

1. Государственное и муниципальное управление : учебное пособие / С.Ю. Наумов и др. М. : Дашков и К, Ай Пи Эр Медиа, 2016. 554 с.
2. Государственное регулирование факторов экономического роста : монография / Т.Ю. Гавриленко и др. М. : Русайнс, 2016. 162 с.
3. *Гулина В.В.* Функции местного самоуправления. Институционально-правовое исследование : монография. М. : Русайнс, 2015. 175 с.
4. *Джагарян А.А.* Становление местного самоуправления в Крыму: проблемы конституционализации / А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян // Вестник Саратовской юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 49–56.
5. *Ерошкин А.К.* Система управления муниципальной собственностью в РФ // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 733–736.
6. *Кабышев С.В.* Конституционная социология реорганизации местного самоуправления в Крыму // Вестник Саратовской юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 23–29.
7. *Котелевская Ю.В.* Состояние бюджетных расходов на федеральном и региональном уровнях: проблемы и перспективы развития / Ю.В. Котелевская, А.П. Телегин, А.А. Домарева // Мирская наука и современное общество : актуальные вопросы экономики, социологии и права: Материалы XII международной научно-практической конференции. 2016. Изд.: ООО «Центр профессионального менеджмента «Академия Бизнеса» (Саратов). С. 48–51.
8. *Котелевская Ю.В.* Система управления государственными закупками в России: особенности функционирования в современных условиях / Ю.В. Котелевская, Д.В. Нехайчук, В.В. Трофимова // Экономика предпринимательства. 2017. № 3–2 (80–2). с. 153–156.
9. *Моисеев А.Д.* Муниципальное управление : учебное пособие / А.Д. Моисеев, Л.В. Московцева, А.С. Шурупова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 159 с.
10. *Скрипкин Г.Ф.* Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и «Государственное и муниципальное управление». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 128 с.

Literature:

1. Public and municipal administration : manual / page Yu. Naumov etc. M. : Dashkov and To, Ai Pi Er of Media, 2016. 554 with.
2. State regulation of factors of economic growth: monograph / T.Yu. Gavrilenko etc. M. : Русайнс, 2016. 162 with.
3. *Reveller V.V.* Funktsii of local government. Institutional and legal research: monograph. M. : Русайнс, 2015. 175 with.
4. *Dzhagaryan A.A.* Formation of local government in the Crimea: constitutionalization problems / A.A. Dzhagaryan, N.V. Dzhagaryan // Messenger of the Saratov legal academy. 2015. № 5 (106). P. 49–56.
5. *Eroshkin A.K.* A control system of municipal property in the Russian Federation // the Young scientist. 2016. № 11. P. 733–736.
6. *Kabyshev S.V.* The constitutional sociology of reorganization of local government in the Crimea // the Messenger of the Saratov legal academy. 2015. № 5 (106). P. 23–29.
7. *Kotelevskaya Yu.V.* Sostoyaniye of the budgetary expenses at the federal and regional levels: problems and prospects of development / Yu.V. Kotelevskaya, A.P. Telegin, A.A. Domareva // World science and modern society : topical issues of economy, sociology and right: Materials XII of the international scientific and practical conference. 2016. Prod.: LLC Center of Professional Management Akademiya Businessa (Saratov). P. 48–51.
8. *Kotelevskaya Yu.V.* A control system of government procurement in Russia: features of functioning in modern conditions / Yu.V. Kotelevskaya, D.V. Nekhaychuk, V.V. Trofimova // business Economy. 2017. № 3–2 (80–2). P. 153–156.
9. *Moiseyev A.D.* Municipal management : manual / A.D. Moiseyev, L.V. Moskovtseva, A.S. Shurupova. M. : UNITY-DANA, 2015. 159 with.
10. *Skripkin G.F.* Interaction of public authorities and local government: the manual for students of higher education institutions, students in «Law» and «The public and municipal administration». M. : UNITY-DANA, 2017. 128 with.

Кочеткова Татьяна Юрьевна
судья,
Первомайский районный суд
г. Краснодара
sud-kochetkova@yandex.ru

Tatiana Yu. Kochetkova
judge, Pervomaisky district court
Krasnodar
sud-kochetkova@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИСКА О ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СПОСОБА ЗАЩИТЫ

THE FORMATION OF A CLAIM FOR ACKNOWLEDGMENT OF OWNERSHIP AS A CIVIL REMEDY

Аннотация. Статья освещает историю становления такого способа защиты, как иск о признании права собственности, начиная с римского права и заканчивая современным правом. Проводится анализ использования термина «признание» в гражданском праве и других отраслях. Отдельно изучается механизм признания в гражданско-правовых способах защиты. Руководствуясь полученными выводами и основываясь на современной судебной практике автор приходит к выводу о существовании такого самостоятельного способа защиты, как признание права собственности.

Ключевые слова: признание; собственность; признание права собственности; защита; способы защиты; вещный иск; признание факта.

Annotation. The article covers the history of the formation of method of protection, as a claim for acknowledgment of ownership from the Roman law and ending with today law. The analysis of the use of the term «acknowledgment» in civil law and other sectors. Separately studied the mechanism of acknowledgment in civil-law ways of protection. On the basis of findings and based on the modern judicial practice the author comes to the conclusion about the existence of such an independent method of protection as acknowledgment of the right of ownership.

Keywords: acknowledgment; ownership; the acknowledgment of the right of ownership; protection; method of protection; in rem claim; the recognition of the fact.

Большинство научных трудов, посвящённых проблематике защиты права собственности посредством иска о признании права, начинаются с анализа ст. 12 ГК РФ и указания на то, что она не знает такого способа защиты, как признание права собственности, и что он выработан исключительно современной судебной практикой. На самом деле проблема признания права, в том числе права собственности имеет давнюю, но совсем не обширную историю.

Ещё римское право давало так называемый *praeiudicialis actio* – вещный иск, направленный на предварительное установление правового или фактического отношения, что должно было оказать влияние на другое, более значимое, судебное разбирательство. Выработало римское право и термин «*praeiudicium*», обозначающий предварительное решение, к которому прибегали для признания такого права или факта. Решением не присуждалось что-либо (*condemnatio*). Оно имело характер *pronunciatio*, что можно перевести, как определяющее, объясняющее, декларирующее и, наконец, признающее [1]. Прямо на существовании исков о признании права указывает известный исследователь в области римского права И.А. Покровский. Рассказывая о составных частях формулы, он указывал, что *condemnatio*, то есть та часть, в которой

указывалось на присуждение (передачу) истцу чего-либо, не была обязательной, «есть случаи, когда истец добивается в настоящий момент только судебного признания своего права ... это признание ему необходимо, по общему правилу, для того, чтобы потом возбудить целый ряд исков и, быть может, против различных лиц» [2].

Первые упоминания об исках о признании в русском праве относятся к концу XIX в. По утверждению А.В. Люшни первое дело такого рода рассмотрено на основании заявления Санкт-Петербургского городского управления к Преображенскому полку о признании права собственности на Преображенский плац. Законодательное же закрепление иск получил в Уставе гражданского судопроизводства Российской империи 1864 г. [3] Примерно в это же время упоминание об исках о признании встречается и в научной литературе. В частности, К.П. Победоносцев писал, что гражданские отношения требуют удостоверения того или иного состояния. Для этого применим специальный иск, который имеет свойство не личного, а вещного, даже если вытекает из обязательственного правоотношения. При этом иск о признании распространяется не только на контрагента в обязательстве, но и третьих лиц [4]. Правда, среди примеров

К.П. Победоносцев не упоминал иска о признании именно права собственности, однако это не означает, что он выпадал из общего ряда.

В советский период субъекты гражданского права также прибегали к признанию права собственности, как способу защиты. Основанием для этого служила ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик [5]. Равно, как и ныне действующая ст. 12 ГК РФ, она перечисляла способы защиты и среди них указывала на такой, так признание права. Первое из подробных описание иска о признании нам удалось обнаружить в учебнике гражданского права конца 60-х годов прошлого века. В нём указывалось, что данный способ защиты применяется, когда «ещё нет прямого нарушения того или другого конкретного права лица, но существование у него этого права оспаривается другим заинтересованным лицом» [6]. Примечательно, что в качестве примера в учебнике указывался спор относительно права собственности на недвижимое имущество. В более поздней учебной литературе, относящейся к середине 70-х годов XX века, уже можно встретить термин «иск о признании права собственности» [7]. Интересно отметить, что о его существовании говорится со ссылкой на судебную практику. В учебниках гражданского права 80-х годов упоминание об иске о признании права собственности эпизодическое. Где-то о нём говорится среди способов защиты вообще и нет в разделах, посвящённых конкретно защите права собственности [8]. В иных источниках иск не описывается вовсе [9]. Такие сведения дают нам почву для вывода о том, что иск о признании права собственности был известен науке советского гражданского права из судебной практики, причём, касающейся споров относительно недвижимого имущества, но не представляли теоретической ценности.

Резкий рост научного интереса к проблематике признания права собственности пришёлся на конец 90-х и начало XXI века. С этого времени мы можем увидеть и научные статьи в периодических изданиях [10] и более основательные работы монографического характера [11], и, наконец, диссертационные исследования [12]. Такой интерес не удивителен, если вспомнить, что именно в эти годы происходили наиболее активные процессы приобретения частной собственности, которые дали серьёзный толчок к формированию судебной практики, а та, в свою очередь, – к развитию научной мысли.

В современном праве признание, как правовое явление довольно распространено. Так, Жилищный кодекс Российской Федерации допускает признание граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий, Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет положение о признании факта отцовства, Трудовой кодекс устанавливает возможность признания трудовых отношений и так далее. Гражданский кодекс РФ (для удобства мы не будем указывать часть и писать просто: ГК РФ) тоже широко использует возможности такого инструмента, как признание. На основании ст. 29 ГК РФ гражданин может

быть признан недееспособным. В силу ст. 203 ГК РФ срок исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

Всё множество упоминаний в ГК РФ термина «признание» можно условно поделить на две части: в одних местах признание упоминается как процесс легитимации, то есть нечто само по себе имеющее правовое значение; в других местах признание появляется как результат юридической техники, чаще всего для замены слова «считается» и ему подобным. К примеру, в ст. 153 ГК РФ говорится, что сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Очевидно, что здесь нет необходимости в специальной процедуре, в результате которой определилось, является то или иное действие сделкой или нет, поэтому признание в этом месте появилось как синоним слова «считается». Напротив, в ст. 166 ГК, где речь идёт об оспори- мых сделках, признание выступает уже как процедура, направленная на вполне определённый результат – лишение сделки юридической силы. Ничтожные сделки мы не берём во внимание, так как они недействительны без признания в качестве таковых.

Признание гражданского права следует отличать от признания факта, имеющего гражданско- правовое значение. Различие состоит в направленности и наличии спора. Признание права порождается спором и нацелено на констатацию существования правоотношения. Признание факта обращено на установление обстоятельств объективной действительности, которые способны повлиять на динамику гражданского правоотношения и не связано со спором. На практике данные требования могут сочетаться. Как правило, признание (установление) факта предшествует и помогает в деле признания права. Например, лицо сперва может обратиться с заявлением об установлении факта владения недвижимым имуществом, а затем с иском о признании права собственности на него. Признание (установление) каких-либо фактов может осуществляться и по делу о признании права, как юридически значимое обстоятельство. Например, установление того же факта владения непременно будет производиться судом по иску о признании права собственности. Бытует мнение, что признание права собственности в любом случае опосредовано установлением тех или иных юридических фактов [13] и отрицать его мы не станем.

Если же перейти непосредственно к способам защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), то и здесь мы обнаружим неоднократное упоминание термина «признание». Так, защита гражданских прав осуществляется: признанием права; признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки; признания недействительным решения собрания; признания недействительным акта государственного органа или

органа местного самоуправления и другими способами. Как видно из приведённой нормы, все способы защиты, связанные с признанием, имеют отрицательное значение, то есть направлены на устранение силы того или иного юридического факта. Исключение составляет лишь признание права, имеющее на первый взгляд созидательное начало. На самом деле возможны и отрицательные иски о признании, например, о признании зарегистрированного права отсутствующим.

Несмотря на то, что в ст. 12 ГК РФ указывается на признание любого права, в науке и практике распространено признание именно права собственности. Окончательное или, как пишут С.В. Потапенко и А.В. Зарубин, – «легальное» [14] закрепление иска о признании права собственности, как гражданско-правового способа защиты произошло в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23 июня 2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [15]. Практически в каждом из его разделов упоминается данный способ защиты. Так, в разделе, посвящённом спорам, связанным с применением правил о приобретательной давности, говорится о том, что лицо, считающее, что стало собственником имущества в силу приобретательной давности, вправе обратиться в суд с иском о признании за ним права собственности (п. 19). В разделе, освещающем самовольные постройки, указано, что право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка (п. 25). Наконец, в той части, где речь идёт о спорах по поводу недвижимого имущества, закреплено положение, согласно которому лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности (п. 58).

Иски, направленные на предварительное установление правового или фактического отноше-

Литература:

1. *Дыдынский Ф.М.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. 2-е изд., испр. и доп. Варшава, 1896. С. 351, 365.
2. *Покровский И.А.* История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Петроград, 1917. С. 107.
3. *Люшня А.В.* Правовая природа судебного признания права собственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. М., 2007. № 5. С. 48–58.
4. *Победоносцев К.* Курс гражданского права: Вотчинные права. Ч. 1. С.-Пб., 1896. С. 117.
5. Закон СССР от 08 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Со-

ния, были известны ещё римскому праву. Их рассмотрение завершалось не присуждением имущества, а признанием права или факта. Иски о признании права знала и Российская дореволюционная судебная практика, а также наука. Первые упоминания об этом приходятся на вторую половину XIX века. Несмотря на стремление к отказу от права частной собственности, социалистическое гражданское право тоже предусматривало признание права, в том числе права собственности, как способ защиты. Интересно отметить, что впереди двигалась судебная практика, а наука только реагировала на это движение. С развитием собственнических отношений конца 90-х годов тенденция изменилась, и наука гражданского права начала активно осваивать такой способ защиты этих отношений, как признание права.

Признание права, как частно-правовое явление, известно многим отраслям права: жилищному, семейному, трудовому и, конечно-же, гражданскому. ГК РФ использует термин «признание», как указание на процесс легитимации либо как синоним слова «считается». Признание права следует отличать от признания факта. Признание права рождается в споре и нацелено на констатацию существования правоотношения. Признание факта обращено на установление обстоятельств объективной действительности, которые способны повлиять на динамику гражданского правоотношения и не связано со спором.

В наши дни признание права, как способ защиты преимущественно применяется, как правило, для устранения сомнений относительно принадлежности имущества на вещном праве, в частности, праве собственности. Окончательное закрепление иска произошло в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23 июня 2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». С этого момента мы можем без сомнений утверждать о наличии такого способа защиты, как признание права собственности и его самостоятельной гражданско-правовой природе.

Literature:

1. *Dydynsky F.M.* The Latin-Russian dictionary to sources of the Roman right. 2nd prod., испр. and additional Warsaw, 1896. Page 351, 365.
2. *Pokrovsky I.A.* History of the Roman right. 3rd prod., испр. and additional Petrograd, 1917. P. 107.
3. *Lyushnya A.V.* Legal nature of judicial recognition of the property right // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. M, 2007. № 5. Page 48–58.
4. *Pobedonostsev K.* Course of civil law: Patrimonial rights. P.1. S.-PB., 1896. P.117.
5. Law of the USSR of December 08, 1961. «About the statement of Principles of the civil legislation of

юза ССР и союзных республик» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР, 1961, № 50, ст. 525.

6. Советское гражданское право : учебник / Л.Б. Гальперин, М.Я. Кириллова, В.И. Кофман, О.А. Красавчиков, и др.; Под ред.: Красавчиков О.А. М., 1968. Т. 1. С. 104.

7. Советское гражданское право : учебник / Н.А. Безрук, О.В. Бойков, М.И. Брагинский, В.Г. Вердников, и др.; Отв. ред.: В.А. Рясенцев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975. Т. 1. С. 418. Автор главы Г.И. Ческис (совместно с В.А. Рясенцевым).

8. Советское гражданское право : учебник / К.К. Лебедев, В.А. Мусин, Е.А. Поссе, А.Г. Потюков, и др.; Отв. ред.: В.Т. Смирнов, Ю.К. Толстой, А.К. Юрченко. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1982. Ч. 1. С. 192, 307–317. Автор главы Т.А. Фадеева.

9. Советское гражданское право : учебник / Ч.Н. Азимов, М.И. Бару, В.И. Борисова, С.Д. Волошко, и др.; Под общ. ред.: В.Ф. Маслов, А.А. Пушкин. 2-е изд., перераб. и доп. Киев, 1983. Ч. 2. С. 251, 273–282.

10. *Скрыль С.М.* К вопросу о публично-правовом характере исков о признании права собственности и допустимости их разрешения третейскими судами // Третейский суд. С.-Пб., 2007. № 5 (53). С. 118–121.

11. *Скворцов О.Ю.* Иски о признании права собственности в судебно-арбитражной практике. Приложение к журналу Юридический бюллетень предпринимателя. М., 1997. С. 128.

12. *Серегина О.Л.* Иск о признании права собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 27.

13. Гражданское право : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 030900 «Юриспруденция» : в 2 ч. / Барков А.В. и др.; под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. Москва, 2012. С. 458. Автор главы В.П. Камышанский.

14. *Зарубин А.В.* Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / А.В. Зарубин, С.В. Потапенко; Под ред.: С.В. Потапенко. М., 2013. С. 195–196.

15. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23 июня 2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. № 109. 21 мая 2010 г.

USSR and federal republics» (I have become invalid) // Sheets of VS USSR, 1961, № 50, Art. 525.

6. Soviet civil law : textbook / L.B. Galperin, M.Ya. Kirillova, V.I. Coffman, O.A. Krasavchikov, etc.; Under the editorship of: Krasavchikov O.A. M., 1968. T. 1. P. 104.

7. Soviet civil law : textbook / N.A. Bezruk, O.V. Boykov, M.I. Braginsky, V.G. Verdnikov, etc.; Отв. edition: Ryasentsev V.A. 2nd prod., reslave. and additional M., 1975. T. 1. P. 418. The author of chapter G.I. Cheskis (together with V.A. Ryasentsev).

8. Soviet civil law : textbook / K.K. Lebedev, V.A. Musin, E.A. Posse, A.G. Potyukov, etc.; Отв. edition: V.T. Smirnov, Yu.K. Tolstoy, A.K. Yurchenko 2nd prod., испр. and additional. L., 1982. P. 1. P. 192, 307–317. Author of chapter T.A. Fadeyeva.

9. Soviet civil law : textbook / Ch.N. Azimov, M.I. Bara, V.I. Borisova, S.D. Voloshko, etc.; Under a general edition: V.F. Maslov, A.A. Pushkin 2nd prod., reslave. and additional Kiev, 1983. P. 2. P. 251, 273–282.

10. *Skryl S.M.* To a question of public character of claims for recognition of the property right and admissibility of their permission by the arbitration courts // the Arbitration court. Page-PB., 2007. № 5 (53). P. 118–121.

11. *Skvortsov O.Yu.* Claims for recognition of the property right in judicial and arbitration practice. Annex to the magazine Legal bulletin Businessman. M., 1997. P. 128.

12. *Seryogina O.L.* Claim for recognition of the property right : avtoref. yew. ... edging. юрид. Sciences / Volgograd, 2007. Page 27.

13. Civil law: the textbook for students of the higher educational institutions studying in the Law direction 030900: in 2 h / Barkov A. V., etc.; under the editorship of V.P. Kamyshansky, N.M. Korshunov, V.I. Ivanov. Moscow, 2012. Page 458. Author of chapter V.P. Kamyshansky.

14. *Zarubin A.V.* The reference book of the judge on disputes about property rights / A.V. Zarubin, S.V. Potapenko; Under the editorship of: S.V. Potapenko. M., 2013. P. 195–196.

15. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 10, the Plenum of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation № 22 of April 29, 2010 (an edition of June 23, 2015) «About some questions arising in jurisprudence at settlement of disputes, connected with protection of the property right and other real rights» // the Russian newspaper. № 109. May 21, 2010.

Кубиков Денис Михайлович
аспирант Финансового университета
при Правительстве РФ,
Департамент правового регулирования
экономической деятельности
kubi4@yandex.ru

Denis M. Kubikov
Graduate student of Financial University
under the Government of Russian Federation,
Department of legal regulation of
economic activities
kubi4@yandex.ru

Особенности законодательного регулирувания различных видов соглашений о порядке удовлетворения имущественных требований кредиторов к должнику

FEATURES OF LEGISLATIVE REGULATION OF VARIOUS TYPES OF AGREEMENTS ON THE ORDER OF SATISFACTION OF REQUIREMENTS OF CREDITORS TO THE DEBTOR

Аннотация. Автором исследуются особенности правового регулирования различных видов соглашений о порядке имущественных требований кредиторов к должнику в праве Российской Федерации. Рассматриваются различия в содержании заключаемых соглашений, в частности межкредиторских и мировых соглашений, предъявляемые требования к их заключению, субъектному составу. Изучается вопрос о предпочтительных сторонах в регулировании различных видов соглашений с точки зрения сторон и выбора ими предпочтительного соглашения.

Ключевые слова: межкредиторские соглашения, мировое соглашение, банкротство, соглашения о порядке имущественных требований кредиторов к должнику.

Annotation. The author examines the features of legal regulation of various types of agreements on the order of property claims of creditors to the debtor in the law of the Russian Federation. Differences in the content of concluded agreements, in particular intercreditor and peace agreements, requirements for their conclusion, subject composition are considered. The issue of preferred sections in regulating various types of agreements from the point of view of the parties and choosing their preferred agreement is being studied.

Keywords: intercreditor agreements, settlement agreement, bankruptcy, agreements on the order of property claims of creditors to the debtor.

При заключении соглашений, затрагивающих порядок удовлетворения имущественных требований в долговых отношениях, стороны заинтересованы в наличии возможностей защиты своих прав и соблюдении своих интересов. Разные виды соглашений о порядке удовлетворения имущественных требований предполагают различные способы их регулирования, и данные различия закреплены законодательно.

Мировое соглашение представляется наиболее глубоко урегулированным из рассматриваемых соглашений, поскольку имеет законодательно закрепленный порядок заключения, довольно сильно ограничивающий возможности сторон при заключении данного вида соглашения и часто представляется «... наиболее экономически выгодным способом предупреждения банкротства должника, восстановления его платежеспособности, урегулирования имущественных разногласий с кредиторами» [1]. Наиболее простым представляется внесудебное мировое соглашение, рассматриваемое большинством исследователей как сделка, заключаемая между сторонами обязательства, в резуль-

тате которой стороны изменяют существующее обязательство, устанавливая новые условия прекращения спора, предполагающие совместные уступки. Часть правоведов предлагает термин «мировая сделка» для именованя данного вида соглашений, несмотря на отсутствие законодательного закрепления и обобщение под понятием «мировое соглашение». К мировой сделке применяются общие правила, специально регулирования законодателем не предусмотрено. Для заключения мирового соглашения необходимо лишь достижение согласия между сторонами по его условиям.

Мировое соглашение может заключаться как до судебного разрешения спора, так и во время судебного процесса, однако в данном случае к нему предъявляются иные требования. Заключение мирового соглашения возможно на любой стадии процесса до вынесения решения судом. При достижении сторонами договоренности о заключении мирового соглашения и приходу к единому мнению о его условиях, стороны представляют соглашение на утверждение суду. В обязанности суда входит изучение мирового

соглашения на предмет нарушения им законодательства, а также прав третьих лиц, и при соответствии соглашения предъявляемым к нему требованиям утверждает его. Суд, утверждая мировое соглашение, должен принимать во внимание, в каких целях оно заключается – для возобновления платежеспособности должника, включая удовлетворение требований всех кредиторов, как это определил законодатель, либо с целью обеспечивать неоправданные преимущества лишь определенной группе кредиторов [2].

Несмотря на отсутствие законодательных требований к мировому соглашению, фактически имеется ряд условий, соблюдение которых необходимо для заключения данного соглашения. Как следует из вышесказанного, первым требованием, предъявляемым к мировому соглашению является соблюдение прав третьих лиц. Вторым условием, которому должно соответствовать мировое соглашение, является определенность и точность его положений – условия мирового соглашения не должны предполагать двоякого толкования.

Изучая регулирование соглашений о порядке удовлетворения имущественных требований и непосредственно мировые соглашения, необходимо рассмотреть особенности заключения мирового соглашения в процедуре банкротства, поскольку данный вид мировых соглашений является наиболее подробно урегулированным в отечественном законодательстве, и предусматривает ряд требований и определенный порядок его заключения. Для изучения вопроса о различиях рассматриваемых соглашений необходимо провести сравнительный анализ законодательного регулирования отдельных их положений.

Первым пунктом анализа межкредиторских соглашений является их содержание. Так, в отличие от мировой сделки и обычного мирового соглашения, к мировому соглашению в процедуре банкротства предъявляются законодательные требования о его содержании. Обязательными являются положения о порядке и сроках исполнения обязательств должника. Допускается также включение в соглашение положений о прекращении обязательств сторон (если при этом не нарушаются права иных кредиторов), изменении сроков и порядке платежей. В иных соглашениях содержание определяется сторонами – так, в межкредиторском соглашении предусмотрены только некоторые из возможных условий – очередность получения исполнения или же его непропорциональности. В соглашение, однако, могут включаться иные условия. Например, Гуреев В.А. указывает «обязанности по своевременному информированию о действиях должника в части исполняемых им обязательств, поведение кредиторов в отношении должника, включая запрет на совершение действий, направленных на получение исполнения от должника в нарушение условий указанного соглашения, иные условия. Кроме того, стороны способны предусмотреть в соглашении также и последствия несоблюдения его положений» [3].

Вторым элементом является субъектный состав соглашения. Соглашения о порядке удовлетво-

рения имущественных требований по субъектам можно разделить на два вида:

- соглашения между кредиторами;
- соглашения между должником и кредитором.

Несмотря на то, что большинство соглашений подразумевает участие как стороны должника, так и кредитора, в ряде соглашений участие должника ограничено. К таковым соглашениям относятся межкредиторские соглашения. Некоторые соглашения предполагают вариативность – должник может являться частью соглашения, однако это не является обязательным, поскольку законодательство предусматривает данную возможность. В межкредиторском соглашении должник не является обязательным субъектом, однако его участие допускается. Как отмечается исследователями, «соглашения не будут распространяться на иных кредиторов, имеющих требования к должнику, но не вступивших в объединение на основании межкредиторского соглашения» [4]. В мировом соглашении, заключаемом в процедуре банкротства, имеются свои особенности субъектного состава. Сторона кредиторов представлена общим собранием кредиторов, которое и принимает решение о заключении мирового соглашения, исходя из интересов большинства участников данного собрания. Сторона должника представлена, в зависимости от субъектного состава обязательств, либо гражданином, либо лицом, имеющим право на представление соответствующих интересов. Соответственно, в мировом соглашении при банкротстве интерес стороны кредитора направлен на соблюдение интересов всех конкурсных кредиторов в целом, в то время как в иных соглашениях каждое лицо, в нем участвующее, преследует в основном свои интересы. При этом, как было упомянуто ранее, многие правоведы уделяют внимание необходимости соблюдения принципа равенства кредиторов. Также мировое соглашение ограничивает заключение соглашений о новации, отступном и иных способов прекращения обязательств, поскольку они «... с точки зрения ГК РФ предполагают заключение специального соглашения между должником и кредитором. Подобных двусторонних соглашений Закон о банкротстве не допускает – это поставило бы одних кредиторов в привилегированное положение перед другими» [5].

Как еще один элемент для сравнения можно рассматривать особенности исполнения соглашений. В рассматриваемых соглашениях исполнение происходит по общим правилам исполнения обязательств, однако у некоторых соглашений присутствуют свои особенности. Так, регулирование межкредиторского соглашения уделяет внимание очередности получения исполнения и передаче исполнения надлежащему кредитору в случае нарушения соглашения. Мировое соглашение, в свою очередь, акцентирует внимание на прекращении его действия, например в результате отмены решения об утверждении мирового соглашения или последствиях его неисполнения. Необходимо отметить, что при неисполнении мирового соглашения кредиторы обретают право на получение исполнительного

листа без расторжения мирового соглашения, что позволяет должнику сохранить установленное соглашение в своих интересах.

При изучении законодательства, регулирующего соглашения о порядке имущественных требований кредитора к должнику, можно сделать вывод, что в настоящий момент имеются различия в регулировании соглашений. Мировое соглашение урегули-

ровано более полно, чем межкредиторское, однако и используется реже. В тоже время в мировом соглашении у сторон имеется меньше возможностей для изменения соглашения под нужды в конкретном случае, поскольку имеются довольно жесткие рамки. Иные соглашения же имеют больше возможностей для сторон, но имеющиеся пробелы в праве приводят к коллизиям и конфликтам сторон по определенным вопросам.

Литература:

1. *Эпштейн С.* Основные проблемы заключения внесудебного мирового соглашения в отечественном и зарубежном законодательствах. // Пробелы в российском законодательстве. 2010 № 2.
2. *Химичев В.А.* Судейское усмотрение в делах о банкротстве // Вестник ВАС РФ – 2004 № 1.
3. *Гуреев В.А.* Соглашение кредиторов о порядке удовлетворения их требований к должнику - новелла гражданского законодательства. // Законы России: Опыт, анализ, практика. 2016 № 2
4. *Харитонов Ю.С.* Межкредиторские соглашения в Российской доктрине и практике // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79).
5. *Эпштейн С.* К вопросу об условиях заключения мирового соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) // Бизнес в законе. 2011. № 5.

Literature:

1. *Epstein S.* The main problems of the conclusion of the extrajudicial settlement agreement in domestic and foreign legislations // Gaps in the Russian legislation. 2010 № 2.
3. *Himichev V.A.* A judicial discretion in cases of bankruptcy // Vestnik of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation – 2004 № 1.
2. *Gureev V.A.* The agreement of creditors on an order of satisfaction of their requirements to the debtor - the short story of the civil legislation // Laws of Russia: Experience, analysis, practice. 2016 № 2
4. *Kharitonovs J.S.* Intercreditor agreements in the Russian doctrine and practice // Actual problems of Russian law. 2017 № 6 (79).
5. *Epstein S.* To a question on conditions of the conclusion of the agreement of lawsuit in business about an inconsistency (bankruptcy) // Business in law. 2011. № 5

Сыздыкова Жибек Сапарбековна
 доктор исторических наук, профессор,
 заведующий кафедрой стран
 Центральной Азии и Кавказа,
 Институт стран Азии и Африки,
 Московский государственный университет
 имени М.В. Ломоносова
 zhsapar@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ РАССЕЛЕНИЯ И РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ ТУРКМЕН СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается динамика расселения и изменения численных показателей туркмен Ставропольского края России. Автор отмечает, что к настоящему времени отсутствуют комплексные исследования по истории формирования и дальнейшего развития туркменской диаспоры на юге России, что актуализирует исследование истории туркмен и создание целостной модели их истории в контексте истории других народов России, тем более, что советский период не придавалось достаточного внимания представителям союзных республик в Российской Федерации, так как работала концепция единой общности – советского народа. Отмечается, что первые туркмены покинули свою историческую родину, под воздействием внешних сил и появились на территории Ставропольского края в XVII в. Подчеркивается, что туркмены пережили трудный переход от кочевого образа жизни к оседлому. Обращается внимание на то, что туркмены Ставрополя все же сохранили основные ареалы своего проживания. Делается вывод, что не намного, но, все же произошел рост туркменского населения в Ставропольском крае России.

Ключевые слова: ставропольские туркмены, племена, численность, район, семья.

Около полумиллиона туркмен в настоящее время проживает за пределами исторической родины, в таких странах как Узбекистан, Иран, Таджикистан, Ирак, Сирия, Иордания, Турция. Туркменская диаспора также проживает и на территории России, в частности, Северном Кавказе и Поволжье. Туркмен, проживающих в Ставрополье, по месту расселения называют ставропольскими. Появление туркмен на территории нынешнего Ставропольского края обусловлено тем, что в 1609 г. при приходе калмыков в прикаспийские степи, часть покорённых ими мангышлакских туркмен была причислена к телохранителям торгутского хана Хо-Урлюка. Письменные источники фиксируют присутствие

Zhibek S. Syzdykova
 doctor of historical sciences, professor,
 head of the department of the countries of
 Central Asia and Caucasus,
 Institute of the countries of Asia and Africa,
 Lomonosov Moscow State University
 zhsapar@rambler.ru

TO A QUESTION OF DYNAMICS OF RESETTLEMENT AND GROWTH OF NUMBER TURKMEN OF THE OLD POLISH EDGE

Annotation. In this article, the dynamics of resettlement and the change in the numerical indicators of the Turkmen of the Stavropol Territory of Russia are considered. To date, there are no comprehensive studies on the history of the formation and further development of the Turkmen diaspora in southern Russia, which actualizes the study of the history of Turkmen and the creation of an integral model of their history in the context of stories of other peoples of Russia. Moreover, the Soviet period was not given enough attention to the representatives of the Union republics in the Russian Federation, since the concept of a single Soviet nation was working. It is noted that the first Turkmen left their historical homeland, under the influence of external forces and appeared on the territories of the Stavropol Territory in the 17th century. It is emphasized that the Turkmen experienced a difficult transition from nomadic to sedentary. Attention is drawn to the fact that the Turkmen of Stavropol have nevertheless retained the main areas of their residence. It is concluded that not much, but, nevertheless, there was an increase in the Turkmen population in the Stavropol Territory of Russia.

Keywords: Stavropol Turkmen, tribes, number, district, families.

туркмен на правом берегу Волги с середины XVII в. А в 1771 г. часть переселившихся за Волгу туркмен, была насильно уведена мятежным калмыцким ханом Убуши в Китай, который протестовал против усиления царской власти в низовьях Волги. Но, перейдя р. Урал 340 туркменских семей бежали и возвратились назад в те-перь уже российские владения, где власти позволили им кочевать от Волги до р. Кумы на Северном Кавказе. В 1793 г. Мангышлак покинула вторая волна эмигрантов-туркмен. Но представители этой волны до Ставрополя уже не дошли и осели в дельте Волги. Таким образом сформировались астраханские туркмены. Их ряды продолжали пополняться отдельными ко-

чевыми туркменскими семьями вплоть до 1813 г., когда в низовьях Волги поселилась последняя группа из 600 мангышлакских туркмен. Согласно данным русских архивов первые туркменские поселения появились в середине XVII в. на Кавказе, в Ставропольском крае. «к 1653 г. – тогда более 1665 семейств покинули под давлением хивинских ханов п-ов Мангышлак и прилегающие к нему степные районы, где располагались их прежние кочевья. Преодолев реки Эмбу, Урал и Волгу, несколько родовых групп туркмен вошли в пределы Северо-Западного Прикаспия, где стали вести кочевую жизнь, присоединившись к калмыкам, освоившим эти места ранее» [4, с. 5] Пребывание туркмен продолжалось из закаспийских земель в XVIII и в начале XIX вв. С течением времени всесторонние контакты туркмен с калмыками, ногайцами и татарами отразились на их материальной культуре, а также оказали влияние на язык и антропологический облик представителей этого народа. В то же время, ставропольские туркмены вполне сохранили свою этническую идентичность, основанную на четком родовом делении, которое сформировалось задолго до переселения. Костяк группы составляли части туркменских народностей човдор, игдор, соинаджи, каждая из которых, в свою очередь, имела шестиричное деление на более мелкие роды. К этим родам впоследствии примкнули туркменские и нетуркменские группы казаяклы, абдал, казылар и киргиз [1, с. 86]. В Ставропольской губернии в 1825 г. было образовано Туркменское приставство, указ об учреждении которого определил туркменам административно очерченную территорию для проживания. С начала XIX в. проводилась политика закрепления этого населения на земле и перевода его на оседлый образ жизни. В 1860-е гг. стали возникать полуседлые туркменские аулы, первым был основан Большой Барханчак, немного позднее образовались Малый Барханчак, Куликовы Копани, Кучерлы, Чур, Шарахалсун, Озек-Суат, Башанта и др. По данным на 1873 г., в Туркменском приставстве проживало 17 865, а на 1880 г. – 20 291 туркмен [4, с. 21]. В тот период правительство стало переселять в образуемые аулы татар, которые должны были способствовать интеграции туркмен в государственную систему и культурную жизнь Российской империи. Благодаря татарам и русским переселенцам, в туркменской степи Ставрополя распространялись оседлый образ жизни и земледелие. Со второй половине XIX в. в оседлых аулах появились мечети, а при них мектебы, где велось двухгодичное обучение туркменских мальчиков. Кроме того, в этот период были созданы министерские годовые училища в селах Летняя и Зимняя Ставки. В начале XX в. во всех аулах уже имелись школы, в обеих Ставках были построены новые училища, преподавание в учебных заведениях велось как на туркменском, так и на русском языках. В первые десятилетия XX в. начался тяжелый для туркмен процесс массового перехода на оседлый образ жизни, при этом сокращались площади пастбищных угодий, поголовье и качество скота. Все это привело к падению их численности, которая еще более сократилась вследствие голода и разрухи в период Гражданской войны. По данным А.В. Курбанова число

ставропольских туркмен упало с 15 356 чел. в 1907 г. до 8311 в 1920 г. и до 4999 по переписи 1926 г.; по другим данным, с 16 000 чел. в 1901 г. до 11 653 в 1926 г [6, с. 22] В 1917 г. вместо Туркменского приставства был создан Туркменский уезд, который в 1920 г. преобразовали в Туркменский район с центром в с. Летняя Ставка, подчинявшимся Благодарненскому уезду. В 1956 г. в ходе кампании по укрупнению районов Туркменский район ликвидировали, а в 1970 г. он был вновь восстановлен, однако в границах, далеко не совпадающих с территорией расселения ставропольских туркмен. В настоящее время на территории района проживает около трети всех представителей этой этнической группы. В Ставропольском крае, по данным службы государственной статистики на 2002 г., туркмен насчитывается почти 14 тыс. чел. Значительный прирост численности относительно предыдущей переписи связан не только с высокой рождаемостью в этой группе населения, но, видимо, и с обострением этнического самосознания: реально к туркменам причисляют себя многие выходцы из смешанных туркменско-русских семей, чьи родители в свое время записали как русских по национальности.

В подавляющем большинстве туркмены – сельские жители, занятые в различных сферах производства: хлебопашестве (где работает более половины представителей этого народа, в т.ч. в составе коллективных и частных фермерских хозяйств), животноводстве, среди них значительна также доля сельской интеллигенции: учителя, врачи, работники административных органов. Туркмены компактно проживают примерно в двадцати аулах, относящихся к пяти районам Ставропольского края. В Туркменском районе: Чур, Маштак-Кулак, Сабан-Антуста, Шарахалсун, Куликово-Копани (Яны-чуй), Летняя Ставка, Кендже-Кулак, Кучерлы, в Нефтекумском районе: Озек-Суат, Джеклы, Махач (Джелал), Гаипгач, Мирзабек, Махмуд-Мектеб, Кок-Бас; в Ипатовском районе: Малый и другие Барханчаки, Юсуп Гулак; в Благодарненском районе: аул Эдильбай, в Аргзинском районе аул Башанта. Среди этих аулов около половины – практически моноэтничны, в них доля туркмен превышает 90 %, в т.ч. аулы Шарахалсун, Сабан-Антуста, Эдельбай, Чур, Озек-Суат. Численность населения Кучерлинской сельской администрации на 2007 г., по данным похозяйственных книг, составляет 3414 чел., из них туркмен – 1979 чел., в ауле Шарахалсун проживает 1639 чел., более 95 % – туркмены. В с. Кучерлы – 1525 чел., из них около 20 туркменских семей, т.е. более 300 чел. [3, с. 17]. Относительно высокая рождаемость у туркмен, их сплоченность и привязанность к месту своего проживания, сравнительно незначительный отток в города и другие районы обуславливает постоянное увеличение их доли в составе населения. Так, если в 2001 г. из общей численности населения Туркменского района в 29,3 тыс. чел. русские края и составляли 74 %, а туркмены – 15 %7, то по переписи 2002 г., русских насчитывалось 66,3 %, а туркмен –17,4 %, к 2007 г. численность населения района еще более сократилась, до 26 700 чел., за счет отъезда русского населения, а доля туркмен при этом воз-

росла [5, с. 11]. В Ставрополье было зарегистрировано пять туркменских национально-культурных центров: Туркменская национально-культурная автономия (с. Летняя Ставка), Туркменские культурные центры (аулы Сабан-Антуста, Башанта, Эдельбай), Туркменский национально-культурный центр «Ватан» (с. Озек-Суат).

Таким образом, можно констатировать, что в Ставропольском крае происходит рост туркменского населения и к 2010 г. оно достигло 15048 чел., тогда как 2002 г. когда численность туркмен со-

ставляла 13 900 чел. Два основных ареала расселения сохраняется прежний. Первый – населенные пункты Туркменского (4373 чел.), соседних Арзгирского (540 чел.) и Благодарненского (1392 чел.) районов. Второй – Нефтекумский район (5116 чел) [2, с. 81]. Стоит отметить, что на территории Туркменского района – единственного в Российской Федерации, названного по имени одного из титульных народов бывшей советской республики, а ныне – независимого государства, проживают представители более чем двадцати национальностей.

Литература:

1. *Бентковский Н.В.* Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии, вып. II, отд. I. Ставрополь, 1869.
2. *Брусина О.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., ИЭА РАН. 2008. Вып. 202.
3. *Брусина О.И.* Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры. 2012. № 1.
4. *Володин А.А.* Трухменская степь и трухмены // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. Отд. 1.
5. *Кемпинский Э.В.* История Туркменского района Ставропольского края: социально-экономические и политические процессы. Ставрополь, 2006.
6. *Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб. : Изд. отд. Языкового центра СПб ГУ, 1995.

Literature:

1. *Bentkovsky N.V.* Trukhmyan, wandering in the Stavropol province // the Collection of statistical data on the Stavropol province, the issue II, отд. I. Stavropol, 1869.
2. *Brusina O.I.* Stavropol Turkmens. Ethnocultural development, social customs, processes of adaptation and integration // Researches on applied and urgent ethnology. M., IEA RAS. 2008. Issue 202.
3. *Brusina O.I.* Ethnic group in a multinational environment: field researches among the Turkmen of the South of Russia // Diasporas. 2012. № 1.
4. *Volodin A.A.* Trukhmenskaya the steppe and trukhmena // the Collection of materials for the description of areas and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1908. Issue 38. Otd. 1.
5. *Kempinsky E.V.* History of the Turkmen region of Stavropol Krai: social and economic and political processes. Stavropol, 2006.
6. *Kurbanov A.V.* Stavropol Turkmens. Historical and ethnographic sketches. SPb. : Prod. отд. Language center of SPb GU, 1995.

Литвяк Лариса Геннадиевна

кандидат юридических наук,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
Milena.555@mail.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
Milena.555@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

■ ■ ■

Аннотация. коррупция является острой проблемой, стоящей перед нашим государством. Она не только находится в тесной связи с организованной и экономической преступностью, как это усматривается из аналитических документов, прогнозов и программ, посвященных борьбе с общественно опасными явлениями, но и в целом оказывает негативное воздействие на судьбу государства, общества, каждого гражданина. Коррупция представляет угрозу национальным интересам государства, поскольку ее развитие ведет к ослаблению позиций в политической и экономической областях. В статье рассматриваются историко-правовой опыт развития законодательства по борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, история, законодательство, борьба.

■ ■ ■

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция трактуется как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Не вызывает сомнения утверждение о том, что вопрос противодействия коррупции – один из вечных вопросов организации государства. Коррупция, как в мировых масштабах, так и в мас-

Larisa G. Litvyak

candidate of legal Sciences,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Milena.555@mail.ru

Syuzanna K. Abramyan

candidate of legal Sciences,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Milena.555@mail.ru

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON COMBATING CORRUPTION

■ ■ ■

Annotation. corruption is a serious problem facing our state. It not only is closely linked with organized and economic crime, as it is seen from analyses, forecasts and programmes on the fight against socially dangerous phenomena, but in General has a negative impact on the fate of the state, society and every citizen. Corruption is a threat to the national interests of the state, because its development leads to a weakening in political and economic fields. The article discusses the legal and historical experience of development of legislation on combating corruption.

Keywords: corruption, history, law, wrestling.

■ ■ ■

штабах нашей страны, известна с древнейших времен. Истоки этого явления следует искать в первобытном обществе. Во времена язычества наши предки приносили жертвы многочисленным богам, рассчитывая на их милость и покровительство. С развитием общества подарки и подношения стали подносить первым служителям культа, «близким к богам» – жрецам, шаманам, знахарям, провидцам, колдунам и ведьмам.

С возникновением государств и появлением профессиональных чиновников обычай подносить подарки власть имущим, тем, от кого зависели судьбы людей, стал распространяться на них. По мере развития государственности, возникновения серьезных бюрократических аппаратов увеличивались и масштабы дарений и подношений.

Укоренился обычай делать чиновникам подарки, чтобы добиться их расположения и выполнения своих просьб. Высшие чины начали стремиться

использовать своё положение для обогащения и укрепления своего влияния. И хотя правители государств издавна стремились сократить масштабы взяточничества, принимая соответствующие меры (как правило, это были наказания, отличавшиеся особой жестокостью и изощрённостью), победить коррупцию не удавалось. Это объяснялось тем, что, по сути, вся борьба с коррупцией сводилась к борьбе с чиновниками-конкурентами, которые брали взятки и посягали на имущество правителя.

Коррупция в России, как и в любой другой стране, имеет свои корни и свою специфику. В нашей стране исторически различали получение неправомερных преимуществ за совершение законных действий (мздоимство) или незаконных (лихоимство) [1, с. 39].

В период объединения русских земель вокруг Москвы была в ходу система «кормлений» – порядок, при котором наместники и волостели (владельцы), получившие власть на местах, за выполнение своих обязанностей забирали себе часть налогов с населения. Это, разумеется, также создавало благоприятную почву для развития коррупции.

Каждый из русских царей в той или иной мере стремился к борьбе со взяточничеством и к ограничению чиновничьего произвола, но к выдающимся успехам это не приводило. При Иване IV Грозном на развитии политической системы и борьбе с коррупцией благоприятно отразилась деятельность «Избранной рады», которая, однако, потом была распущена. Царь сменил политику реформ на политику опричного террора, которая в сочетании с затяжной и безуспешной Ливонской войной негативно сказалась на настроении общественных масс и способствовала развитию беззакония и коррупции. Распространение взяточничества и казнокрадства подрывало доверие к власти, принципам государственного управления, вызывало серьёзные социальные потрясения.

В эпоху реформ Петра I был создан огромный бюрократический аппарат, постепенно разраставшийся и увеличивающий свою роль в управлении государством. Это благоприятствовало развитию коррупции при Петре, несмотря на создание развитой системы контроля. После смерти царя-реформатора, в эпоху беспорядка и дворцовых переворотов, были созданы все условия для процветания взяточничества и злоупотреблений властью. Ситуация несколько улучшилась в период правления Екатерины II, когда в России были предприняты первые шаги к созданию правового государства, однако коррупция продолжала существовать. То же можно сказать и в отношении периодов царствования последующих правителей.

При последнем российском императоре Николае II наблюдался расцвет коррупции, в которой были замешаны не только чиновники, но и приближённые императора и даже члены императорского семейства. Достаточно вспомнить Григория Распутина, «святого старца», открыто бравшего взятки. Именно коррупция стала одной из причин назревания революционных настроений и способствовала

приходу к власти большевиков. В советском государстве стало происходить постепенное сращивание новой бюрократии с дореволюционной. В результате возникла советская номенклатура, во многом унаследовавшая пороки прежних времён, в том числе коррумпированность.

В 1922 году вышел закон, предусматривавший за взятку расстрел. Впоследствии жесткие карательные меры по борьбе с коррупцией вошли в постоянную практику государства, особенно при И.В. Сталине, что способствовало уменьшению масштабов проблемы. Однако коррупция не исчезла, и в последующем стала проникать во все отрасли власти, дискредитируя ее и вступая в противоречие с потребностями общества. В значительной степени коррупция усугубила кризис эпохи социализма и приблизила распад СССР.

В современной России коррупция дошла до невиданных прежде масштабов, получила широкое распространение в обществе. Значительная часть представителей российского бизнеса завоевала себе место за счёт злоупотреблений и откровенного криминала. Коррупция превратилась в плачевную реалию жизни, особенно в сфере предпринимательства, политики, бюрократического аппарата.

В настоящее время отношениями коррупции пронизаны все сферы социального взаимодействия. С этим сложно не согласиться. Стоит также отметить, что коррупция сегодня превратилась из эпизодических, спонтанных проявлений в регулярное обыденное явление.

В политической сфере коррупция дискредитирует власть, вызывает недоверие к ней со стороны различных субъектов международной деятельности, населения страны, ставит под сомнение социальную полезность реформ, дезорганизует осуществление всех без исключения функций государства, создает благоприятные условия для криминализации государственных институтов и задает негативную динамику трансформации политического режима в стране.

Основными формами проявления коррупции являются: взяточничество за законное и незаконное предоставление благ и услуг; протекционизм, проявляющийся в должностных продвижениях лиц по признакам родства, приятельских отношений или личной преданности; сращивание работников органов управления с преступными элементами и сокрытие преступлений отдельных лиц и обеспечение их безнаказанности; поддержка и лоббирование интересов теневой экономики в ответ на политическую поддержку или выдвижение на должности во властных структурах; инвестирование частных предприятий и организаций за счет государственного или местного бюджета; приватизация с незаконной передачей государственной собственности в частные руки, предоставление льгот, секретной служебной информации заинтересованным лицам; предоставление права или возможностей заключать выгодные контракты; содействие в заключении невыгодных для государства контрактов с иностранными фирмами и другие.

На сегодняшний день коррупция является одним из самых опасных явлений, как для общественной жизни, так и для государственного управления. Она несет угрозу национальным интересам России, а также наносит большой вред безопасности нашей страны. В настоящее время решение данной проблемы стоит на одном из первых мест в государственной политике.

Литература:

1. *Гуркин А.Б.* Возникновение и развитие коррупции в мире : учебное пособие / А.Б. Гуркин, П.А. Гостенков, И.П. Потехина, К.Н. Скворцов. СПб. : 2009.

Проводя действенную и решительную антикоррупционную программу, Россия должна учитывать ряд причин и условий коррупции, ограничиваться не только мерами общей профилактики, чтобы в целом устранить причины преступности, но также проводить специальные мероприятия, которые помогут исключить ряд факторов, приводящих к совершению данного действия.

Literature:

1. *Gurkin A.B.* The emergence and development of corruption in the world: the textbook / A.B. Gurkin, P.A. Golenkov, I.P. Potekhin, K.N. Starlings. SPb. : 2009.

Харашвили Георгий Романович
аспирант кафедры
публичного права и процесса,
Департамент правового регулирования
экономической деятельности
kharashvily@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием преступлений в бюджетной сфере. Цель работы – раскрыть понятие преступления в бюджетной сфере, провести исследование законодательства Российской Федерации, в котором закреплено понятие бюджетной системы, обосновать отнесение бюджетной сфере к объектам уголовно-правовой охраны.

Выявлено, что на сегодняшний день уровень криминализации отношений, складывающиеся в процессе формирования и использования бюджетных средств, достаточно высок. При этом специальных составов, предусматривающих ответственность непосредственно за совершение общественно опасных противоправных деяний в бюджетной сфере, в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации не существует.

Сделан вывод о необходимости включения бюджетной сферы в объекты уголовно-правовой охраны и криминализации отдельных правонарушений, посягающих на процесс расходования бюджетных средств.

Ключевые слова: бюджетная система, преступления в бюджетной сфере, расходование бюджетных средств, формирование бюджетных средств, мошенничество, растрата, нецелевое расходование бюджетных средств.

В последние годы сфера распределения и использования бюджетных средств, оказалась зоной повышенной криминальной активности.

Ежегодно в каждом регионе страны регистрируются многочисленные факты хищения бюджетных средств.

Наряду с повышенной активностью криминальных явлений наблюдается причиняемый ущерб бюджетной системе Российской Федерации. Так, Счетная палата Российской Федерации отмечает, что наибольший удельный вес в общем объеме выявляемых нарушений приходится на нарушения, допускаемые при формировании и исполнении федерального бюджета, а также при осуществлении государственных (муниципаль-

Georgiy R. Kharashvily
post-graduate student of the department
public law and process,
Department of Legal Regulation
economic activity
kharashvily@mail.ru

CRIMES IN THE BUDGETARY SPHERE. CONCEPT AND FEATURES OF QUALIFICATION

Annotation. In article is considered the questions connected with a concept of crimes of the budgetary sphere. The work purpose – to open a concept of crime of the budgetary sphere, to conduct a research of the legislation of the Russian Federation in which the concept of the budgetary system is fixed, to prove reference to the budgetary sphere to objects of criminal legal protection.

It is revealed that today the level of criminalization of the relations, developing in the course of formation and use of budgetary funds, is rather high. At the same time the special structures providing responsibility directly for commission of socially dangerous illegal acts in the budgetary sphere in the existing criminal legislation of the Russian Federation doesn't exist.

The conclusion is drawn on need of inclusion of the budgetary sphere in objects of criminal legal protection and criminalization of the separate offenses encroaching on process of expenditure of budgetary funds.

Keywords: the budgetary system, crimes in the budgetary sphere, expenditure of budgetary funds, formation of budgetary funds, fraud, waste, inappropriate expenditure of budgetary funds.

ных) закупок и закупок отдельными видами юридических лиц (млрд. рублей/количество), – 278,9 млрд рублей (54 % общего объема нарушений) и нарушения ведения бухгалтерского учета, составления и представления бухгалтерской (финансовой) отчетности – 78,2 млрд рублей (15,1 % общего объема нарушений).

В этой связи целесообразно предположить, что защита бюджетных правоотношений должна стать одной из приоритетных задач для органов законодательной власти, например путем отнесения бюджетных правоотношений, к объектам уголовно-правовой охраны, ввиду высокой угрозы финансовой безопасности государства, вызванной негативными последствиями для бюджета Российской Федерации от совершаемых правонарушений.

Исходя из сущности бюджетных преступлений, в качестве родового объекта следует выделять сферу экономики. Однако как справедливо замечает Д.А. Бойков преступления, которые могут быть совершены в данной сфере – не ограничиваются структурой Раздела VIII. «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Российской Федерации [1].

При этом можно с уверенностью сказать, что видо-вым объектом данных преступлений является финансовая деятельность государственных органов и муниципальных образований, а именно действия таких органов, направленных на реализацию финансовой политики государства путем создания, перераспределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, необходимых для обеспечения выполнения государственных задач и функций» [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что преступления в бюджетной сфере – это общественно опасные деяния, посягающие на реализацию финансовой деятельности государства, то есть на установленный порядок формирования, распределения и использования централизованных фондов денежных средств, предназначенных для осуществления государством и местным самоуправлением своих задач и функций.

И.Н. Соловьев справедливо отмечает, что специальных составов, предусматривающих ответственность непосредственно за совершение общественно опасных противоправных деяний в бюджетной сфере, в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации не существует, как отсутствует и отдельный статистический учет таких преступлений [2].

Литература:

1. *Бойков Д.А.* Общественные отношения, складывающиеся на стадии расходования бюджетов, как видовой объект нецелевого расходования бюджетных средств // «Российский следователь», 2005, № 9. С. 7.
2. *Соловьев И.Н.* Особенности квалификации преступлений в финансово-бюджетной сфере // «Налоговый вестник», 2015, № 5, С. 66.
3. *Макаров А.В.* «Бюджетные правоотношения как объект преступных посягательств» // «Банковское право». 2005. № 5, С. 6.
4. *Макаров А.В.* Преступность в бюджетной сфере – понятие, тенденции, предупреждение : автореф. дис. ... док. юрид. наук. СПб, 2005. С. 20.
5. *Соколова Э.Д.* Правовые основы финансовой системы России / отв. ред. Е.Ю. Грачева. М. : ИД «Юриспруденция», 2006. С. 29.

Таким образом, то, что выявляется правоохранительными органами, квалифицируется по различным составам в зависимости от наличия в совершенном деянии признаков злоупотребления должностными полномочиями, мошенничества, растраты, нецелевого расходования бюджетных средств и т.д. [2, 66].

Таким образом, подтверждается суждение, что преступления в бюджетной сфере не ограничиваются структурой Раздела VIII. «Преступления в сфере экономики» УК РФ, а являются элементами общественных отношений, которые составляют объекты преступных посягательств таких разделов Особенной части УК РФ как:

1. Раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».
2. Раздел X «Преступления против государственной власти».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что уголовное законодательство Российской Федерации, на сегодняшний день, нуждается в изменениях, в части совершенствования защиты общественных отношений, складывающихся в процессе формирования, распределения и использования централизованных фондов денежных средств, предназначенных для осуществления государством и местным самоуправлением своих задач и функций, например в установлении специальных составов, предусматривающих ответственность непосредственно за совершение общественно опасных противоправных деяний в бюджетной сфере и их систематизации в отдельном разделе УК РФ.

Literature:

1. *Boikov D.A.* The public relations developing at a stage of expenditure of budgets as specific subject to inappropriate expenditure of budgetary funds // «The Russian investigator», 2005, № 9. P. 7.
2. *Solovyov I.N.* Feature of qualification of crimes in the financial and budgetary sphere // «The tax messenger», 2015, № 5, P. 66.
3. *Makarov A.V.* «Budgetary legal relationship as subject to criminal encroachments» // «The bank right». 2005. № 5, P. 6.
4. *Makarov A.V.* Crime in the budgetary sphere – a concept, tendencies, prevention : Avtoref. yew. ... dock. юрид. sciences. SPb, 2005. P. 20.
5. *Sokolova E.D.* Legal bases of a financial system of Russia / отв. edition of E.Yu. Grachev. M. : IDES «Law», 2006. P. 29.

Шуйский Андрей Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал), Северо-Кавказский
федеральный университет в г. Пятигорске
425257@mail.ru

Andrey S. Shuisky

Candidate of Law, Associate Professor of the
Criminal Law Department,
Institute of Service, Tourism and Design
(branch), North-Caucasian
federal university in Pyatigorsk
425257@mail.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ С ДВОЙНОЙ ПРЕВЕНЦИЕЙ

Аннотация. К вопросам понятия и сущности превентивного потенциала средств в уголовно-правовых вопросах, применения различных форм уголовной ответственности и наказания, ученые-юристы обращались многократно. Однако с появлением новых форм преступности в условиях социальной реальности возникает острая проблема противодействия преступным деяниям посредством уголовно-правовых норм, где главной аксиомой предупреждения преступлений и ее производных является превентивная функция, реализуемая благодаря общей и частной превенции.

В статье рассмотрен также эффект уголовно-правовых норм с двойной превенцией, определяемый непосредственной связью превентивного действия первичного и вторичного объектов, где в качестве условий для совершения нового преступного действия выступает ответственность, предусмотренная нормой с двойной превенцией за предшествующее преступное деяние.

Ключевые слова: преступность, уголовно-правовые нормы, превенция, уголовная ответственность, наказание, превентивное действие, предупреждение преступности.

Размышления над достаточно продолжительным опытом различных стран по борьбе с преступностью, исследование применяемых стратегий для уничтожения этого страшного социального явления, заставляют задуматься над проблемой стратегического характера в борьбе с этим феноменом. Разрешением данной проблемы является, прежде всего, предупреждение, [1, с. 276] которое представляет собой многоуровневую систему различных мер государственного и общественного характера, ориентированных на устранение причин преступности [2, с. 185].

Выделяют следующие уровни деятельности по предупреждению преступности:

– общесоциальный уровень включает осуществление крупномасштабных мероприятий

CRIME PREVENTION AND CRIMINAL-LAW NORMS WITH DOUBLE PREVENTION

Annotation. The lawyer scientists applied repeatedly to the questions of the concept and essence of the preventive potential of the means in criminal law issues, the application of various forms of criminal responsibility and punishment. However, with the emergence of new forms of crime in the conditions of social reality, there is an acute problem of counteraction to criminal acts through criminal law norms, where the main axiom for preventing crime and its derivatives is a preventive function realized through general and private prevention.

The effect of criminal law norms with double prevention was considered in the article, which is determined by the direct link between the preventive action of the primary and secondary objects, where as the conditions for the commission of a new criminal act is the responsibility which is provided by the norm with double prevention for a previous criminal act.

Keywords: criminality, criminally-legal norms, prevention, criminal responsibility, punishment, preventive action, crime prevention.

политического, социально-экономического и культурно-воспитательного характера, которые направлены, главным образом, на устойчивое социально-экономическое развитие общества, качество жизни населения, политическую стабильность, дальнейшее возвышение культурно-нравственных ценностей;

– специально-криминологический уровень, включающий организационно-управленческие, правовые, технические и другие меры, целью которых является нейтрализация преступности и ее сегментов.

Особое место в системе специально-криминологических мер предупреждения преступности занимает уголовно-правовая профилактика, под которой понимается «предупредительное воздействие

уголовной ответственности и наказания, а также других уголовно-правовых средств на криминогенные факторы» [4, с. 5–6].

Специфика уголовно-правовых средств предупреждения преступности заключается, прежде всего, в том, что в их основу положена уголовная ответственность, угроза применения которой и призвана удерживать от совершения преступлений. Являясь наиболее строгим видом юридической ответственности, уголовная ответственность выражается в значительном ограничении правового статуса лица, совершившего преступление [3, с. 166–187], что само по себе не может оказывать определенного превентивного воздействия.

Конечно же, не стоит преувеличивать роль уголовно-правовых средств для профилактики преступности. Следует отметить, даже учитывая значимость и роль превентивного потенциала средств в уголовно-правовых вопросах, тем не менее различные формы применения уголовной ответственности и наказания не могут быть наиболее эффективными в решении вопросов борьбы с преступностью.

Как отмечал по этому поводу Э. Ферри, «наказание бессильно, если вне его и до него не принимаются меры, направленные к тому, чтобы нейтрализовать или уменьшить вредное влияние социальных факторов» [5, с. 260].

Следует отметить, что одной из главных аксиом предупреждения преступлений и ее производных

Литература:

1. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М. : Юрист, 2003. С. 276, 301–302.
2. *Криминология : учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева.* М., 2004. С. 185.
4. *Мальцев В.В.* Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 166–187.
3. *Побегайло Э.Ф.* Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности / Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревин. М., 1989. С. 5–6.
5. *Ферри Э.* Уголовная социология / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2005. С. 260.
6. *Шаргородский М.Д.* О системе советского права / М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 108.

является превентивная функция, которая реализуется благодаря общей и частной превенции. Эффект уголовно-правовых норм с двойной превенцией, определяемый непосредственной связью превентивного действия первичного и вторичного объектов, где в качестве условий для совершения нового преступного действия выступает ответственность, предусмотренная нормой с двойной превенцией за предшествующее преступное деяние.

Общая превенция заключается в удержании определенного круга лиц (по данным отечественных и зарубежных исследователей, их число варьируется от 6 до 21 % для различных категорий населения, например, сельского и городского) от совершения преступлений путем угрозы применения уголовно-правовых санкций. Обще превентивный эффект уголовно-правовых запретов основан на том, что «сам факт существования запретительных норм уголовного права, карающих за совершение общественно опасного деяния, воздействует на отдельных лиц, склонных к совершению преступлений, и удерживает их от совершения преступных действий» [6, с. 108]. В свою очередь, частная превенция представляет собой предупреждение повторного совершения преступления лицом, привлекавшимся к уголовной ответственности за ранее совершенное преступное деяние.

В заключении хотелось бы отметить, что частная и общая превенция не используют всего имеющегося потенциала уголовно-правовых средств предупреждения преступлений.

Literature:

1. *Kudryavtsev V.N.* Strategies to combat with crime. M. : Lawyer, 2003. P. 276, 301–302.
2. *Criminology : textbook / Ed. N.F. Kuznetsova, V.V. Luneva.* M., 2004. P. 185.
4. *Maltsev V.V.* Introduction to criminal law. Volgograd, 2000. P.166–187.
3. *Pobegailo E.F.* Criminally-legal means of the prevention of grave crimes against the person / E.F. Pobegailo, V.P. Revin. M., 1989. P. 5–6.
5. *Ferry E.* Criminal sociology / Comp. and pre. V.S. Ovchinskogo. M., 2005. P. 260.
6. *Shargorodsky M.D.* On the system of Soviet law / M.D. Shargorodsky, O.S. Ioffe // Soviet state and law. 1957. № 6. P. 108.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Сулейманова Карина Ашотовна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры торговой политики,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
rustasul@mail.ru

Karina A. Suleymanova

Candidate of economic sciences,
associat professor of Trade Policy,
Russian Economic University
by G.V. Plekhanov
rustasul@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫСТАВОЧНОГО МАРКЕТИНГА В РОССИИ

THE STATE AND PROSPECTS OF EXHIBITION MARKETING IN RUSSIA

Аннотация. В статье обосновывается особое значение выставочной деятельности для экономики страны, выставочно-ярмарочная деятельность рассматривается в качестве инструмента маркетинговой политики. Автор описывает его основные качества и направления развития, приводит некоторые статистические данные, касающиеся развития выставочной отрасли в России; формулирует проблемы развития выставочной деятельности в России, рассуждает о нужности создания общероссийского рейтинга выставок и ярмарок. Показана роль выставочной отрасли в период кризиса. Предложена система действий по оздоровлению отечественного выставочного рынка.

Ключевые слова: выставочная деятельность, выставочный маркетинг, выставочная индустрия, выставочный аудит, общероссийский рейтинг выставок.

Annotation. The article substantiates the special importance of exhibition activities for the country's economy, exhibition and fair activities are considered as a tool of marketing policy. The author describes his main qualities and directions of development, cites some statistical data concerning the development of the exhibition industry in Russia; formulates the problems of the development of exhibition activities in Russia, discusses the need for creating an all-Russian ranking of exhibitions and fairs. The role of the exhibition branch during the crisis is shown. A system of actions for improving the domestic exhibition market is proposed.

Keywords: exhibition activity, exhibition industry, exhibition audit, all-Russian exhibition ratings.

Как известно, выставочно-ярмарочная деятельность является инструментом макроэкономической и инвестиционной политики. Сегодня выставки и ярмарки обеспечивают мобильность рынка, создают необходимое информационное поле, формируют значительные финансовые потоки, а также приносят дополнительный доход в бюджеты всех уровней. Выставки являются связующим звеном между внутренними и международными рынками и способствуют привлечению иностранных инвестиций для реализации инвестиционных проектов российских организаций. Развивающаяся глобализация мировой экономики изменила взгляд на сущность организации выставок как инструмента продвижения продукции, поставила новые ориентиры перед выставочной индустрией, выявила потребность в формировании инновационных подходов к организации комплексной услуги представления на рынок товаров посредством участия производителя в специализированных выставках.

Сегодня выставочный бизнес превратился в заметный сегмент рынка, который заслуженно называют флагманом национальной экономики. В развитых странах создана выставочная индустрия, тесно связанная с рядом отраслей промышленно-

сти, имеющая собственную инфраструктуру, материально-техническую базу, специализированные кадры. Современная выставка – это совершенное средство маркетинговых коммуникаций, это такое связующее звено между внутренними и международными рынками, уникальный механизм продвижения товаров и услуг, эффективный инструмент повышения продаж [1].

Выставки стимулируют развитие экономики страны, особенно в регионах, оказывают существенное влияние на рост потребительского спроса на отраслевых рынках, что способствует развитию многих секторов экономики, привлечению прямых инвестиций. Особенно важны в оценке экономической эффективности выставочно-ярмарочной деятельности прогнозирование и конкретный сценарий экономического развития государства на среднесрочную и ближайшую перспективы. Более того, крупнейшие международные выставки – это еще и своеобразный инструмент политмаркетинга, который используют правительства многих стран мира для диалога с общественностью и деловыми кругами. Ведь процесс организации выставки объединяет организаторов и экспонентов с государственными структурами и общественными объединениями, что оказывает колоссальное воздействие на

формирование промышленной политики и, таким образом, способствует интенсивному развитию как отдельно взятого предприятия, так и всей экономики в целом.

Можно сказать, что сейчас выставка – это интегрированное коммуникативное средство, объединяющее в себе и маркетинг, и рекламу, и PR. Фактически, выставка – это «срез» экономической и политической ситуации в стране, это – модель нашей жизни. Поэтому «выставочный маркетинг» – очень емкое, многофункциональное понятие. Дело в том, что современная выставка – это не только инструмент позиционирования предприятия и продвижения его продукции, но и уникальная возможность проведения маркетинговых исследований. В этом смысле выставка предоставляет значительные возможности по сбору и анализу информации: отношение посетителей к предприятию и его продукции, предпочтения и критические замечания потенциальных потребителей, восприятие посетителями выставочного стенда и раздаточных материалов, анализ продукции конкурентов, анализ выставочной политики конкурентов (в том числе – ее слабые места), анализ общих тенденций рынка [2].

Основой современного рынка выставочных услуг является профессиональный выставочный бизнес, который стал крупным сегментом мирового рынка и приобрел свойства ведущей отрасли экономики ряда государств. В настоящее время сформировался полноценный мировой выставочный рынок, тесно связанный с различными отраслями экономики, имеющий собственную инфраструктуру и материально-техническую базу, широкую сеть участников из большинства стран мира [3].

Уже сформировался большой круг предпринимателей, занятых в сфере выставочного бизнеса, решающих вопросы организации выставочных площадей, их обслуживания, создания соответствующей инфраструктуры, системы управления, застройки. Появилась целая плеяда бизнесменов, взявших на себя роль организаторов выставок. И это не просто коммивояжеры, а очень грамотные, серьезные люди, обладающие определенным опытом организации и создания концепции выставки. Каждый из них ищет свою нишу в этом весьма непростом бизнесе, требующем изучения рынков спроса и предложений, возможностей отдельных предприятий, вопросов рекламы, проблем экономики той или иной индустрии и так далее.

Каждый год в России проводится огромное количество выставочных мероприятий, проходят конгрессы, тысячи экспонентов выезжают на зарубежные выставки. Некоторые из мероприятий государство поддерживает административно (без выделения денежных средств), некоторые – финансово, выделяя на проведение мероприятий бюджетные средства по линии различных министерств и ведомств. Формат, объемы финансирования, способ выбора объектов для поддержки, и, наконец, оценка эффективности подобной поддержки – все это вызывает множество вопросов в профессиональной выставочной среде.

В 2015 году в России состоялись более 1,5 тыс. выставок. По данным аналитиков Protoplan, в них поучаствовали около 180 тыс. экспонентов и более 12,9 миллиона посетителей. Общая площадь нетто составила более 4,4 млн м². В аккредитованных РСВЯ 842 выставках площадью нетто более 1,8 млн м² приняли участие 99 835 экспонентов и 7,4 миллиона посетителей. Кризисные явления в экономике и осложнение геополитической обстановки не могли не повлиять на московские выставки. В 2015 г. наблюдалось общее снижение всех основных показателей – сократились объемы арендованной площади, количество экспонентов и посетителей, в среднем, на 20–30 %.

Цифры за 2016 год показывают, что выставок в России стало больше, а вот экспонентов и посетителей – меньше. Выставочная площадь нетто сократилась на 15 %, арендованная – на 17 %; количество экспонентов снизилось на 15 % (в т.ч. иностранных – на 23 %, отечественных – на 13 %). Очевидно, что подобная динамика отражает реальную ситуацию в российской экономике. По сути, выставочный рынок России отброшен на 10 лет назад.

Аналитики рассмотрели основные выставочные отрасли и обнаружили, что больше всего мероприятий прибавилось в секторах строительства и садоводства – на 4,8 и 12,9 % соответственно. Снизилось число медицинских и сельскохозяйственных выставок; в сферах легкой промышленности и товаров для дома, посуды и сувениров мероприятий стало меньше на 2,5 и 3,1 % соответственно. Самый крупный прирост экспонентов показали выставки отрасли цветоводства, садоводства и ландшафтного дизайна – 18 %. На втором месте выставки сферы продуктов питания, где участников стало больше на 6,3 %. На третьем – проекты в области сельского хозяйства, прирост составил 5,7 %.

В список самых активных выставочных городов и регионов регулярно входят Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Красноярский край, Башкортостан и Краснодарский край – традиционно здесь проходит больше всего мероприятий, но в этом году некоторые лидеры сдали свои позиции. Москва обогнала Санкт-Петербург по темпу роста – в Питере в 2016 г. выставок стало больше всего на 1 %, в то время как в столице – на 6,4 %. По числу экспонентов питерские выставки упали всего на 2 %, а вот посетителей стало значительно меньше – на 21 %. В Москве оба этих параметра выросли на 1,4 % и 8,8 % соответственно.

Несмотря на сложную ситуацию в экономике, ведущие отраслевые выставки сохранили свои позиции и пользуются заслуженным авторитетом. Появляются новые тематики, среди которых одна из главных – импортозамещение. Активно развиваются деловые программы мероприятий.

Сегодня нужно не только сохранить накопленный потенциал выставочного бизнеса, но и активно его использовать для развития экономики страны, при этом ведущую роль в развитии вы-

ставочной деятельности должны играть отраслевые союзы и ассоциации.

Эффективность выставок зависит от наличия и степени взаимодействия трех факторов: профессионализм и мобилизация выставочного бизнеса, широкое участие в нем отраслевых союзов и ассоциаций, государственная поддержка выставочной отрасли.

Для этого нужны следующие меры:

- консолидация усилий органов власти, торгово-промышленных палат, отраслевых объединений и выставочных организаций;
- развитие выставок и наращивание отечественного участия в мероприятиях в тех отраслях, в которых уже сегодня имеется возможность начать работу по импортозамещению;
- организационная и информационная поддержка федеральными структурами власти.

Необходимо отметить, что ускоренное технологическое развитие, прежде всего информационных и коммуникационных технологий, и связанное с этим наступление глобализации приводит к росту значения выставочных проектов в ряду коммуникативных инструментов, которые:

- становятся одним из эффективных механизмов реализации инновационного процесса;
- обеспечивают мобильность рынка;
- создают необходимое информационное поле;
- формируют значительные финансовые потоки;
- – приносят дополнительный доход в бюджеты всех уровней.

Динамика развития выставочного бизнеса в настоящее время свидетельствует о переходе количественных изменений в качественные. Иначе говоря, происходит преобразование выставочного рынка в сторону его глобализации, преобладания тенденций кооперации. Отмеченная тенденция является результатом исчезновения мелких фирм, сокращения как выставок и ярмарок, так и операторов; постепенного исчезновения однотипных выставок.

Перспективы развития выставочной индустрии сегодня связаны с обеспечением на государственном уровне ее координации и поддержки, обеспечением правовой защиты отечественных выставочников, оценкой выставочной деятельности по результатам эффективности выставочных мероприятий, развитием конгрессной индустрии, созданием современных (и обновлением действующих) выставочных комплексов, формированием многоуровневой системы подготовки и повышения квалификации кадров для выставочной отрасли и, как первоначальный этап совершенствования качества и эффективности реализации бизнес-проектов в данной области - методическое обеспечение процедур подготовки и реализации выставочных проектов [4].

Взаимодействие участников выставочного рынка должно быть системным и эффективным. Разделение обязанностей понятно: государственные структуры – поддержка значимых мероприятий; отраслевые ассоциации – координация и привлечение к участию ключевых участников отрасли; выставочные организации – организация мероприятий.

Сегодня одна из важнейших проблем – это проблема доверия экспонентов к выставкам и ярмаркам, которая до сих пор не снята как в столице, так и в регионах. В выставках и ярмарках принимает участие всего 1,5–2 процента российских компаний (без учёта розницы), в то время как в развитых странах этот показатель гораздо выше. В качестве причин такого положения вещей могут быть названы недобросовестная конкуренция выставок, неравные конкурентные условия участия в выставках российских и зарубежных компаний. Решение этой проблемы, на наш взгляд, состоит в разработке общероссийского рейтинга выставок.

Преимущества, связанные с появлением общероссийского рейтинга выставок, состоят в следующем:

1. предоставление экспонентам и посетителям простого и понятного инструмента для выбора интересующих их эффективных тематических выставок;
2. появление у выставочной отрасли системного инструмента для борьбы с так называемыми «выставками-двойниками»;
3. дополнительная возможность продвижения выставочной индустрии в российской и международной бизнес-среде;
4. поддержание в России системы аудита выставок и ярмарок – крайне полезной системы для выставочной отрасли, существующей во всех цивилизованных странах мира [5].

Каждый год в России проводится огромное количество выставочных мероприятий, проходят конгрессы, тысячи экспонентов выезжают на зарубежные выставки. Некоторые из мероприятий государство поддерживает административно (без выделения денежных средств), некоторые – финансово, выделяя на проведение мероприятий бюджетные средства по линии различных министерств и ведомств. Формат, объемы финансирования, способ выбора объектов для поддержки, и, наконец, оценка эффективности подобной поддержки – все это вызывает множество вопросов в профессиональной выставочной среде.

Стоит ли поддерживать те или иные выставки государственным структурам? А если поддерживать, – то какие и как? Что реально дает та или иная выставка отрасли, городу, региону и стране, какова ее реальная эффективность? Ответить на этот вопрос должна методика определения ключевых показателей бюджетной эффективности выставочно-конгрессного мероприятия (ВКМ) [6]. Ее использование поможет российским товаропроизводителям количественно

измерить экономические выгоды, получаемые как ими, так и бюджетом при проведении выставок и конгрессов, организации зарубежных экспозиций или в вопросах строительства выставочно-конгрессных центров. В итоге, государственная политика России в области проведения выставок и конгрессов может стать гораздо более профессиональной и эффективной.

Главная проблема выставочной индустрии в настоящее время, в период кризиса – это отсутствие конкретной связи между антикризисными мерами и долгосрочными задачами модернизации нашей экономики. Кризис помог глубже осознать и то, что выставка – площадка для системного получения новых знаний, методик, оценки принимаемых решений, повышения профессиональной квалификации. Несомненно, работа в кризисных условиях привела к оздоровлению выставочной отрасли. Выставочный бум последних лет имел свои издержки: расплодилось огромное количество выставок одинаковой тематики – выставок-клонов, выставок-однодневок, и с их уходом авторитет выставочной деятельности только укрепится.

Представители выставочных организаций подчеркивают, что «улица антикризисных мер долж-

на быть с двухсторонним движением». Если выставочники декларируют снижение цен, пакетные услуги, то и те организации, чья деятельность сопутствует проведению выставок и ярмарок, также должны быть солидарно вовлечены в этот процесс. Прежде всего, имеются в виду транспортные организации, ресторанное обслуживание, гостиницы. По существующим сегодня нормам государство может авансировать только до 30 процентов затрат на участие в выставках, а остальные деньги экспоненты должны искать сами: брать кредит или использовать свои собственные средства. В кризисных условиях это становится очень обременительным, особенно когда кредит дается под огромные проценты.

Несмотря на все сложности кризисной ситуации, ее нужно использовать для обновления выпускаемой продукции, чтобы инновационная составляющая была преобладающей. Инновации, импортозамещение и все другие положительные факторы проявляют себя воочию на крупнейших выставках. Именно выставки – это тот единственный механизм, где можно отследить современные тенденции отрасли, одновременно собрать в одном месте сотни, а то и более потребителей и производителей

Литература:

1. *Евтеев М.А.* Развитие выставочной деятельности на территории российской федерации // Экономика и предпринимательство, 2014. URL: <http://naukarus.com/razvitie-vystavochnoy-deyatelnosti-na-territorii-rossiyskoy-federatsii>
2. *Михайлова Е.* Перспективы рыночного маркетинга. Тезисы выступления на конференции «Маркетинг в стиле «Young» (14–15 апреля 2003 г.) URL: <http://www.sostav.ru/articles/2003/05/16/mark1-160503>
3. *Гусев Э.Б.* Выставочная деятельность в России и за рубежом / Э.Б. Гусев, В.А. Прокудин, А.Г. Салашенко. М. : ИТК Дашков, 2010.
4. *Сулейманова К.А.* Тенденции и перспективы развития выставочного дела в России // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 3. С. 37–43.
5. *Сулейманова К.А.* Выставочный аудит и формирование общероссийского рейтинга выставок – элементы прозрачности выставочной индустрии в России // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2012 № 8–9, С. 52–54.
6. *Сулейманова К.А.* Экономический эффект выставочной деятельности // Транспортное дело России. 2009. № 12. С. 96–99.

Literature:

1. *Evteev M.A.* Development of exhibition activities in the territory of the Russian Federation. URL: <http://naukarus.com/razvitie-vystavochnoy-deyatelnosti-na-territorii-rossiyskoy-federatsii>
2. *Mikhailova P.E.* Prospects of market marketing. Theses of the speech at the conference «Marketing in the style of «Young» (April 14-15, 2003) URL: <http://www.sostav.ru/articles/2003/05/16/mark1-160503>
3. *Gusev E.B.* Exhibition activity in Russia and abroad / E.B.Gusev, V.A. Prokudin, A.G. Salashchenko. Moscow : ITK Dashkov, 2010.
4. *Suleymanova K.A.* Trends and prospects for the development of exhibition business in Russia // Problems of theory and practice of management. 2016. № 3. P. 37–43.
5. *Suleymanova K.A.* Exhibition audit and formation of the all-Russian exhibition rating – elements of transparency of the exhibition industry in Russia // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2012 № 8–9, P. 52–54.
6. *Suleymanova K.A.* Economic effect of exhibition activity // Transport business of Russia. 2009. № 12. P. 96–99.

Фомичева Елена Владимировна
аспирант,
Финансовый университет при
правительстве Российской Федерации,
департамент страхования
и экономики социальной сферы
fomicele@gmail.com

Elena V. Fomicheva
post-graduate student,
Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Insurance and social economy department
fomicele@gmail.com

ОБЗОР ПЕРЕДОВЫХ ПРОГРАММ СТРАХОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА ЭЛЕКТРОГЕНЕРИРУЮЩИХ КОМПАНИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

BEST PRACTICES REVIEW OF WESTERN EUROPE POWER GENERATION COMPANIES' PROPERTY INSURANCE PROGRAMS

Аннотация. Электрогенерирующие компании Российской Федерации, образовавшиеся в результате реформы РАО «ЕЭС России», продолжают страховать свои активы, придерживаясь сложившихся традиций. Что это: консервативная политика управления рисками или проверенный инструмент защиты активов? В рамках данной работы автор проводит обзор передовых мировых программ страхования имущества компаний электроэнергетической отрасли, с целью адаптации современных инструментов защиты имущества и применения их российскими электрогенерирующими компаниями. Основной акцент в работе сделан на программы страхования Enel S.p.A., Uniper SE, Fortum Oyj – иностранные инвесторы, которые приобрели российские генерирующие активы – ОГК-5, ОГК-4 и ТГК-10 соответственно.

Annotation. Russian power generation companies resulted from RAO «UES» reform have to get used to insure their assets. Is it a pass dependence way to protect the assets or reliable risk management tool? This research is devoted to review of international insurance programs of power generation companies with the purpose to implement best practice in Russian market. Primary focus of the article is on Enel S.p.A., Uniper SE, Fortum Oyj insurance programs as these companies invested in Russian power generation assets that are OGC-5, OGC-4 and TGC-10 accordingly.

Ключевые слова: страхование, перестрахование, cat bonds, кэптивный страховщик, parametric insurance, dual trigger insurance, электроэнергетика, возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

Keywords: insurance, reinsurance, cat bonds, captive insurance, parametric insurance, dual trigger insurance, power generation, renewable energy sources (RES).

Введение
Предметом изучения данной работы являются программы страховой защиты электрогенерирующих предприятий Западной Европы и США. Имея богатый опыт страхования, электрогенерирующие компании трансформируют свои программы страхования в ходе развития бизнеса. Чтобы не потерять клиентов, страховые компании вынуждены соответствовать современным требованиям и веяниям, совершенствуя предлагаемые продукты страхования. Тем не менее страхователи ищут новые способы защиты активов и управления рисками, так как страхование остается одним из самых дорогих инструментов защиты.

но так же в Азии, Латинской Америке, США [3, 4, 9]. Все дочерние предприятия, входящие в группу (холдинг/корпорацию), следуют разработанным корпоративным требованиям и стандартам страховой защиты. Как показывает практика корпоративные стандарты на порядок лучше локальных страховых программ.

Задачей данной работы является изучение международных подходов формирования страховых программ с целью применения лучших мировых стандартов российскими генерирующими компаниями.

Вызов классическому страхованию имущества

Наибольший интерес для настоящего изучения представляют западные компании, которые в рамках реформы «РАО «ЕЭС России» приобрели российские активы: Enel S.p.A., Fortum Oyj, Uniper SE (ранее E.On). Данные компании широко представлены не только в Западной Европе,

Почти 20 лет назад, 16.07.1998 года, The Economist опубликовал статью «Meet the riskmongers» [6], в которой говорится о снижении спроса на страхование в виду его дороговизны и отсутствия 100 % гарантии выплаты (признания слу-

чая страховым) в случае наступления убытка. Промышленные компании одна за другой стали переходить к «портфельным» теориям управления рисками, которые уже давно внедрены в банковском секторе. Первой среди промышленных компаний стала Duke Energy (электрогенерирующая компания США, [2]), которая разработала модель, оценивающую кумуляцию различных рисков: изменение курса валют, изменение цен на топливо, падение цен на электроэнергию, снижение спроса и т.д. Такое моделирование дает понимание набора неблагоприятных событий, совокупность наступления которых окажет существенное воздействие на финансовую устойчивость компании. Поэтому компании с

высоким риск-аппетитом и финансовой надежностью стали отдавать предпочтение новому продукту страхования – dual trigger insurance, который разработали страховщики под нужды клиента: страховым случаем согласно условиям такого страхования является наступление одновременно двух и более событий, прописанных в договоре. Данный подход позволяет снизить затраты на страхование и одновременно избежать катастрофических убытков.

Статистика крупнейших убытков в отрасли за 16 лет, приведенная в таблице 1, наглядно иллюстрирует частоту и масштабы страховых событий.

Таблица 1

Поврежденное оборудование	Год	Классификация события	Описание причин	Чистый убыток, млн долларов
Газовая турбина	2001	Поломка оборудования	Повреждение камеры сгорания и лопаток компрессора высокого давления	15.00
Генератор	2010	Поломка оборудования	Вибрация	15.40
Трансформатор	2008	Ошибка проектирования	Повреждение шинпровода	18.20
Склад угля и ленточный конвейер	2012	Ошибка персонала	Возгорание угля в дробильной мельнице	19.90
Паровая турбина	2008	Ошибка проектирования	Повреждение упорно-опорного подшипника турбины высокого давления	25.10
Паровая турбина	2008	Ошибка проектирования	Повреждение упорно-опорного подшипника турбины высокого давления	25.10
Газовая турбина	2008	Ошибка проектирования	Поломка компрессора	26.40
Трансформатор	2009	Ошибка проектирования	Повреждение обмотки	29.80
Паровая турбина	2012	Ошибка персонала	Обрыв лопаток цилиндра низкого давления	30.40
Электростанция	2010	Природные явления	Наводнение	31.40
Газовая турбина	2009	Поломка оборудования	Повреждение лопаток компрессора высокого давления	39.50
Фильтры очистки дымовых газов	2014	Ошибка персонала	Пожар	74.00
Паровая турбина	2008	Поломка оборудования	Обрыв лопаток цилиндра низкого давления	78.00
Паровая турбина	2005	Поломка оборудования	Возгорание машинного масла, повреждение паровой турбины в результате пожара	81.00
ГРП	2012	Природные явления	Шторм	124.40
Обрушение подводящего туннеля	2010	Ошибка персонала	Дефект работ	124.90

Источник: составлено автором на основе материалов Marsh report, September 2016 [7]

Убытки в отрасли становятся крупнее, что объясняется повышением высокотехнологичности генерирующего оборудования и его стоимостью. Классификация событий по основным причинам

является неотъемлемой частью управления рисками компании, так как для каждого класса причин существуют свои способы управления, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Корневая причина	Способы управления
Ошибки персонала	а. Обучение, тренинги б. Соблюдение требований охраны труда в. Снижение нагрузки на персонал
Поломка нового оборудования	а. Ответственность производителя б. Обучение оперативного персонала для работы на новом оборудовании
Поломка старого оборудования	а. Увеличение ремонтного фонда б. Сокращение межремонтных интервалов в. Увеличение объема ремонтных работ
Природные явления (ледяной дождь, наводнения, ураганы, землетрясения, падение метеора и т.д.)	а. Строительство и эксплуатация оборудования с учетом природных зон по Munich Re б. Страхование

Защититься от природных явлений сложно, в этом случае страхование является наиболее оптимальным (если не единственным) инструментом защиты активов. Чтобы не увеличивать значительно страховой тариф, некоторые компании отдельно прописывают лимиты ответственности страховщика в случае наступления природных аномалий. Структура раскладки рисков для крупных убытков может отличаться от структуры основного договора, при этом сам страхователь так же участвует в удержании риска. В качестве примера на рисунке ниже схематично показана логика передачи риска, получившее название «corridor».

При использовании «корридора», на собственном удержании страхователя остается франшиза (в данном примере в размере 1 у.е.), затраты на финансирование убытка в третьем слое (доля участия страхователя сверх обычного лимита) и все, что попало в 5 слой (превысило дополнительный лимит).

	Доля участия страхователя
Дополнительный лимит	CORRIDOR Передача риска страховщику
Общий лимит страхования	Доля участия страхователя
1 у.е.	Удержание риска страховщиком
0	Франшиза

Рисунок 1 – Раскладка риска при наступлении крупного убытка

Страхование VI в последнее время на российском рынке перестало быть экзотикой, поэтому отдельного внимания этому покрытию в данной работе уделено не будет.

Альтернативой страхованию катастрофических убытков выступают catastrophe bonds, (cat bond), или облигации, выпущенные специальной организацией - спонсором. Подробное описание работы данного инструмента представлено в журнале Alternative Investment Analyst Review, 2015 года [1] или в русскоязычной статье [10]. Cat bonds активно обращаются на рынке ценных бумаг, Swiss Re с 2007 года рассчитывает удельный индекс cat bonds [8], а индекс доходности демонстрирует восходящий тренд с 2013 года (рис. 2), несмотря на большое количество природных катастроф.

Первой среди электрогенерирующих компаний catastrophe bond использовала Electricité de France (EDF), выпустив серию Pylon Ltd. в 2003 году и Pylon II Capital Ltd. в 2011 для защиты высоковольтных линий от штормового ветра [5]. Секьюритизация риска прошла успешно, компания получила несколько траншей в качестве страховых возмещений.

Больше всего от природных явлений, помимо высоковольтных линий передач, зависят возобновляемые источники электроэнергии (ВИЭ), для защиты

финансовых результатов работы которых был разработан такой вид страхования как Parametric Insurance. Это своего рода VI, но только не на случай поломки оборудования, а на случай аномальных отклонений природных явлений и отклонения от среднестатистических показателей (например, аномально низкая/высокая скорость ветра, отсутствие солнечных дней, засуха / дожди). Данный вид страхования – новый для электрогенерирующих компаний, однако уже есть примеры действующих договоров страхования. В Бразилии первый страховой полис Parametric Insurance был выпущен компанией Swiss Re Corporate Solutions для гидроэлектростанции.

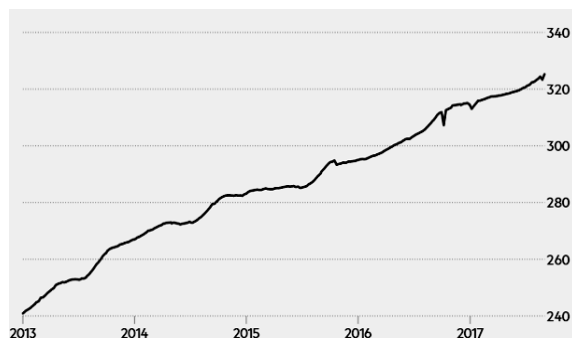

Рисунок 2 – Swiss Re уровень доходности индекса global cat bonds
Источник: Bloomberg

Характерной особенностью рассматриваемых компаний является наличие кэптивной страховой компании: Enel Insurance N.V., Fortum Insurance Ltd., Ergon Insurance Ltd., – которая выступает в качестве перестраховщика в корпоративной программе страхования и никогда (или крайне редко) – прямым страховщиком. Вопросы налоговой оптимизации с помощью кэптива оставим за рамками данного изучения.

С финансовой точки зрения большие потоки денежных средств, которые платит группа (холдинг / концерн) в качестве страховых премий могут перекрывать страховые выплаты, в этом случае группа не тратит дополнительных средств на страхование. Но риск, который выше «стандартного» удержания передается ретроцессионерам.

Российская электроэнергетика тоже имеет опыт работы с кэптивным страховщиком. Принципиальным отличием использование кэптивной страховой компании западными игроками является наличие фронтлирующей страховой компании, которая отсутствует (-вала) в российской модели. Меж тем, наличие фронтлирующей компаний является не только законодательным требованием большинства развивающихся стран, в которых оперируют рассматриваемые электрогенерирующие компании, но и имеет под собой серьезное экономическое обоснование: отсутствие излишней заинтересованности в урегулировании заявленных случаев. Фронтлирующая компания действует непредвзято, строго следуя условиям, прописанным в договорах страхования. Еще одним преимуществом такого подхода является снижение транзакционных затрат на работу с лосс-аджастерами. При правильно вы-

строеном подходе количество сотрудников кэптивной организации не превышает 3–5 человек.

Глобальные корпоративные программы страхования обеспечивают единый подход при урегулировании убытков в любой стране присутствия. Большое количество урегулирований неизбежно приводит к желанию выстроить долгосрочные отношения с партнерами, так как частая смена страховых компаний в комплексных программах усложняет управление. Для мотивации партнеров-страховщиков разрабатываются т.н. «сервисные контракты», в которых прописаны условия качества обслуживания: сроки рассмотрения убытков, сроки выплат страховых возмещений, сроки подписания документов и т.д., при достижении ключевых показателей эффективности (KPI) страховщик получает сверхпремию за высокое качество обслуживания.

Страховые компании со своей стороны также мотивируют клиентов, подписывая с ними соглашения о тантье (profit commission clause) в случае низкой убыточности по договору. Это стимулирует страхователей уделять повышенное внимание превентивным мерам.

Заключение

Таким образом, обзор международных страховых программ дает вариативность использова-

Литература:

1. Catastrophe Bonds: An Important New Financial Instrument. M. Edesess. Fall, 2015.
2. Duke Energy. URL: <https://www.duke-energy.com/home>
3. Enel. URL: <https://www.enel.com/aboutus>
4. Fortum Oyj. URL: <https://www3.fortum.com/about-us>
5. Lights out. The risk of climate and natural disaster related disruption to the electric grid, 25 July 2017. URL: http://www.swissre.com/library/archive/lights_out_the_risks_of_climate_and_natural_disaster_related_disruption_to_the_electric_grid.html
6. Meet the riskmongers // The Economist – 18.07.1998
7. Power Market Update. Marsh report, June 2017
8. Swiss Re cat Bond Indices Methodology, 01.08.2014
9. Uniper. URL: <https://ir.uniper.energy/websites/uniper/English/3200/reports.html>
10. *Огорелкова Н.В.* Вопросы секьюритизации рисков природных катастроф в России // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Экономика». 2016. № 3. С. 67–76.

ния инструментов защиты не только высокотехнологического дорогостоящего оборудования, которое используется при выработке электроэнергии, но также финансового результата компании, вне зависимости от того, что стало причиной останова оборудования: погодные условия или поломка. Мировая практика показывает, что каждая компания анализирует свои особенности, свою финансовую устойчивость, политические условия стран присутствия, и выбирает для себя наиболее оптимальный вариант защиты.

Не смотря на то, что описанные выше инструменты присутствуют на рынке уже не первый год для России они остаются новыми. Консервативный подход и недоверие к институту страхования сокращает варианты использования страховой защиты, тем самым ухудшая финансовые результаты компаний. Крупным игрокам (ПАО «РусГидро», ПАО «Росатом», ООО «ГЭХ», ПАО «Интер РАО») с серьезными денежными потоками страховых премий и страховых выплат стоит задуматься о создании (приобретении) кэптивной страховой компании, компаниям с высокой финансовой устойчивостью – пересмотреть риск-аппетит и отказаться от низких франшиз, а Национальной перестраховочной компании для увеличения емкости страхового рынка и сокращением исходящего перестрахования стоит присмотреться к секьюритизации катастрофических рисков.

Literature:

1. Catastrophe Bonds: An Important New Financial Instrument. M. Edesess. Fall, 2015.
2. Duke Energy. URL: <https://www.duke-energy.com/home>
3. Enel. URL: <https://www.enel.com/aboutus>
4. Fortum Oyj. URL: <https://www3.fortum.com/about-us>
5. Lights out. The risk of climate and natural disaster related disruption to the electric grid, 25 July 2017. URL: http://www.swissre.com/library/archive/lights_out_the_risks_of_climate_and_natural_disaster_related_disruption_to_the_electric_grid.html
6. Meet the riskmongers // The Economist – 18.07.1998
7. Power Market Update. Marsh report, June 2017
8. Swiss Re cat Bond Indices Methodology, 01.08.2014
9. Uniper. URL: <https://ir.uniper.energy/websites/uniper/English/3200/reports.html>
10. *Ogorolkova N.V.* Catastrophe risks securitization in Russia // Herald of Omsk University. Series «Economics», 2016, № 3, pp. 67–76. (in Russian).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.02.2018
Подписано в печать 22.02.2018
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская №1
Печать riso. Уч.-изд. л. 6,2
Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом-Юг»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9, литер «Г», оф. 41/3
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 1856

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://www.id-yug.com>